

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

**1
2016**

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Батуренко С.А.*
Андеркласс в современном российском обществе: проблема идентификации 3
- Ненашев М.И.*
Этнографическое исследование в качественной социологии 9
- Тавадова А.В.*
Социология XXI века в поисках «социального» 15

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Мелешко Г.А.*
Макарьевская ярмарка и ее роль в формировании Всероссийского рынка 20
- Насобин О.Б.*
Портреты Бенвенуто Челлини: опыт атрибуции на основе историко-антропологических сопоставлений 24
- Рогатко С.А.*
Научно-техническая политика в агропромышленном комплексе в XIX – начале XX века 31

ДЕМОГРАФИЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

- Новоселова Е.Н.*
Современные тенденции брачности и разводимости в Москве 38
- Рахманов А.Б.*
Становление глобального общества и логика пандемий 47
- Синельников А.Б.*
Социально-психологические и демографические последствия замены законного брака сожителем 53

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

- Лядова А.В., Восканян Э.В., Лядова М.В.*
Доверие как фактор эффективного функционирования системы здравоохранения 66

- Павлова Е.И.*
Корпоративная социальная ответственность как одна из форм концепции устойчивого развития 72
- Шимановская С.В.*
Интегративный и социально-инновационный характер системы «школа - негосударственный вуз» 75

ПЕРВЫЕ ШАГИ

- Михайлова М.А.*
Методы воспитания корпоративного патриотизма в современных организациях 80
- У Яао.*
Социальная стратификация после образования КНР 87
- Галкин К.А.*
Профессиональная идентичность молодых врачей и формирование профессиональной идентичности на индивидуальном уровне: зарубежный опыт исследований 93
- Корнилович В.А.*
Проблема управляемости спонтанных социальных процессов на глобальном, региональном и локальном уровне 99
- Решетова С.Г.*
Современные тенденции развития социально-профессиональной группы педагогов дошкольных воспитательно-образовательных учреждений России и ее регионов 106

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

- Исаев А.А.*
Вопросы социологии. СПб., 1906 111

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

- Добреньков В.И., Кравченко А.И.*
Междисциплинарная матрица социологии 148
- Качулин А.Г.*
Лексический и логический анализ понятий «эклетики», «эклетицизм» и «эклетицизм» 162

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Андеркласс в современном российском обществе: проблема идентификации

Батуренко С.А.

В статье анализируется проблема исследования андеркласса в современном российском обществе. Автор останавливается на генезисе и эволюции понятия «андеркласс» в социологической науке, показывает структуру и факторы формирования андеркласса, описывает и выделяет исследовательские и методологические подходы, разрабатываемые в отечественной социологии. Тема андеркласса раскрывается через анализ системы социальной стратификации современного общества, что характерно для отечественной социологической традиции.

Ключевые слова: система социальной стратификации, современное российское общество, социальный класс, андеркласс, методологический подход, социальная структура, социальная динамика, социальная идентификация.

Baturenko S.A.

Underclass in contemporary Russian society: a problem identification

This article analyzes the problem of the study underclass in modern Russian society. The author dwells on the genesis and evolution of the «underclass» concept in social science, shows the structure and factors of underclass, describes and identifies research and methodological approaches developed in the sociology. Subject underclass is revealed through the analysis of social stratification system of modern society, which is typical for the national sociological tradition.

Key words: system of social stratification, modern Russian society, social class, underclass, the methodological approach, the social structure, social dynamics, social identification

Анализ системы стратификации современного российского общества, показывает процессы ее непрерывного изменения, происходящего под влиянием противоречивых глобальных тенденций. Динамичное развитие системы социальной стратификации, выраженное в возникновении, развитии новых социальных групп, трансформации оснований социальной идентичности требует изучения такой специфической группы как андеркласс, интерес к которой появился еще в 90-х годах XX века.

Андеркласс как для современного западного мира, так и для России представляет исторически новое социальное явление. До начала 2000-х годов достаточно сложно обнаружить в отечественной справочной научной литературе объяснение этой категории. Хотя сам термин «андеркласс» вошел в употребление еще в начале 60-х годов прошлого века в США. Впервые этот термин использовал известный социолог Оскар Левис, изучающий проблему бедности и культуры бедности в Мексике и на Кубе, представивший его на международном конгрессе в 1958 году, а затем в работе «Пять семей: исследование культуры нищеты в Мексике». Термином «андеркласс» ученый обозначил носителей «культуры бедности». Он включает тех, кто из поколения в поколение остается хроническим безработным и целиком зависит от государственной помощи, а также характеризуется низким уровнем образования. Также ученым было выявлено, что не все люди, живущие в нищете,

развивают культуру бедности. О. Левис утверждал, что культура нищеты быстрее всего развивается в странах, отличающихся высокой имущественной поляризацией. Носители «культуры бедности» не имеют возможности улучшения своей жизни, таким образом, эта культура постепенно становится локализованной и наследуемой.

Если обратиться к истории социальной мысли, то здесь одним из первых проблему андеркласса поставил К. Маркс. Хотя он не употреблял термин «андеркласс», но по своему содержанию его понятие «резервная армия труда» описывает именно эту страту. Маркс выделил в составе этой так называемой остаточной страты пять подгрупп: 1) старые рабочие, по возрасту потерявшие трудоспособность; 2) сельскохозяйственные рабочие, переехавшие в город в поисках работы; 3) частично занятые или не имеющие регулярного заработка; 4) пауперы и все, кто не имеет работы; 5) люмпен-пролетариат, т.е. преступники, проститутки и бродяги. Можно сказать, что сегодня «андеркласс» заменяет те группы, которые во времена Марка именовали «пауперами», «люмпен-пролетариатом», «неприличными бедными» [1, 669].

К семидесятым годам XX века социологи обратились к самостоятельному изучению этого специфического социального и культурного феномена, приступили к исследованию состава, численности и субкультуры андеркласса. В результате в настоящее время накоплено огромное количество серьезной социологической литературы, основанной на разработке различных аспектов данной проблемы. Сегодня понятие андеркласса тесно связано с такими явлениями, как маргинализация общества и образование «социального дна». Дискуссионным остается вопрос о том, кого именно, какие группы низшего класса относить к андерклассу. Современная наука признает, что это самый бедный, наименее образованный, малоинициативный и социально беспомощный слой; слой, образуемый деклассированными элементами (пьяницы, наркоманы и др.), потерявшими человеческий облик; «социальное дно» общества; слой общества, находящийся ниже всех классов в социальной иерархии. Доля пожилых людей здесь в 1,6 раза выше средней, женщин в 1,5 раза больше, чем мужчин. Современная социология оперирует множеством определений: андеркласс,

нищие, социальное дно, маргиналы, ламиналы. В ходе многочисленных эмпирических исследований андеркласса, этот термин часто использовали как синоним бедности, социальной маргинальности.

Часто андеркласс называют синонимом бедности, относя к нему людей с наиболее низким в обществе уровнем материального благосостояния; неспособных обеспечить себя достаточными средствами к существованию. Однако, как уже замечено социологами, это не совсем правильно, так как бедными могут оказаться люди временно или периодически попадающие в затруднительное положение. В современном российском обществе это чаще всего бюджетники. В данном случае главными отличительными чертами представителей андеркласса от бедных считается потеря человеческого облика и человеческого достоинства. Кроме того, если сравнивать эти две социальные группы по материальному обеспечению, то часто у андеркласса он значительно выше, чем у группы бедных. Несмотря на то, что представители андеркласса зависят от различных государственных пособий, также в структуре доходов возможны случайные заработки и нелегальные доходы, полученные от участия в преступной деятельности и теневой экономике. Очевидным становится тот факт, что люди по экономическим критериям могут относиться к бедным, а по культурным показателям не являться представителем андеркласса.

Для современного российского общества проблема андеркласса как нового социального явления, связанного со специфическим состоянием системы социальной стратификации, приобретает в настоящее время особую актуальность. В связи с этим даже сама трактовка данного термина отлична от той, которая принята в зарубежной литературе. В целом в отечественной литературе принято более узкое понимание андеркласса, чаще под андерклассом понимают «пассивных бедных» или хронических безработных [2, 65]. В отличие от этого в зарубежной литературе данный термин имеет более широкое толкование, к нему относят людей и по многим другим критериям, в результате в андеркласс входят нищие, алкоголики, наркоманы, бездомные, преступные элементы, душевнобольные.

Опираясь на значительный опыт исследования андеркласса, современные социологи

выделяют четыре ключевые черты андеркласса: постоянная депривация; социальная маргинальность; полная зависимость от государственной поддержки; субкультура фатализма. Для представителей андеркласса характерна функциональная или абсолютная неграмотность, убогие жилищные условия, абсолютная зависимость от обстоятельств и предоставляемых им государственных пособий. Поэтому андеркласс по своему положению в обществе характеризуется как вдвойне депривированный в том смысле, что он является неполноценным и социально и экономически. Следствием подобного положения становится формирование особого сознания, названного социологами субкультурой фатализма, особого типа традиций и ценностей, называемого субкультурой бедности или субкультурой андеркласса. Таким образом андеркласс описывает категорию людей, которые выпали из социальной структуры общества, кто живет вне рамок общества, господствующей культуры и общепринятого образа жизни, кто стал носителем культуры обездоленных. В современных постиндустриальных обществах проблема существования андеркласса становится непреодолимой вследствие того, что у представителей этой социальной группы отсутствует один из основных каналов социальной мобильности – наличие профессии и образования.

Одной из основных проблем, при исследовании андеркласса в современных обществах является определение его численности. При этом в зависимости от того, кого социологи считают возможным отнести к андерклассу, меняется и численность данной страты, и ее доля от всего населения, либо доля от общего числа бедных, либо только от низшего класса. Для точной интерпретации количественного соотношения данных, полученных различными социологами необходимо обратить внимание на особенности методологических подходов различных исследователей. При всем многообразии подходов в современной западной социологии, большинство ученых соглашаются с Ральфом Дарендорфом, который в 1987 году оценил численность андеркласса в 5% всего населения. Именно такие данные признавались многим социологам наиболее адекватными в конце XX века. Оценки Р. Дарендорфа подтвердились и более поздними исследованиями андеркласса в США

и Великобритании, согласно которым он составляет в настоящее время около 5% населения.

В американской социологии также первоначально особую популярность проблема получила в связи с расово-этническим положением групп, с признанием формирования «опасного черного андеркласса». Представителями андеркласса считались, прежде всего, бедные, относящиеся преимущественно к определенным расовым и этническим группам. Соответственно одним из самых спорных всегда оставался вопрос биологического наследования, оправдывающего соответствующие расовые неравенства, а также наличие индивидуальных генетических факторов, влияющих на социальное положение индивида.

Акцентируя внимание на другой стороне данной проблемы, признавая в качестве основных факторов образования андеркласса разрушение традиционной морали и изменения в культуре общества, выделяются и другие характерные черты андеркласса. Прежде всего, подчеркивается конфликтность ценностного мира представителей данной социальной группы с системой ценностей, доминирующей в данном обществе. Среди других особенностей андеркласса отмечается определенная культурная гомогенность, однородность ценностных и поведенческих ориентаций (низкая трудовая мотивация, девиантное и криминальное поведение), а также преемственность и воспроизводство отмеченных культурных особенностей.

Известный современный британский социолог Э. Гидденс, исследующий проблему возникновения и развития андеркласса в современном западном обществе, наряду с другими исследователями среди причин данного явления указывает на особенности изменения в промышленности развитых индустриальных стран в семидесятые – восьмидесятые годы. Речь идет об изменениях в традиционных отраслях промышленности связанных с ускоренным сокращением рабочих мест, приведшим к понижению социального положения людей, занятых неквалифицированным трудом в больших городах. Среди основных факторов изменения рынка рабочих мест исследователями часто отмечалась особая миграционная политика крупных компаний. Именно активное привлечение дешевой рабочей силы на неквалифицированный труд

из слаборазвитых в экономическом отношении стран создавало благоприятную почву для формирования и развития андеркласса.

Наряду с некоторыми обозначенными подходами к исследованию проблемы андеркласса следует указать еще на некоторые подходы, разрабатываемые как западными, так и отечественными социологами, которые можно условно назвать критическими. В целом они объединены идеей неприятия существования данного явления. Некоторые британские социологи, в числе которых Г. Маршалл, проводят эмпирические исследования, на основании которых утверждают, что условия длительной безработицы, и пребывание в бедности не обязательно ведут к образованию особого гомогенного социального класса, что не позволяет ученым объединять столь различные несвязанные между собой группы людей. Но еще более важно то, что членство в так называемой нижней страте часто представляет кратковременную часть жизненного цикла, в результате чего не может определять основание стабильности членов данного класса. Таким образом, подчеркивая гетерогенность и транзитивный характер обследованных групп, британские социологи отмечают невозможность детерминирования данными факторами специфической идентичности, особой культуры, определенного политического действия. Известный немецкий социолог Ульрих Бек в работе «Общество риска: на пути к другому модерну» на примере современной безработицы отмечает расщепление того, что в обществе модерна называлось классовой судьбой, на свои самые мелкие составляющие, называя их «преходящими периодами жизни». У Бек пишет: «Пораженная безработицей и нищетой общественная единица уже не группа, не класс и не слой, а порожденный рынком и существующий в специфических условиях индивид» [3, 132].

Среди российских исследователей особенностей системы социальной стратификации и в частности проблемы андеркласса некоторые не используют саму категорию «андеркласс», это В.В. Радаев, О.И. Шкаратан, Н.М. Римашевская. Действительно Н.М. Римашевская, рассматривая социальную структуру современной России, не использует термин андеркласс. Описывая профиль социальной стратификации, социолог наряду с элитой и средними слоями выделяет слой «маргиналов», характеризующихся в сво-

ей социально-экономической деятельности низкой адаптацией, а также асоциальными и анти-социальными установками. Кроме того Н.М. Римашевская выделяет «криминалитет» как слой, обладающий высокой социальной активностью и адаптацией, но при этом обычно действующий вопреки легальным нормам хозяйственной деятельности.

Другие известные специалисты, изучающие современные трансформации системы социальной стратификации, такие как Н.Е. Тихонова, Н.М. Давыдова обнаруживают в современном российском обществе так называемый «классический» андеркласс [11]. Н.Е. Тихонова в статье «От бедности к андерклассу» [6, 98-131] выделяет три уровня бедности и утверждает, что нижняя из этих страт как раз и формируется как «классический» андеркласс. В этой страте по наблюдениям ученого интенсивно формируется «культура бедности», происходят процессы его маргинализации и люмпенизации. Подводя итоги своих исследований андеркласса, Н.Е. Тихонова говорит о возможности превращения проблемы углубляющейся бедности в проблему андеркласса. В проведенных исследованиях андеркласс описывается характерными признаками «классического» низшего класса, такими как специфика занятости и образования, повышенной долей экономически неактивного населения, особенностями круга общения, самоидентификации, распространением патерналистских ожиданий и конформистских установок. Н.М. Давыдова описывает современный андеркласс через досуговую активность, ценностные ориентиры и жизненные установки, показатели нисходящей социальной мобильности [10].

В современной западной социологии, как и в современной отечественной все чаще ученые связывают проблему возникновения и развития андеркласса с миграцией и глобализацией, усиливающей миграционные процессы. При этом социологи подчеркивают значимость статуса гражданства в современных условиях развития общества. Проблема обладания таким статусом позволяет некоторым исследователям подойти к пониманию того, что же такое современный андеркласс. В современном российском обществе борьба за получение статуса гражданства является заметным сегментом социального пространства, большим полем социальной стратификации. Поэтому некоторые российские со-

циологи, например, С.А. Панарин, В.И. Мукомель, Ж.А. Зайончковская связывают проблему возникновения и развития андеркласса с мощными миграционными процессами и предлагают наиболее разработанные типологические схемы. Через анализ составляющих миграционных потоков эти социологи смогли описать структуру российского андеркласса, объединяющую самые разные социальные слои.

Рассматривая андеркласс в современном российском обществе как феномен, определяемый процессами миграции, следует отметить, что он имеет свою особую специфику. Как следствие миграционного процесса андеркласс возник в России значительно позже, чем на Западе, и определялся он особенностями исторического развития страны. В частности можно отметить некоторые особенности этого развития, сдерживающие достаточно длительное время появление андеркласса в системе стратификации современного российского общества. Огромные территории, богатые природные ресурсы, квалифицированный трудовой потенциал бывшего СССР, относительно закрытый характер этого государства, его активная внутри-миграционная и социально ориентированная политика, отсутствие легитимных институтов частной собственности и наемного труда. Распад СССР дал возможность развитию современных миграционных процессов на его территории. По величине миграционного потока Россия заняла третье место в мире, уступая, поэтому показателю только США и Германии.

С позиций данного подхода можно рассматривать и складывающуюся структуру андеркласса в современном российском обществе, например, на основании схемы, разработанной С. Панариным, выделяющим различные типы миграции, характерной для современного российского общества [7]. Это экономическая, этническая миграция, особая категория мигрантов – апатриды, а также «трафик рабочей силы», динамика развития выделенных типов миграционных процессов определяет и структуру современного российского андеркласса. Он объединяет самые разные социальные слои: ищущих убежище, торговые меньшинства, предпринимателей криминальной ориентации, незаконных трудовых мигрантов, не вовлеченных в трудовую практику нелегалов, транзитных мигрантов, рабов [4, 133], а также часть беженцев и

вынужденных мигрантов. Таким образом, в структуре андеркласса находят отражение целые сегменты социальной структуры всего российского общества. В ней можно обнаружить свои «высшие» слои (собственники предприятий, домовладельцы, торговцы «живым товаром», наркобизнес), «средние» слои («торговые меньшинства»), бедняки, пауперы, люмпены (незаконные трудовые мигранты, часть беженцев и вынужденных мигрантов, не работающие нелегалы, лица, ищущие убежище) и слои, чей труд подвергается насильственной эксплуатации и не оплачивается (рабы).

В такой разнородной структуре андеркласса, являющейся продуктом нелегитимных социальных отношений отчетливо проявляются некоторые противоречия. С одной стороны, современный андеркласс представляет собой результат нисходящей социальной мобильности, с другой – в составе этого социального слоя присутствуют страты, чей уровень благосостояния сравним со стандартами жизни местной экономической элиты. Противоречивость такой ситуации связана со сложным, транзитивным и многомерным характером современных стратификационных отношений. Поэтому всвязи с современными процессами постмодернизма, исчезают традиционные социальные границы, позволяющие раньше более четко различать классы и страты в системе социальной стратификации. Происходящая деконструкция отдельных социальных групп (буржуазии, пролетариата или среднего класса в их классическом понимании), привела к смене компонентов стратификационного пространства, а также к изменению общепринятых критериев выделения тех или иных социальных страт. Традиционные критерии потеряли свое прежнее значение. Поэтому одним из главных критериев при определении андеркласса становится не только выяснение отношения к собственности и размера дохода, а также такой критерий как отсутствие гражданства. В этом смысле для исследований андеркласса очевидна недостаточность прежних критериев классообразования, таких как отношение к средствам производства и величина доходов. И для понимания современных социально-стратификационных процессов особое значение приобретает их внеэкономическое измерение. С точки зрения многих российских социологов андеркласс не вмещается в рамки

обычного понимания категории класса еще и потому, что составляющие его страты не объединены между собой общими ценностными установками, поведенческими приоритетами, а также не осознают себя как класс, не занимают активной политической позиции.

Андеркласс представляет собой следствие развития современного индустриального и постиндустриального общества. При изучении этой социальной группы отдельные признаки, такие как исключение из сферы экономических и социальных прав, принадлежность к среде иммигрантов, связь с криминальной экономикой сами по себе не являются отличительными признаками андеркласса. Не всегда подтверждаются выработанные в ходе многочисленных исследований и принятые отечественными социологами основные характерные черты андеркласса, такие как: постоянная депривация; социальная маргинальность; субкультура фатализма; полная зависимость от государственной поддержки. Также остается актуальным вопрос о том, считать ли андеркласс результатом внутренних стратификационных процессов или следствием влияния миграции, глобализации. В зависимости от близости к тем или иным методологическим основаниям современные исследователи вкладывают разное содержание в эту социологическую категорию. Попытки определения современного андеркласса отражают, таким образом, и социальную и культурную, а также гражданскую и политическую характеристику его представителей. Различные подходы к исследованию данной проблемы по-разному понимают и описывают наблюдаемое явление. Тезис о самом существовании этого специфического социального и культурного феномена и в настоящее время остается спорным. Между учеными, представляющими различные социологические подходы, ведутся активные научные дискуссии о возможности существования, современном положении, тенденциях развития

андеркласса, а также возможных проблемах, порожденных его существованием значимых для современных обществ. Требуется проведение конкретных эмпирических исследований с целью дать ответы на вопросы о существовании, динамике изменения данного социального слоя, практических рекомендаций преодоления существующих проблем, связанных с андерклассом современного российского общества.

Литература

1. Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. Стратификация и мобильность. Т. 15, М.: ИНФРА-М, 2007.
2. Балабанова Е.С. Андеркласс: понятие и место в обществе // Социс 1999. №12.
3. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
4. Модернизация социальной структуры российского общества. М.: Институт социологии РАН, 2008.
5. Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003.
6. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социологии РАН, 2007.
7. Панарин С.А. Безопасность и этническая миграция в России // Pro et Contra. 1998. №4. с.5-27
8. Миграция и информация / Под. Ред. Зайончковской Ж.А. М.: Центр изучения вынужденной миграции в СНГ, 2000
9. Разумов А.А., Ягодкина М.А. Бедность в современной России. М. 2007.
10. Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности. – Социс, 2003, №6;
11. Давыдова Н.М. Влияние социального капитала на формирование и воспроизводство социальных неравенств в российском обществе. – Социальное неравенство и социальная политика. – М.: Наука, 2007.

Этнографическое исследование в качественной социологии

Ненашев М.И.

Этнографическое исследование определяется как изучение повседневной жизни сообществ людей, отличающих себя в качестве более или менее самостоятельных единиц. Эти единицы встроены в крупные социальные механизмы и социальные группы, тем не менее представляют параллельный этим механизмам и группам особый пестрый мир. Поэтому можно говорить о сосуществовании двух миров, состоящих из одной и той же совокупности индивидуумов.

Жизнь сообщества должна быть представлена исследователем посредством привычных для его членов выражений, метафор и образов, и в то же время так, чтобы их жизнь мог понять человек «со стороны». Выполнение этих требований не может быть совмещено формально. Поэтому жизненный мир одного и того же сообщества предстает неодинаковым в описании разных исследователей. Но эти несоответствующие картины позволяют получить всестороннее описание реальной жизни сообщества.

Даны примеры изучения конкретных сообществ и особенности этнографического исследования, связанные с тем, что социолог изучает человеческое общество, будучи сам его членом.

Ключевые слова: сообщество, качественная социология, смысл, столкновение, социальная реальность, реальная власть.

Nenashev M.I.

Ethnographic research in qualitative sociology

Ethnographic research is defined as the study of everyday life of the community of people that distinguish themselves as more or less independent units. These units are embedded in larger social mechanisms and social groups, however, are parallel to these mechanisms and groups special colorful world. Therefore, we can speak about the co-existence of two worlds consisting of the same set of individuals.

The community must be submitted by a researcher familiar to its members, expressions, metaphors and images, and at the same time so that their life can understand people «from outside». These requirements cannot be combined formally. Therefore, the life-world of one and the same community appears differently in the description of different researchers. But these non-matching pattern allow to obtain a comprehensive description of the real life community.

Examples of specific study communities and particularly ethnographic research associated with what the sociologist studies the human society, being himself a member.

Key words: community, qualitative sociology, meaning, interpretation, social reality, real power.

Прилагательное «этнографическое» происходит от слова «этнография», которое буквально переводится как описание народов, или народностей, или этносов. В качественной социологии под этнографическим исследованием понимается изучение повседневной жизни различных сообществ людей (необязательно народностей или этносов), которые отличают себя от других сообществ в качестве более или менее самостоятельной единиц.

Таким сообществом может выступать производственный коллектив, в котором работники более или менее хорошо знают друг друга на личном уровне, и их связывают так называемые неформальные отношения. В то же время очевидно, что этот коллектив не представляет собой нечто изолированное от остального мира. В качестве одного из звеньев он входит в предприятие или в фирму, которая, в свою очередь, встроена в гигантскую товарную сеть, пронизывающую своими филиалами полстраны.

В качестве примера сообщества можно рассмотреть конкретную семью в виде особого микрокосма со своими традициями и ценностями. Но и семья не существует сама по себе. Через участие в общественном производстве ее взрослых членов, учебу подростков в школе, малышей, которых полусонными отводят утром в детские сады, – семья встроена в структуру, называемую обществом. Можно изучать повседневную жизнь бомжей, отвоевавших место под солнцем в полуразвалившемся деревенском доме с еще сохранившейся печкой. Но и они так или иначе встроены (по крайней мере должны быть встроены) через сеть социальных служб в официальные структуры. Можно, наконец, изучать жизнь коллектива офисных работников, замороженных отчетами и амбициозными планами начальства и переставших замечать смену времен года; ясно, что и этот коллектив в качестве одной из ячеек входит в более крупную структуру.

Однако эта встроенность в крупные социальные механизмы не отменяет собственную жизнь сообществ – конкретных мужчин и женщин, находящихся во взаимоотношениях симпатии или неприязни, и придающих смысл и значение своему повседневному сосуществованию. В сумме все эти пестрые миры: семьи, коллективы, группы бомжей или VIP-персон, встречающихся в сауне по пятницам, – складываются в реальное общество, существующее параллельно своей могущественной тени – бюрократическим структурам, объединяющим большие социальные группы, которые количественная социология описывает коэффициентами корреляции и каузальными моделями. Таким образом, получаем два параллельных мира, состоящих из одной и той же совокупности индивидуальных умов.

Предметом этнографического исследования являются сообщества мужчин и женщин в той мере, в какой они сами для себя устанавливают способ жизни и смысл своего существования.

Можно дать еще следующее определение. Этнографическое исследование есть изучение каждодневной практики отдельного сообщества, которая включает в себя стереотипы поведения, в том числе трудового, отношения между полами и людьми разного возраста, нормы и традиции, в том числе предрассудки, ценности, особенности языка (в том числе сленга или жаргона).

Источниками информации о жизни сообщества являются непосредственные наблюдения поведения людей в естественной для них обстановке, а также индивидуальные и групповые интервью, а также письма, личные документы, фотографии и видеозаписи, образцы фольклора. Исследователь входит в сообщества, чтобы узнать, какие смыслы они придают тому, что с ними происходит, и тому, что они сообщают друг другу.

Однако смысл, извлекаемый исследователями из одной и той же ситуации, может быть различным, то есть одно и то же событие может истолковываться неодинаковыми способами. Допустим, что мы наблюдаем сцену, когда муж рассказывает жене, что их сын впервые дотянулся, чтобы опустить монету в счетчик на парковке [1].

Ниже приводится разговор респондента с женой по поводу этого события.

Муж: Сегодня Дэн сумел опустить монету в счетчик на парковке, причем никто его не поднимал.

Жена: Вы вместе заходили в магазин пластинок?

Муж: Нет. В мастерскую по ремонту обуви.

Жена: Зачем?

Муж: Я купил новые шнурки для своих ботинок.

Жена: Нужно срочно сделать новые набойки на твои мокасины.

Можно обратить внимание на то, что реплики жены определяются не буквально тем, что сообщает муж, но также чем-то иным, и это иное представляет для жены дополнительный интерес. Это иное не воспринимается непосредственно, оно «имеется в виду», и вот здесь возможны разные понимания того, что имеется в виду.

Покажем, каким мог бы быть один из вариантов истолкования того, что имелось в виду, если бы оно все же было проговорено собеседниками вслух.

Муж. Сегодня, когда я вез нашего четырехлетнего сына Дэна из детского сада домой, он сумел сам дотянуться и опустить монету в счетчик на парковке, хотя прежде его всегда приходилось для этого поднимать.

Жена. Если он опускал монету в счетчик, значит, он был с тобой, когда ты останавливался. Я знаю, что обычно ты заезжаешь в магазин пластинок либо когда едешь за ним, либо на обратном пути. Останавливался ли ты на обратном пути, когда он был с тобой, или когда ехал за ним, а вместе вы заезжали куда-то в другое место?

Муж: Я заезжал в магазин пластинок, когда ехал за ним, а на обратном пути мы вместе заехали в обувную мастерскую.

Жена: Я знаю одну причину, по которой ты мог бы заехать в мастерскую по ремонту обуви. А что на самом деле заставило тебя это сделать?

Муж: Как ты помнишь, я на днях порвал шнурки для своих коричневых полуботинок, так что я заехал, чтобы купить новые.

Жена: Я думала, что ты заехал туда по другому поводу. Нужно срочно поставить набойки на твои черные мокасины. Хорошо бы тебе сделать это как можно быстрее.

Итак, речь идет, с одной стороны, о сообщении мужа о той задаче, с которой впервые справился их малолетний сын. Вторая сторона

состоит в том, что ответные реплики-вопросы жены нацелены на выяснение некоторого дополнительного обстоятельства, которое не проговаривается явно. Речь идет о поводе, который мог заставить мужа по пути заехать в обувную мастерскую. И здесь напрашивающимся истолкованием реплик-вопросов жены является ее подозрение, что муж иногда заезжает под разными предлогами в обувную мастерскую, чтобы лишний раз взглянуть на пышногрудую приемщицу заказов в мастерской.

Однако, возможно и более простое истолкование ответных реплик-вопросов жены, соответствующее следующему варианту проговаривания вслух.

Муж. Сегодня, когда я вез нашего четырехлетнего сына Дэна из детского сада домой, он сумел сам дотянуться и опустить монету в счетчик на парковке, хотя прежде его всегда приходилось для этого поднимать.

Жена. Если он опускал монету в счетчик, значит, он был с тобой, когда ты останавливался. Я знаю, что обычно ты заезжаешь в магазин пластинок либо когда едешь за ним, либо на обратном пути. На этот раз было так же?

Муж: Да, я заезжал как обычно в магазин пластинок, когда ехал за ним, но на обратном пути мы заехали в обувную мастерскую.

Жена: Зачем же вы заезжали туда?

Муж: Как ты помнишь, я на днях порвал шнурки для своих коричневых полуботинок, так что я заехал, чтобы купить новые.

Жена: Пожалуй, нужно поставить еще и набойки на твои черные мокасины. Хорошо бы сделать это как можно быстрее.

Теперь уже речь идет о простом интересе (можно, сказать, любопытстве) жены, почему муж, кроме привычного похода в магазин пластинок, дополнительно поехал еще и в мастерскую по ремонту обуви.

Итак, возможны различные истолкования исследователем одних и тех же поступков и разговоров людей, а значит того смысла, который сами члены сообщества вкладывают в свои поступки и в свое поведение. Но понятно и то, что чем больше исследователь будет знаком с жизнью сообщества, тем с большей вероятностью истолкование поведения его членов будет однозначным и безошибочным.

В идеале исследователь может так врать в повседневную жизнь сообщества, что вполне

станет одним из тех «всяких», который упоминается во фрагменте из «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова: «...Проскакал сломя голову жандарм от губернатора к доктору, и всякий знает, что её превосходительство изволит родить... С кем ни встретишься – поклон да пару слов, а с кем и не кланяешься, так знаешь, кто он, куда и зачем идет, и у того в глазах написано: и я знаю, кто вы, куда и зачем идёте...».

Это постижение подспудной стороны жизни сообщества – через вникание в смыслы – не может быть уловлено обычной количественной социологией, которая ориентируется на математические коэффициенты и каузальные модели, описывающие свойства больших выборок людей, отобранных методом рандомизации.

Жизнь сообщества должна, с одной стороны, быть представлена исследователем посредством привычных для данного сообщества выражений, метафор, образов, то есть *in vivo* (в живую) [2]. В то же время, и это необходимо подчеркнуть, описание должно быть построено так, чтобы жизнь сообщества мог понять человек «со стороны».

Эти два требования: описывать на языке сообщества, но понятно для других, – не могут быть совмещены чисто формально. Исследователем должны быть отысканы соответствующие способы представления материала. Поэтому возможны опять же различные варианты его подачи в зависимости от опыта исследователя, его навыков, чувства языка и просто уровня образованности. Может получиться так, что жизненный процесс одного и того же сообщества предстанет иначе в описании другого исследователя или другой исследовательской группы. В этом состоит, как считается, уязвимая сторона этнографического исследования, его субъективность.

Однако правильнее воспринять эту множественность вариантов описания жизни сообщества как отражение ее реальной сложности. Подобно тому, как любой предмет имеет три пространственных измерения – высоту, ширину и длину, так и жизнь сообщества открывается исследователям в силу различия их пола, возраста, образования, сформировавшихся ранее стереотипов, – в виде несовпадающих картин. Но именно эти несовпадающие картины в сумме дадут всестороннее описание реальной жизни сообщества.

Другим важным условием этнографического исследования является наличие посредника, способного ввести в сообщество исследователя и представить его хотя бы отчасти в качестве «своего», чтобы помочь войти в контакт с теми членами, которые, как минимум, не будут препятствовать знакомству с их правилами и традициями.

Поделюсь собственным опытом «вхождения» в баптистскую общину с целью увидеть ее жизнь изнутри. Сначала я пообщался с жителями поселка, причем больше всего мне помогли подростки, которые сразу проинформировали, кто, по их мнению, является наиболее авторитетным в общине и в каком доме этот «авторитет» живет. Им оказалась живущая одиноко весьма немолодая женщина, одетая в черное. Она с подозрением отнеслась к моему приходу, но лед более или менее растаял, когда я сказал, что «помню», как в детстве родители водили меня в церковь, и мне нравилось нараспев читать стихи из Библии, которые были полны таинственного смысла. Сказал, что решил к ней обратиться, потому что окружающая меня жизнь представляется все более чуждой и далекой от того, что я чувствовал в детстве при чтении Библии.

Конечно, здесь присутствовал этический момент. То, что я сказал, было не совсем правдой, особенно это касалось легенды про родителей, якобы водивших меня в церковь. Мой отец был коммунист с инженерным образованием и уже поэтому не мог водить меня в церковь. Вообще посещение церкви в советские времена могло наложить тяжкую печать на мои планы поступить в вуз после школы. Однако правдой было восхищение поэтическим языком Библии, драматическим описанием смерти Христа и романом «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова.

В день первой встречи женщина дала почитать затрепанную тетрадку, где в поэтическом диалоге верующий в пух и прах разбивал атеиста аргументом в пользу существования Бога. Аргумент опирался на факт упорядоченности Вселенной. Очевидно, что эта упорядоченность не могла возникнуть сама собой, подобно тому, как из шестеренок, колес и других деталей, сваленных в кучу, не мог сам собой собраться трактор. Разве не ясно, что должен существовать Великий архитектор, который собрал из хаоса материальных частиц мир, в котором планеты

двигаются в строгом соответствии с математическими уравнениями?

Мы договорились встретиться через неделю. На второй встрече состоялось знакомство с еще одной тетрадкой со стихами в пользу существования Бога.

Лишь третья встреча привела к тому, что мы пошли в молитвенный дом, окруженный сплошным двухметровым забором. Зашли в помещение, наполненное мужчинами и женщинами чем-то неуловимо схожими в одежде и выражении лиц. Я встретил недоуменные и настороженные взгляды. Но сказал, так, как научила меня женщина: «Здравствуйте, братья и сестры!». И был принят в качестве «своего» при сохранении в первое время определенной настороженности.

Я не буду подробно описывать свои впечатления от знакомства с жизнью общины «изнутри», которую с перерывами наблюдал в общей сложности в течение нескольких месяцев. Отмечу лишь свое восхищение выступлением приезжего проповедника, ясностью его языка, дикцией и приемами, которые держали в настолько сосредоточенном внимании в течение полутора часа слушателей, что у одной из женщин начался молитвенный припадок, из которого ей быстро помогли выйти сидевшие рядом члены общины. А лекция была о том, что без веления Божия ни одно событие, даже самое ничтожное не может произойти в мире, поэтому и самолеты не падают на землю благодаря установленным Богом законам аэродинамики.

Второе, что привлекло мое внимание, это открывшееся различие между членами секты, впрочем не очень отчетливое, скорее, если так можно выразиться, смазанное. Одна часть членов секты, в большинстве женщины, вполне серьезно относилась к своему участию в деятельности секты как ступени, приближающей к Богу и Его Любви. Другая часть, среди них было больше мужчин, воспринимало секту, не вполне этого осознавая, скорее в качестве своеобразного клуба по интересам. Для них участие в деятельности секты — проникновенные песнопения, слушание проповедников, своей эрудицией зримо отличающихся от передач по радио, без конца рассказывающих про неведомых строителей коммунизма, — было окном в мир, который открывался в поэзии Евангелия.

Другим примером этнографического исследования можно представить ситуацию, описан-

ную Б. Фливергом в статье «Рациональность и власть: еще раз о кейс-стади» [3]. Автор пишет о том, что когда он занялся проблемами городской политики и планирования в датском городе Альборге, то обнаружил, что существует своего рода тайный совет из лидеров бизнеса и городского правительства. Этот совет фактически подменил демократически избранный городской совет, взяв на себя принятие реальных решений по развитию города. Фливерг пишет, что местное бизнес-сообщество вместе с политиками и управленцами блокировала конкуренцию и свободу рынка, создавая себе привилегии. Таким образом, учреждения, формально представлявшие «общественный интерес», оказались глубоко встроенными в тайные механизмы власти, реализующей сугубо частные интересы.

Мы здесь имеем дело с тем, о чем в свое время писал Питер Бергер [4]. Социологический подход включает в себя способность «видения сквозь» фасад социальных структур. Бергер поясняет свою мысль примером, до странности совпадающим с тем, что было открыто в датском городке Альборге.

Конечно, пишет Бергер, для выяснения того, как управляется современный американский город, можно заглянуть в устав штата, а в газетах можно даже прочитать, что один из членов городского совета был обвинен в злоупотреблении служебным положением в корыстных целях. И все это действительно происходит на видимом, официальном, публичном уровне политической жизни.

Но социолог захочет понять основу «неформальной структуры власти». И это может его вывести в частные особняки горстки могущественных людей, в офисы некоторых профсоюзов, а иногда и в штабы преступных организаций. Таким образом, обнаружится совсем иной уровень реальности, знакомство с которым может подвести социолога, особенно начинающего, к пессимистическому выводу о бесперспективности поисков реальной власти там, где, по мнению общества, она должна быть.

Вот и Фливерг открыл в небольшом датском городе наличие сообщества, которое, опираясь на высокие административные посты одних своих членов и внушительную собственность других членов, осуществляло реальную власть помимо и поверх демократически избран-

ных официальных структур. Фливерг пишет, что в этом сообществе действовали свои нормы и определения того, что хорошо и что плохо, а также что является истиной, а что ею не является.

Очевидно, что детальное исследование открытого Фливергом сообщества показало бы, что оно давно сформировало собственный язык для обозначения того, что обычные люди называют общепринятыми терминами, и даже выработало то, что можно назвать своеобразными ритуалами. И крайне интересно было бы наблюдать встречу членов сообщества в каком-нибудь закрытом для посторонних глаз загородном доме с бассейном и лужайкой для гольфа. – Когда в ходе обсуждения тонкостей в приготовлении шашлыка, состояния семейных дел и выбора напитков происходит как бы мимоходом прощупывание мнения сторон по поводу раздела сфер влияния в промышленном и игорном бизнесе. (Разумеется, если бы нашелся посредник, который обеспечил возможность такого наблюдения).

Итак, в этнографическом исследовании существенным является наличие посредника, который поможет войти в сообщество, а описание жизни сообщества должно быть осуществлено на языке самого сообщества, в то же время это описание должно быть понятным для человека со стороны, в том числе коллегам-социологам, которые тоже занимаются сходными проблемами. В противном случае статья, пусть даже с очень детальным и интересным изложением практики сообщества, могут не принять к публикации.

Остановимся еще на одном моменте, с которым должен считаться социолог, проводящий этнографическое исследование. Присутствие изучающего сообщество человека, как бы он не пытался раствориться и стать неприметной деталью его жизни, оказывает влияние на тех, кого изучают. Муравьи под пристальным взглядом энтомолога, записывающего в свою записную книжку особенности их поведения, продолжают как ни в чем не бывало тащить в муравейник дохлых мух и оказывающих сопротивление гусениц.

Но люди в отличие от муравьев могут начать сами исследовать своих исследователей, могут даже дурачиться, выдавая с серьезным видом какую-нибудь нелепицу за важную черту

их жизни. Эта возможность поменяться ролями может быть сведена к минимуму опытом и тактом исследователя, но, к сожалению, все же неустранима. И это требует от исследователя постоянно быть начеку. Он должен помнить, что перед ним такие же люди, как он сам.

В количественной социологии погрешности, связанные с тем фактом, что люди изучают людей, нейтрализуются дистанцией, порождаемой приемами рандомизации и законами больших чисел, здесь любой респондент всего лишь один из многих. В качественной социологии исследуются сообщества, где каждый у всех на виду, в том числе и социолог. И многое опреде-

ляется тем, насколько у него хватит ума и интуиции наметить правильную линию поведения.

Литература

1. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. – СПб.: Питер, 2007. С. 36.
2. Страусс А. и Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 58.
3. Флиивберг Б. Рациональность и власть: еще раз о кейс-стади // Социологические исследования, № 1, 2007. С. 62-70.
4. Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.: Аспент пресс. 1996. С. 36.

Социология XXI века в поисках «социального»

Тавадова А.В.

В статье анализируются различные подходы современных социологов в объяснении феноменов социального взаимодействия. С началом нового тысячелетия в социологии наблюдается смещение вектора от методологических парадигм ушедшего столетия к поиску принципиально иных теоретико-методологических оснований постижения сущности и специфики претерпевших значительные изменения форм социального взаимодействия. Фиксируя и интерпретируя широко распространенные трансформационные процессы, социология как сфера деятельности, сама оказалась вовлеченной в последствия описываемых ею явлений. Ключевые слова: социальность, социальное взаимодействие, постмодернистская социология, современная социология, социальные изменения.

Tavadova A.V.

Sociology of the XXI century in search of «the social.»

The article analyzes the different approaches of modern sociology in the study of social interaction. With the advent of the new millennium the vector shifted from a paradigm of the past century to seek fundamentally different theoretical and methodological foundations of understanding the nature and specificity of new forms of social interaction. Interpreting the widespread transformation processes, sociology itself was involved in the effects of the described phenomena

Key words: social, social interaction, postmodern sociology, modern sociology, social change.

Отличительной особенностью современной социологии является то, что она более не питает надежд выработать сколь-нибудь универсальную картину социального бытия, благодаря которой было бы возможно поставить под контроль социальные процессы. В тоже время, социолог действует, по выражению Энтони Гидденса, в режиме «двойной герменевтики», намечая вектор «самосбывающихся пророчеств».

Когда попытка структурного функционализма объяснить все социальные процессы через универсалистские концептуальные схемы не принесла ожидаемых плодов, в социологии наступила эра постмодернистских теорий, находящихся в поисках альтернативы модернистской теории общества. Вначале «вернуться в социологию» предложил Джордж Хоманс (1910 – 1989), призывающий перейти от изучения социальных структур и институтов к изучению поведения людей и их взаимодействия. Далее отказ от универсалистских теорий увлекал все больше социологов современности. Одной из характерных черт постмодернистской социологии можно назвать «крах иллюзий... о существовании конца пути» [1, 131].

Юрген Хабермас (род. 1929) в критике марксистской социологии положил начало рассмотрения взаимодействия с позиции «коммуникативного действия» (в отличие целерационального действия, характеризующего отношения человека к труду), направленного на формирование коммуникативного понимания [10, 117]. У Никласа Лумана (1927-1998) коммуникация – базовая структура общества. Социальное конструируется посредством самореференциального процесса коммуникации. Мир коммуникабелен. На месте феноменологии бытия возникает феноменология коммуникации. Поскольку коммуникативная память близка к повседневности (в отличие от культурной памяти, которая имеет свои опорные пункты в виде текстов, памятников, ритуалов и т.п.), то коллективный опыт выкристализовывается на основе

«продолжающихся и присоединяющихся друг к другу коммуникаций» [4, 169]. В качестве «коммуникативного горизонта», единого для всего разделенного общества и способного к формированию «общественной памяти» выступают СМИ, претерпевшие значительные изменения, особенно, что касается стилей поведения пользователей в Сети (снижение значения линейных неподвижных текстов, доминирование формы коммуникации над смыслом, риторики над герменевтикой) [4, 124].

Смещение вектора теоретической социологии в поле коммуникативного взаимодействия способствовало выдвиганию в область научной дискуссии вопроса о сущностных особенностях «социальности» как таковой. Жан Бодрийяр (1929-2007) как представитель крайнего постмодернизма¹ вообще отказывает «социальности» в онтологическом статусе («то, что когда-то существовало, но более не существует»). В работе «В тени молчаливого большинства или конец социального» (1982) Бодрийяр утверждает, что по мере усложнения институций, являющихся проводниками социализации (таких как урбанизация, производство, труд, медицина, школа, социальное обеспечение, страхование и т.п.), социальное не укрепляется, как следует ожидать, но напротив регрессирует. Этот процесс достигает своего апогея в век массовой информации: «Но тогда, если социальное, в первых, разрушается – тем, что его производит (средствами информации и информацией), а вторых, поглощается – тем, что оно производит (массами), оказывается, что его дефиниция не имеет референта, и термин «социальное», который является центральным для всех курсов, уже ничего не описывает и ничего не обозначает. В нем не только нет необходимости, он не только бесполезен, но всякий раз, когда к нему прибегают, он не дает возможности увидеть нечто иное, не социальное: вызов, смерть, соvrащение, ритуал или повторение – он скрывает то, что за ним стоит всего лишь абстракция, результат процесса абстрагирования, или даже просто эффект социального, симуляция и видимость» [5, 73-74]. В виду этого, критике подвергаются и понятия «социальные отношения», «социальные связи», поскольку присущая этим терминам неопределенность представляется автору непреодолимой.

Не столь радикальный в своих взглядах Бруно Латур, который не торопится отказаться от

«социального» в объяснении специфики взаимодействия.

Первоначально Б.Латур задается вопросом: «существуют ли вообще отношения достаточно специфичные, чтобы называться «социальными», которые можно было бы объединить в особую область, способную функционировать как «общество», и приходит к предположению, что в «разбавленном виде» социальное встречается всюду, а в чистом – нигде [9, 12]. Вместе с тем, исследователь утверждает, что не предлагает некую новую методологию в изучении социального взаимодействия, а систематизирует те изменения в социальных науках, которые обусловлены их кризисным состоянием. Так, ссылаясь на Габриеля Тарда, Латур принимает тезис, что социальное не есть реальность *sui generis*, но принцип соединения. Таким образом, социология является чем-то вроде психологии взаимодействия. «Это не вещь среди других вещей, а некий тип связи между вещами, которые сами по себе не являются социальными». Образованные в результате такого взаимодействия «узы» не похожи на регулярные «социальные связи», т.е. «социальное» - это не клей, связывающий множество других типов соединений, а как раз то, что «склеивается» благодаря существованию многообразия связей [9, 17].

Тем самым, Латур Б. противопоставляет две традиции в социологии, исследующей социальное взаимодействие: первую из них он именует «социологией социального», берущей начало в дюркгеймовском подходе, и «социологию ассоциаций» (или акторно-сетевую социологию), первовестником которой был предшественник Э. Дюркгейма Г. Тард, но «проигравший» более молодому социологу в установлении вектора развития науки на протяжении XX века².

Критикуя увлеченность «социологии социального» различного рода абстракциями, как например социальные структуры, Латур призывает сосредоточиться на «новшествах», «квантах изменений», живущих своей собственной жизнью. Такой подход нацеливает социологию на изучение «удивительного движения от одной ассоциации к следующей», динамики изменений, в противоположность интереса к статичным образованиям, определяющим предмет классической социологии». Поэтому для акторно-сетевой теории (АСТ), понятие «общество» утрачивает былую привлекательность. Вместо этого АСТ выдвигает «коллектив» как основу

определения «общего мира», а социология, в свою очередь, есть дисциплина, активно вовлеченная в «пересборку коллектива» [9, 340].

Обращает на себя внимание тот аспект, что Латур обрушивается с критикой на «социологию социального» в том, что она смешивает причины и следствия, подменяет изучения социальных связей политическим проектом, направленным на социальную инженерию [9, 27]. Вместе с тем, сам Латур Б. утверждает, что социология пост-современности наделяет социальные науки «политической значимостью», т.е. выдвигают собственные «политические проекты»: «Политика слишком серьезная вещь, чтобы оставить ее в руках горстки тех, кому как им кажется, по праву рождения дано решать, в чем она должна состоять» [9, 348]. Таким образом, исследовать – всегда значит заниматься политикой, поскольку собирание и выстраивание того, из чего состоит «общий мир» есть дело политики. И именно научные дисциплины, как естественные, так и социальные, обладают этой «огромной собирательной силой». Однако Латур Б. все же предлагает разделить процесс формирования «пакета» с существующими социальными связями и процесс выстраивания нового состава социального мира. Социолог называет «исследованием социального» непрерывающуюся активность по «сбиванию» коллектива в спаянное целое [9, 354], что выглядит несколько противоречиво ранее заявленным попыткам уйти от социальной инженерии.

В тоже время другие современные теоретики, как Ю.Хабермас, П.Бурдьё, Э.Гидденс и У.Бек не вычеркивают из предмета своего анализа «структуру». Напротив, рассматривают ее в качестве отправной точки, чтобы раскрыть «дualность» структуры и действия.

Энтони Гидденс описывает современность в терминах «социальной рефлексивности жизни». Он подвергает критике все невоэволюционистские концепции (в особенности теорию современных обществ Т. Парсонса) [7, 370-376], утверждая, что современность представляет собой окончательный и бесповоротный разрыв с традиционными образцами жизни («посттрадиционное общество»). В современности по существу социальные практики берут верх над социальными институтами, что обусловлено высокой скоростью изменений характера социальных взаимодействий. Специфическими признаками разрыва современности являются темп изменений, масштаб изменений и природа со-

временных социальных институтов [6, 114-117]

Характерной чертой современности предстает «высвобождение», понимаемое Э. Гидденсом, как «вынесение» социальных отношений из местных контекстов взаимодействия и их перестройку в неограниченно пространственно-временных масштабах». В современности преимущественно задействованы два типа механизмов высвобождения – первое, создание символических знаковых систем, второе – образование экспертных систем [6, 135-136]. При этом все механизмы высвобождения подразумевают отношение доверия [6, 145].

Гидденс Э. не склонен представлять пост-современность как «конец истории». Более того, он полагает, что «мы не вышли за пределы современности, но живем непосредственно в период ее радикализации» [7, 171]. Наряду с этим глобализацию следует рассматривать не как процесс ослабления влияния западных институтов на мировом пространстве, но напротив как наиболее широкое их распространение в других его частях. Таким образом, радикализация современности характеризуется распадом эволюционизма, исчезновением теологии в конструировании истории, распространение рефлексивности знания, ослабление привилегированных позиций Запада. [7, 173]

Гидденс Э. вводит понятия «чистые связи», «чистых отношений», где первенство меркантилистских побуждений уступает эмоциональной заинтересованности. Это отношения ради них самих, а не ради приходящих выгод. В этой сфере, как и во всех иных, где имеет место социальное взаимодействие, произошла демократизация и появление новых форм авторитета. Однако, социально значимой особенностью отношений, основанных на эмоциональной заинтересованности, является их крайняя хрупкость, неустойчивость.

Одним из тревожных симптомов возросшей рефлексивности социальной жизни является изменение психологического климата современности, что ведет к утрате смысла жизни вследствие «секвеста индивидуального опыта». В результате моральные и экзистенциальные вопросы оказываются за пределами «онтологической безопасности» [7, 270].

Таким образом, «феноменологию современности» Гидденс Э. описывает в четырех аспектах, внутри разнонаправленных процессов: 1) пересечение отчуждения (отсутствие привязанности

к определенному месту) и знакомства (нового усвоения); 2) близости (в терминах личного доверия) и безличности (как специфический характер связей); 3) экспертизы и присвоения (пересечения абстрактных систем и компетентности); 4) приватности и вовлеченности [7, 280].

Вклад социологии в конструирование «зрелой современности» Э. Гидденс видит в предложении альтернативных образцов будущего, которые учитывали бы рефлексивный характер современности, выступающих в качестве реальных тенденций социального развития, и «идеалы» нового социального порядка. Собственную модель Э. Гидденс назвал «утопическим реализмом», выдвигая ряд требований к критической теории: а) она должна быть социологически чувствительной; б) тактически осмотрительной с геополитической точки зрения; в) стремиться к созданию модели благого общества; г) увязывать между собой политику освобождения («свободы от») и жизненную политику («свободы для»).

Выдвинутая концепция подверглась критике со стороны современников социолога. В рамках теории современности Гидденса Э. практически не уделяется внимание «культурным аспектам» модернизации (в то время как культура «позволяет сравнивать несравнимое» [2, 111]), умалывается значение традиций (несмотря на то, что для некоторых социальных институтов преемственность еще остается важной чертой), сделан акцент на секулярности (в то время как, П. Бергер в книге «The Desecularization of the World: A Global Overview» (1999), изобличает концепцию секуляризации, акцентируя, что современный мир религиозен, как никогда), оптимизирована концепция доверия (хотя последний мировой финансовый кризис продемонстрировал «культуру недоверия» на всех институциональных уровнях).

В исследовании темы доверия Петр Штомпка (род. 1944) еще более Гидденса Э. уходит в традиции «объясняющей социологии», подобно Роберту Мертону, пытаясь «подняться на плечи гигантов, чтобы видеть дальше и лучше» [11, 28]. Исследователь усматривает в доверии основу общества, а по сути – социального, делающим отношения и связи действительно социальными. Для раскрытия специфики этих связей, Штомпка, по сути, призывает обратиться к методологии виталистской социологии, поскольку доверие – это тема «культурологической социологии повседневной жизни». Вникая в содержание доверия Штомпка П. выделяет «экзистенциальное

доверие» (ожидания в отношении привычного порядка, непрерывности и последовательности в действии других людей и функционировании учреждений), «инструментальное доверие» (ожидания, касающиеся исключительно инструментальных особенностей действий других людей, включая компетентность, эффективность и рациональность), «аксиологическое доверие» (ожидания от партнеров этического, морального оправданного поведения) [11, 135-142]. В связи с этим сети, сосредоточенные вокруг определенного индивида, есть «сети доверенности и доверия» (как правило, они соединяют более двух человек). Существуют «макрообщественные» условия становления культуры доверия – нормативная связь (право, мораль, обычаи), стабильность общественного порядка, прозрачность общественных организаций, привычность окружающего индивида мира (включая естественное, технологическое и цивилизованное окружение) и ответственность других людей и институций за совершаемые действия. Доверие, вместе с тем, всегда сопряжено с риском, что приводит к распространению феномена «некогерентности доверия», сопряженного либо с неоправданным доверием в адрес авторитарного лица, либо маниакальной недоверчивостью ко всем людям и институтам. Современность утрачивает «культуру доверия», что ведет к распространению недоверчивости, цинизма, беспокойства и страха, глобализация и информатизация не в последнюю очередь ответственны за «эрозию доверия» [11, 431].

Подводя черту, стоит еще раз отметить о весьма многообразных методологических подходах к пониманию социального в современной социологии. В тоже время можно отметить и общие ее черты во взглядах относительно трансформаций социального взаимодействия. Во-первых, «социальное» выделяется как нечто более широкое, чем подразумевалось в классической социологии. Во-вторых, изменения типов социального взаимодействия происходят такими темпами и в таких масштабах, что не возможно их более фиксировать в статичную систему, а приходится непрерывно заниматься, пользуясь терминологией Латура, «картографией» форм общего существования. В-третьих, возрастает проблема абстрактных систем и ассоциаций, в которых разворачивается, собственно говоря, это взаимодействие, меняя каждое мгновение формы своего выражения. В-чет-

вертых, современные социологи в большей или меньшей степени стремятся участвовать в конструировании «социального» (или в политических проектах), правда их притязания в подавляющих случаях остаются неопределенными, что не позволяет установить консенсус по поводу границ этого «участия». В-пятых, на поиски новых форм взаимодействия социологов не в последнюю очередь подталкивает «кризис», имеющий место, как самих форм взаимодействия, так и в методах их анализа.

Кризис, по словам современного отечественного философа О.М. Штомпеля, – условие нашего современного бытия: новое уже пришло, в то время как старое еще не разрушилось³. Сложность его преодоления состоит в том, что эта ситуация постоянного разрушения. «Новизна ради новизны» – парадигма жизни человека западной цивилизации, влекущая за собой весь современный мир. Эту ситуацию можно охарактеризовать как «погоню за инновациями».

З. Бауман подчеркнул, что сегодня все находится в движении, и, если кто-то статичен, то он все равно в движении по отношению к этому динамичному миру. Тот, кто движется быстрее, тот попадает в мейнстрим, тот, кто медленнее – находится на периферии социальной иерархии. Движение – это требование современности, наряду с требованием индивидуализации [2, 12]. Этот тренд охватывает все, где возникает социальное взаимодействие. Можно сказать, что парадигма жизни современного человека – «погоня за оригинальностью». Конечно, в первую очередь это касается представителей элиты, часть которой, по мнению П. Бергера, стремится войти в состав ведущих деловых и политических кругов, условно названной «давосской культурой» (С. Хантингтон), а другая часть стремится получить место в «культуре интеллектуалов». И та и другая есть разновидности «клубной культуры», в формировании которой велика роль глобализации. Остальная часть общества, вовлечена в «массовую культуру» и различные «общественные движения» опять же на глобальном уровне [3, 10-20]. Но к какой бы макро- или микрогруппе не примкнул индивид, современные континуум взаимодействия диктуют ему нарастающий темп непрерывных изменений.

Такое видение современности давно уже подвергло сомнению универсальность методологии структурно-функционалистских теорий XX века. Очевидна наука, призванная исследовать и интерпретировать процессы современ-

ных трансформаций, поддавшись общей тенденции, также пребывает в движении, в активных поисках, относящихся как к постановке теоретических вопросов, так и к методологии, с незадачным пока еще вектором направленности.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. Пер. с англ. М., 2002
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: «Весь мир», 2004
3. Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. М.: Аспект Пресс, 2004
4. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2012
5. Бодрийяр. В тени молчаливого большинства или Конец социального. Екатеринбург, 2000
6. Гидденс Э. Последствия современности. М.: «Праксис», 2011
7. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2007
8. «Какой смысл философу верить в реальность?» (Беседа с Джерри Култером) // Хора: Журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. №2 (8) 2009, с. 148-163
9. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ВШЭ, 2014
10. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб: Питер, 2002
11. Штомпка П. Доверие – основа общества. – М.: Логос, 2014

Ссылки:

1 Ради справедливости стоит упомянуть, что сам Бодрийяр по свидетельству Джерри Култера дистанцировался от термина «постмодерность», понимая под ним «отчаянную попытку продолжать жить с осколками ушедшего понимания мира» [8, 153]. «Проводником постмодернизма» представлять Бодрийяра одним из первых начал Ритцер.

2 Следует отметить, что Латур Б. выделил еще один подход в социологической теории – «критическую социологию», рассмотрению которой исследователь отводит значительное место в своей работе.

3 Из доклада, зачитанного на планарном заседании Первого Международного Этноконгресса (ЧГУ, г. Грозный, 2014 г.)

Макарьевская ярмарка и ее роль в формировании Всероссийского рынка

Мелешко Г. А.

В статье на примере Макарьевской ярмарки рассматривается процесс образования единого Всероссийского рынка через возрождение экономических связей после Смутного времени. Затрагивается вопрос преемственности: от Макарьевской к Нижегородской ярмарке, известной как «карман России».

Ключевые слова: Всероссийский рынок, Макарьевская ярмарка, Нижегородская ярмарка, возрождение экономических связей русских земель

Melishko G. A.

Makarevskaya fair and its role in the formation of a nationwide market

The article with the example of Makarevskaya fair considers the formation of a unified nationwide market through the revival of economic ties after the Time of Troubles. The author considers the fact of succession from Makarevskaya fair to the Nizhny Novgorod fair, known as the "pocket of Russia".

Key words: Russian market, Makarevskaya fair, Nizhny Novgorod fair, the revival of economic relations of the Russian lands

По определению В.О. Ключевского XVII век является собой новый период русской истории «это не просто исторический период, а целая цепь эпох, сквозь которую проходит ряд важных факторов... новая династия, новые пределы государственной территории, новый строй общества... и новый склад народного хозяйства» [2, с.5-7], который выразился в превращении ремесла в мелкотоварное производство, развитие специализации отдельных территорий и рост торгового оборота, в возникновении центров художественного производства (Хохлома, Палех), появление мануфактур и формирование единого национального Всероссийского рынка, в котором объединяющую роль российской экономики играли Ирбитская, Свенская и Макарьевская ярмарки – данная ярмарка и будет предметом статьи.

За Волгой, в глухих лесах теперешнего Макарьевского уезда Нижегородской губернии, близ тихостойной задумчивой Ветлуги, в верстах ста от Макария, находится озеро Светлояр, над которым стоит невидимый град Китеж, куда и до сих пор в великую Китежскую ночь с 22 на 23 июня стекаются тысяча богомольцев, почти исключительно крестьян, преимущественно старообрядцев. Народная фантазия связывает в поэтической легенде невидимый град, скрывшийся от Батыя, с местом разоренной татарами древней обители на желтых песках.

Прошли годы, долгие годы вечного страха, пало Казанское царство и смелей и более гус-

тыми толпами стали сходиться поклонники на разоренное место; а где народное сходбище, там и торг. В 1624 году обитель Макария была восстановлена жителем с. Мурашкина, отстоящего от Желтых вод не более верст тридцати, неким «украшенным нищетою духовною» иноком Авраамием. Не прошло и десяти лет, как возникший около стен обновленной обители торг превратился в крупнейшую волжскую ярмарку.

В 1641 году Макарьевская ярмарка была утверждена официально; а в 1691 году Петр Великий назвал ее «зело великим сходбищем, о котором думать всегда надлежит». От самого своего официального открытия вплоть до Петра Великого ярмарка представляла собственность монастыря: монастырь заботился об ее благоустройстве; монастырь гостеприимно открывал двери съезжавшимся ежегодно на торг, строил торговые помещения, помещения для складов товаров. Преподобный Макарий сделался покровителем волжской торговли.

Правительство долго не вмешивалось в распоряжки хозяйственного управления торжищем административное управление, которым тоже ведал монастырь, организуя и охрану порядка и безопасности, наряжая особую стражу из монастырских служек, чиня суд и расправу архимандричьим судом. Только Петр Великий, отобрав у монастыря часть доходов, наложил и на административное управление ярмаркой свою властную руку, но не учреждая правительственной казенной охраны, а лишь обязав монастырь делать то, что делал он добровольно: держать караул из определенного установленного числа иноков, — и только впоследствии понемногу урезывая и ограничивая права монастыря на ежегодно собравшееся у его стен великое Всероссийское торжище, все более и более приобретающее государственное значение.

Картину тогдашней ярмарки у Макария дает нам лейб-медик Реман [4], бывший на ней проездом в 1804 году. «Приближение к ярмарке издали давало о себе знать огромным столбом пыли, стоявшим над нею от непрерывного движения массы народа, лошадей, обозов. Ярмарка Франкфуртская и Лейпцигская едва заслуживают названия ничего не значащих сборищ в сравнении с тою, которая бывает в сем скудном месте» [5].

Описывая ярмарку девять лет спустя князь И. М. Долгорукий говорит: «Суета всякого рода,

общее стремление к торговле, движение огромных капиталов, уточненный обмен в оборотах, заготовление всего на всю Россию, словом, центр всех купеческих расчетов. Вот что такое Макарьевская ярмарка... Нет купца, который бы сюда не ездил; нет товара, какого бы не возили сюда, все здесь от роскоши до необходимого, а эта лестница велика; вы все здесь найдете: наряды церквей, домов и людей. Множество модных лавок: где их нет! Без них, как без воздуха, не могли бы жить ни жены наши, ни дети. Кареты Английския и куклы Троицкия; Шварц-панель и ольховый стул; хрустальные люстры и кабатские стаканы; Парижский чепчик и Оренбургский армяк; Евангелие кованное и Холуйская икона; соболь стотысячный и овчина; Рафаелева картина и мыши кота хоронили; Ломаносов и Совестьдрал; жасминные духи и деготь. Словом, все, все, что угодно: все противоположности здесь соединяются и превращаются в империи, в целковые, в бумажки, наконец, в огромные векселя» [6].

Ярмарки особенно тщательно оберегались от огня. Огонь иметь на ярмарке строго воспрещалось. В указе 1805 года от 24 февраля говорится так: «Для безопасности от пожара, с каждого ряда торгующих, по собственному избранию, назначить на все вреся ярмарки нужное количество старост, которые бы, сменяясь по очереди между собою, имели в ночное время надзор, чтобы купечество в лавках огня не держало и что бы по закрытии лавок не было бы в гостинном дворе людей, к обществу гостей не принадлежащих». По именному указу строжайше запрещалось держать для чего бы то ни было огонь; внутри гостинного двора, в лавках, даже не позволялось иметь самоваров. «Сие самое препятствовало в биржевой зале дать бал, которая хотя и очень для забав общественных пригодна, но Правительство местное не уполномочено позволять даже свечи зажигать во внутренней стороне канала».

Крупнейшая в России XVII в. Макарьевская ярмарка оказала влияние на многие стороны жизни городов и посадов Нижегородского Поволжья. Местные ремесленники могли здесь быстро реализовывать выработанные товары, а скупщики — оптом закупать их большими партиями для будущей розничной перепродажи. Стабильный привоз на ярмарку крупных партий железа, стали, кож, льна и холстов, поделочной

Таблица 1
Экономические районы, принимавшие участие в Макарьевской ярмарке.

Наименование районов	Товары
Москва	Текстиль и галантерея, металл и металлические изделия
Ярославль	Кожа и кожаные изделия, вологодское сукно
Иваново	Текстиль
Астрахань	Рыба, соль, нефть
Сибирь (Верхотурье, Тобольск, Кунгур)	Уральское железо, соль, пушнина, китайские бумажные и шелковые ткани
Урал	Железо
Архангельск	Мыло, войлок
Казань	Рыба, соль, шелка, ткани
Среднее и Нижнее Поволжье	Местная пушнина, овчина, кожи, зерновые продукты, воск, мед
Турция	Бумажные ткани, хлопчатая бумага, пряности и фрукты
Армяне, персы, греки	Пряности, вина, особое оружие, зеркала
Прибалтика	Янтарь
Кавказ	Продукты питания и художественный металл
Украина	
Индусы	Шелк, бархат, кружева, ткани шитые золотом, камни

древесины и хлеба стимулировал развитие Нижегородской промышленности.

Спрос на сырье удовлетворялся, в первую очередь, сельским населением, местными землевладельцами Б.И. Морозовым, Я.К. Черкасским, а также Макарьев – Желтоводским монастырем и др., поставившим свои вотчинные хозяйства на товарную основу. Предлагаемые ими сырье и товары широким потоком хлынули на Макарьевскую ярмарку. Все эти товары располагались в торговых рядах по линиям: модная линия, ряд ювелиров, ряд сапожников, ряд портных и т.д., в этих рядах торговали и лысковские ремесленники. О названии торговых рядов, коих было огромное количество, можно судить по «Ведомости Макарьевской строительной конторы о това-

Таблица 2
Экономические районы и фирмы, принимавшие участие в Макарьевской ярмарке.

Наименование районов	Количество фирм
1. Белоруссия	19
2. Центральный	157
3. Верхневолжский	95
4. Средневолжский	39
5. Нижневолжский	11
6. Татарская республика	16
7. Камск – Вятск - Приуралье	41
8. Киргизия	16
9. Башкирия	-
10. Центральное Черноземье	13
11. Юго-Восток	13
12. Крым	3
13. Украина	26
14. Кавказ	13
15. Туркестан	30
16. Сибирь	20
17. Дальний Восток	-

рах на какую сумму привезено на ярмарку бывшую 1812 года» (см. Приложение 1).

В этих многих рядах можно было встретить все, что угодно. Реман в «Макарьевской ярмарке» писал, что там можно встретить вещи самые противоположные – от дорогих вещей до тряпья.

Регистрация товаров производилась в Большой таможене Макарьевской ярмарки. Чаще всего она велась по географическому признаку. Отдельно записывался товар, привозимый из Москвы, Астрахани, Ярославля, Сибири и т.д. Значительная часть товаров вносилась в книги «разных городов», где регистрировались данные о товарах из самых различных пунктов. Для внесения значения ярмарки в тогдашней торговле необходимо выяснить географию привоза товаров, которыми изобилывала ярмарка. Большое место в привозе товаров имела Москва – крупный промышленный и торговый центр того времени. В Московском привозе преобладал текстиль (бумажные и шелковые заграничные ткани, готовое платье, сукно) и галантерея. На следующем месте стоит продажа металлов и металлических изделий, на третьем месте – продажа драгоценных металлов и металлических изделий из них. Среди Московского привоза были зеркала, стекло, писчая бумага, книги,

химические и москательные товары – квасцы, краски, пищевые товары (привозные колониальные) – сахар, пряности, виноградное вино. Надо отметить что московский привоз отличался специализацией, т.е. каждый торговец был занят продажей одной группы товаров – сукна или шелка, ювелирных изделий... Во 2-й пол. XVIII – н. XIX в. Макарьевская ярмарка по масштабам торговли превосходила любую др. крупную ярмарку на 20–25% (в 1790 г. товарооборот – 30 млн. руб.). Макарьевская ярмарка являлась самым масштабным событием в русской экономической жизни. Она имела не только Всероссийское, но и международное значение. Это был по времени существования (XVII в.) один, из крупных центров оптовой и розничной торговли на территории Российской империи, остальные ярмарки – Ирбитская, Свенская – сильно отставали от Макарьевской по товарообороту.

Преемница Макарьевской ярмарки – Нижегородская, не случайно названа карманом России, она продолжала и развивала традиции Макария, расширяя географию поставщиков, увеличивая товарооборот и действовала уже как контрактная ярмарка (см. табл. 1, 2).

Литература

1. ГАГО, ф.2, оп.4, д.112. Ведомость Макарьевской строительной конторы о товарах на какую о них сумму привезено на ярмарку 1812.
2. Ключевский, В.О. Курс русской истории. Т3., – М.: Историческая библиотека, 2002 г. – 290 с.
3. Мелешко, Г.А. Нижегородская ярмарка как одна из форм акционерной деятельности периода NEPа. // Человек и общество. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. – Н.Новгород: Гладкова О.В., 2014, – С. 194–200.
4. Реман, Г. Макарьевская ярмонка. Выписка из неизданного путешествия по восточной России, Сибири и Китайской Мунгалии // Северный архив. 1822. Апрель, № 8; Май, № 9. – С. 146.
5. «Северный Архив. Журнал истории, статистики, путешествий». 1822 г., ч. II, № 8 и № 9. «Макарьевская ярмарка». Перевод с французского О. Сомова. Заимствовано из путешествий по восточной России, Сибири и китайской Мангалии г. Ремана.
6. «Чтение в обществе истории и древностей российских» 1870 г., кн. 1. Журнал путешествия в Нижний 1813 г. Кн. И.М. Долгорукый.

Приложение №1

«Ведомость о товарах, на каждую их сумму привезено на ярмарку, бывшую 1812 года» [1].

Название рядов, с показанием товаров, на них продаваемых	На какую сумму привезено	На сколько продано
Ивановский, Ново-астраханский, ситцев, платков, полотен, холста кинешемского	30102000	101200
Старо-астраханский мелочного бумажного товару и пряденой бумаги	291500	81100
Сибирский ряд и Сибирская линия платков шелковых, китайского чаю да частью сахара	1030000	2959000
Шляпной московский шляп из заячьего пуху, разных шапок и картузов	172000	42000
Шляпной Нижегородский шляп поярковой шерсти	69800	30000
Мало-Сибирский мехов медвежьих, волчьих, лисьих, собольих, белчих и др., также одних шкур и калмыцких тулупов	2747000	1157000
Щетильный разной мелочной серебряной и галантерейной, ярославской игольной, Да малый ярославский мелочного серебряного и галантерейного товару разных пуговиц, снурков и др. мелочей	630900	271000
Московский игольный бус, янтарей, игол и булавок, да шелка	150000	42000
Ярославский разных железных изделий, павловских ружей, замков, ножей, проволоки, гвоздей	348500	162400
Уральский шитого немецкого платья, да армяков	168000	83000
Меховые мурашкинский и арзамасский заячьих мехов, простых овчин и овчинных тулупов	240000	112600
И т.д.		
Итого:	38500300	14554200
Сверх того на пристававших у Макарьевского берега гребных судах коренной рыбы, икры	1530000	890000
ВСЕГО:	40030300	15444200

Портреты Бенвенуто Челлини: опыт атрибуции на основе историко-антропологических сопоставлений

Насобин О.Б.

Статья знакомит с результатами исследований французского эксперта, профессора, доктора Рауля Перро из Лионского Университета имени Клода Бернара проведенных при содействии автора. Исследования касались антропологических сопоставлений лиц, отобранных среди персонажей второго плана с произведений Челлини с единственным «официальным» портретом Челлини работы Джорджо Вазари.

Ключевые слова: портреты, Челлини, антропологический анализ, биометрические сопоставления, сходство.

Nasobin O.B.

Portraits of Benvenuto Cellini: experience of attribution based on antropological research

The article introduces the results from the studies led by the doctor, professor Raul Perrot (of the University de Lyon, Bernard 1) that were made with the participation of the author. The study concerns the anthropological comparisons of biometric parameters of Cellini's faces in various works of art. The comparisons used the face on Vasari's fresco as a benchmark.

Key words: Benvenuto Cellini, Vasari's tondo, self portrait, Cellini's portrait, portrait of Cellini, face of Cellini, anthropological studies, Raul Perrot, autoprotrait of Cellini.

Обстоятельства жизни итальянского скульптора и ювелира Бенвенуто Челлини, его творчество и наследие в целом хорошо изучены. Однако, одной из дискуссионных тем до сих пор является проблема атрибуции внешнего облика художника. Как отмечает доктор, профессор сэр Джон Поуп-Хеннеси¹, автор фундаментального труда о знаменитом флорентинце, отмеченного премией Вазари²: «нам неизвестно, как выглядел Бенвенуто Челлини, когда был еще относительно молодым человеком»³.

Тем не менее, недавние антропологические исследования позволяют утверждать, что у историков искусства наконец появились основания для реконструкции облика художника в период расцвета его творческих сил.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы проследить роль антропологического анализа в деле атрибуции некоторых персонажей второго плана с произведений Челлини, а также атрибуции спорного рисунка, хранящегося в библиотеке Реале в г. Турин, Италия.

Ключевые исследования по обозначенной теме были проведены доктором Раулем Перро, профессором, руководителем «Лаборатории Антропологической Анатомии и Палеопатологии Департамента Биологии Человека» в Университете имени Клода Бернара Лион⁴. Профессор Перро имеет так же квалификацию судебного эксперта при Апелляционном Суде города Лиона (Франция)⁵.

Эксперт, по просьбе автора настоящей статьи, сравнил между собой несколько хорошо

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

известных изображений лиц, предположительно имеющих отношение к наследию Бенвенуто Челлини. При этом результат антропологических исследований получился отнюдь не банальным, а крайне интересным и во многом неожиданным.

Дело в том, что при всем обилии и высоком качестве информации, которой мы располагаем сегодня в отношении наследия «кровавого ювелира», существует лишь один, единственный портрет выдающегося скульптора, который признается достоверным⁶.

«... существует только один официально признанный портрет Бенвенуто Челлини. Он находится среди изображений прочих придворных художников флорентийского герцога на круглой фреске работы Джорджо Вазари, «Козимо Первый в окружении художников, инженеров и скульпторов своего двора», и расположен в Палаццо Веккио. ... Прямо под изображением уже пожилого Челлини находится надпись Benvenuto SCVL»⁷ (рис. 1).

Фреска, или «тондо» как ее принято называть, о которой говорит нам Профессор Поуп-Хеннесси, была выполнена Вазари около 1563 года. Таким образом, ко времени ее написания, Бенвенуто уже во всяком случае, исполнилось 62. Современная атрибуция портретов изображенных на тондо людей проведена доктором Шандлером Кирвином в 1971 году⁸.

К сожалению, на портрете работы Джорджо Вазари Бенвенуто выглядит уже безвольным, немного трагичным старцем. Он совсем не похож на свой психологический образ, который складывается в голове читателя по мере знакомства с искрометной автобиографией Чел-

лини «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции»⁹. Достаточно сказать, что современники Бенвенуто вполне заслуженно дали неистовому авантюристу прозвище «Дьяболо». Но глянув на фреску Вазари, вряд ли этот эпитет придет на ум в отношении смиренного и грустного старика (рис. 2).

Через два с половиной столетия после создания фрески, в 1822 году знаменитый итальянский мастер Рафаэль Морген выполнил гравюру с портрета работы Вазари, и именно эта гравюра в последствии стала наиболее распространенным изображением облика Бенвенуто Челлини¹⁰ (рис. 3):

Известно так же народное флорентийское поверие¹¹, которое утверждает, что загадочный портрет на затылке бронзовой статуи «Персея»¹², это на самом деле лицо самого автора, Бенвенуто Челлини (рис. 4).

«... на затылке [Персея] находится лицо пожилого человека, с пустыми глазницами и впалыми щеками, которое теряется в кудрях героя (Персея). Народная традиция претендует, что это автопортрет скульптора. Впрочем, это правда, что портрет Вазари с фрески в Палаццо Веккио нельзя назвать не имеющим сходства с этим лицом...»¹³

В Библиотеке Турина хранятся два рисунка, изображенных на сторонах одного и того же листа бумаги размером 28,3x18,5. Авторство этих рисунков с наибольшей вероятностью принадлежит самому Челлини¹⁴.

На одной из сторон графитом изображено лицо мятежного бородача [рис. 5], а на другой - пером и чернилами набросаны два этюда и

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

лицо в профиль (рис. 5). Рисунок сопровождается несколькими надписями сделанными почерком Челлини [рис. 6].

По вопросу личности изображенного человека на лицевой стороне рисунка из Турина в настоящий момент известно несколько спорных точек зрения: профессор А. Бертини в свое время видел здесь «руку Бачо Бандинелли», и соответственно, считал, что на рисунке изображено лицо конкурента Челлини «Кавалера Бандинелли», придворного скульптора, с которым Бенвенуто Челлини вел непрерывную войну¹⁵.

Однако, Профессор Сэр Поуп-Хеннеси опровергает мнение своего коллеги: «Мы не можем обоснованно сомневаться, что этот лист имеет тот же самый стиль и почерк, что и рисунок [руки Бенвенуто Челлини] хранящийся в Лувре»¹⁶. До 2005 года мы не располагали другими известными, как имеющие отношение к реальному облику «кровавого ювелира», изображениями. Многочисленные статуи, гравюры, офорты, рисунки и живописные портреты, появившиеся через несколько столетий после смерти скульптора не имеют доказанной связи с его реальным лицом, а так же с прижизненными портретами знаменитого флорентийца.

Бенвенуто Челлини известен потомкам не только своими скульптурными шедеврами и предметами ювелирного искусства, но и как выдающийся литератор. Челлини удалось создать, пожалуй, наиболее искрометную автобиографию из всех произведений подобного жанра, появившихся в 16 веке. Рукопись биографии написана живым, свободным языком, она содержит огромное количество ценных деталей быта и уклада жизни, характерных для эпохи

ренессанса. Поэтому неудивительно, что его автобиография послужила источником вдохновения для ведущих представителей творческой интеллигенции 18, 19 и 20 веков^{17, 18, 19}.

За несколько столетий книга «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции» выдержала сотни переизданий. Поэтому, в связи с большими тиражами и востребованностью у широкой публики, у книгопечатников и торговцев возникла насущная необходимость изображения внешнего облика автора на обложке его книг. Но, к сожалению, издателям пришлось обходиться или производными картинками с портрета работы Вазари, или сомнительными изображениями лица «Челлини» созданных вдохновением их авторов. На многих обложках книг портрет скульптора и вовсе отсутствовал²⁰.

Особенность появления Челлини-литератора на сцене истории состоит в том, что в течение 2-х веков после смерти Бенвенуто рукопись оставалась неизвестной широкой публике, и заслуженное признание пришло к ней лишь в 18 и 19 веках. Первое печатное издание состоялось в 1728 году, в Неаполе, тогда как Челлини скончался во Флоренции в начале 1571. Поэтому ничего удивительного, что публика успела забыть своего кумира за долгие 180 лет.

Отвечая на запрос публики и за неимением лучшего варианта, художники 18, 19 и 20 веков принялись изображать внешность Челлини «по описаниям» современников Бенвенуто и, главным образом, взятым из его собственных книг. Отсюда происходит обилие всевозможных «портретов» и скульптур Челлини, относящихся к периоду 18-20 веков. Все эти произведения мало

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

похожи друг на друга, если не принимать во внимание некоторые общие для европейских лиц черты, а так же характерные для внешности Челлини атрибуты: густую бороду и тонкий нос.

Самым знаменитым среди подобных изображений следует, наверное, признать бюст «Бенвенуто Челлини» работы Рафаэлло Романелли, установленный в центре «старого моста» («Понто Веккио») во Флоренции в 1900 году²¹.

В частной переписке с автором статьи, современный исследователь творчества Рафаэлло Романелли доктор М. Паоло Ди Анна подтвердил, что скульптор придал бюсту «Бенвенуто Челлини» на Понто Веккио свои собственные черты лица, и не стремился изобразить своего Челлини похожим на реальный облик ювелира. Об этом сеньор Ди Анна собирается написать в своей книге, которая готовится к изданию в Италии (рис. 7).

В 2004 году на юге Франции был обнаружен живописный портрет, который сегодня находится в частной коллекции²² (рис. 8).

Простое сравнение портрета из Туринской Библиотеки и вновь обнаруженного живописного портрета из частной коллекции показывает, что на обоих произведениях изображен, скорее всего, один и тот же человек. Именно вот это антропологическое сходство персонажа на рисунке из Турина и на живописном портрете из частной коллекции привлекло внимание автора статьи к обсуждаемой теме. При этом простое сравнение живописного изображения с персонажами второго плана на работах самого Челлини позволило выдвинуть гипотезу о том, что, возможно, в нескольких случаях мы имеем дело с изображением лица самого Челлини. На

рис. 9 на крайнем справа фото представлено лицо человека, обнаруженное на барельефе «Спасение Андромеды» работы Челлини.

Известно, что итальянская традиция художественных автопортретов была достаточно развита во второй половине 16 века. Мастера изобразительного искусства иногда изображали себя в качестве персонажей второго плана. Поэтому гипотеза о возможном присутствии портретов Челлини среди его персонажей вполне соответствует общему культурно-историческому контексту эпохи.

Для подтверждения гипотезы об обнаруженных портретах Челлини среди его моделей следовало в первую очередь научными методами сравнить «подозрительные» лица с «эталонным» портретом работы Вазари, а во вторую очередь – сопоставить похожие лица между собой.

Выполняя эту задачу, мы исследовали всех персонажей с известных произведений Челлини. В результате «подозрительные» объекты с ярко выраженными индивидуальными чертами были обнаружены на двух скульптурных работах:

- Барельефе «Спасение Андромеды», (пьедестал «Персея»). Деталь – «Человек с поднятой рукой». [Рис. 10]; Деталь: «Лицо человека с поднятой рукой» см. рис. 9.

- Бюсте «Козимо Медичи 1» в виде гротескного «козла-льва» на плече доспеха [рис. 11].

Кроме того, уже на этом этапе исследования стало очевидно, что Челлини часто изображал в своем творчестве персонажа с похожими чертами лица, потому что общие, стилизованные черты этого человека прослеживаются и на изображении «Нептуна» с «Солонки Короля

Рис. 10

Рис. 11

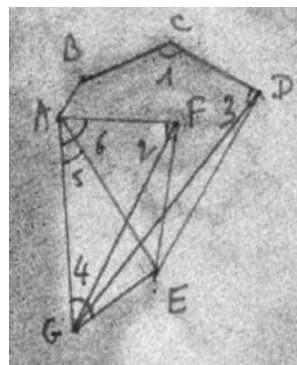

Рис. 12

Франциска» и у статуи «Нептуна» с подножия Персея.

Впрочем, нельзя было исключить, что мы имеем дело всего лишь с хорошо известным феноменом: художники имеют свойство изображать на своих работах людей с некими характерными для своего творчества чертами лица и фигур. Они склонны выбирать себе похожих моделей и придавать своим персонажам характерные для своего индивидуального стиля черты.

Поэтому сама по себе находка нескольких подобных между собой лиц среди изображений Челлини еще не могла служить доказательством обнаружения «автопортретов». Похожие модели на произведениях скульптора могли оказаться лишь следствием особенностей его художественной манеры, а вовсе не личными портретами автора. Но с другой стороны, если бы была установлена и научно подтверждена связь этих лиц с портретом Челлини работы Вазари, тогда доказательство сходства можно было бы считать солидным основанием для обоснования гипотезы.

Для установления научной истины в этом вопросе потребовалась помощь квалифицированных специалистов – антропологов. По совету французских ученых-криминалистов, которые имеют огромный опыт антропологического сравнения лиц, в том числе сравнения изображений полученных в сложных условиях, ассистенты автора статьи Лор Шируссель и Стефани Ласкур-Бордарье обратились к наиболее авторитетному во Франции эксперту и ученому, Доктору Раулю Перро.²³

В качестве научной задачи перед антропологом был поставлен вопрос об идентичности

лиц, изображенных на следующих произведениях искусства:

- Рисунок из Турина, предположительно авторства Бенвенуто Челлини (см. рис 5).
- Живописном Портрете из частной коллекции (см. рис 8).
- Барельефе «Спасение Андромеды», авторства Бенвенуто Челлини (см. рис 10, рис 9).
- Бюсте «Козимо 1 Медичи», авторства Бенвенуто Челлини (см. рис. 11).
- Фрески в Палаццо Веккио, авторства Джорджио Вазари (см. рис. 1 и рис. 2).

По результатам своих исследований в 2007 году доктор Перро опубликовал научную работу²⁴. В статье «Лицевая биометрия и экспертиза произведений искусства» профессор рассказывает о методе исследования портретов Бенвенуто Челлини и о выводах своих экспертиз. Этот опыт сопоставления биометрических параметров лиц с рассматриваемых портретов оказался настолько интересным и востребованным специалистами в области истории изобразительных искусств, что лаборатория, возглавляемая профессором Перро отныне имеет особый штат специалистов, занимающихся исследованиями в области изобразительного искусства.

Для решения поставленной перед ним задачи эксперт Перро применял обычную методику, хорошо известную и разработанную для определения идентичности участников вооруженных ограблений, опознания трупов и других судебно-юридических случаев.

Методика антропологических биометрических сопоставлений основывается на расчетах параметров, углов и отрезков, образованных 7

фиксированными ключевыми точками на лице, положение которых относительно друг друга не меняется с возрастом человека.

Ключевые точки расположены следующим образом (рис. 12):

- Переносица «А»
- Начало брови «В»
- Верхняя точка перелома брови «С»
- Конец брови «D»
- Зрачок «F»
- Точка соединения ноздри и щеки «E»
- Кончик носа «G».

Ключевые точки соединяются отрезками, и потом по углам и пропорциям этих отрезков производятся алгебраические вычисления. Для данного метода исследования неважно, в каком ракурсе и масштабе изображены сравниваемые лица. Степень биометрического подобия сопоставляемых портретов выражаются в процентах. При этом показатели выше 60% считаются достаточными для однозначного удостоверения идентичности изображенных личностей²⁵.

В нашем случае выводы экспертиз оказались положительными: все исследуемые изображения, представляют лицо одного и того же человека в разном возрасте²⁶.

1. Сходство между лицом Бенвенуто Челлини с фрески работы Вазари из Палаццо Веккио, см. рис. 2, и лицом с живописного портрета из частной коллекции, см. рис.8, составляет 90%²⁷.

2. Сходство между лицом с барельефа «Спасение Андромеды» см. рис. 9, рис 10, и лицом с живописного портрета из частной коллекции см. рис 8, составляет 70%.

3. Сходство между лицом с рисунка из библиотеки Турина (рис. 6) и лицом Бенвенуто Челлини с фрески Вазари из Палаццо Веккио (рис. 2), составляет 84%.

4. Сходство между лицом с рисунка из библиотеки Турина (рис. 5), и лицом с барельефа «Спасение Андромеды» с пьедестала статуи «Персея», (бронза, Бенвенуто Челлини) (рис. 9), составляет 91%.

5. Сходство между лицом с плеча «бюста Козимо Первого Медичи» работы Бенвенуто Челлини (рис. 11) и лицом Бенвенуто Челлини с фрески из Палаццо Веккио, работы Вазари (рис.2), составляет 90%

Таким образом, очевидно, что все эти лица принадлежат одному и тому же человеку.

Поскольку изображение Челлини на фреске Вазари считается его истинным обликом, то

можно сделать однозначный вывод: на всех исследуемых произведениях искусства изображен именно Бенвенуто Челлини.

Исследования Доктора Перро, проведенные по просьбе автора статьи, открывают глаза и на другие работы Бенвенуто Челлини.

Например, можно подтвердить, что народная молва оказалась права: на затылке Персея изображен именно автор, поскольку пропорции лица-маски (рис. 4) безусловно совпадают с живописным портретом из частной коллекции (рис.8). Что «Нептун» на знаменитой «солонке Короля Франциска» тоже демонстрирует нам несколько идеализированные, но узнаваемые черты самого Бенвенуто Челлини. Так же в лице статуи «Нептун» с подножия «Персея» мы легко узнаем черты его скульптора.

Кроме того, исследование французских антропологов ставит точку в споре искусствоведов насчет рисунка из Туринской библиотеки. На лицевой стороне листа древней бумаги (рис. 5) изображен именно автопортрет Челлини, а отнюдь не портрет Бандинелли. Таким образом, еще раз доказано предположение профессора Поупа Хеннеси и подтверждена его точка зрения.

Ссылки:

1 Higgins, John. Pope-Hennessy, Sir John Wyndham (1913-1994) // Oxford Dictionary of National Biography/ Edited by H. C. G. Matthew and Brian Harrison. Oxford: OUP, 2004.

2 Pope-Hennessy, John Wyndham. Benvenuto Cellini //Abbeville Press. [Hazan pour l'edition francaise], 1985. 324 p. P. 16.

3 Pope-Hennessy, John Wyndham. Benvenuto Cellini» // Abbeville Press. [Hazan pour l'edition francaise], 1985. 324 p. P. 16.

4 Perrot Raoul //Laboratoire d'Anthropologie Anatomique et de Paleopathologie, Departament de Biologie Humaine, Universite Claude Bernard Lyon 1. (URL : <http://anthropologie-et-paleopathologie.univ-lyon1.fr/Index.htm> Дата обращения 14.04.2014)

5 List des experts judiciaries annee 2013 // Cour d'apelle de Lyon. P.180 (URL: http://www.courdecassation.fr/IMG//Liste_experts_CA_Lyon_2013.pdf Дата обращения 14.04.2014)

6 Pope-Hennessy, John Wyndham. Benvenuto Cellini // Abbeville Press. [Hazan pour l'edition francaise], 1985. 324 p. P. 16.

7 Pope-Hennessy, John Wyndham. Benvenuto Cellini // Abbeville Press. [Hazan pour l'edition francaise], 1985. 324 p. P. 16.

8 Kirwin, Chandler W. Vasari's Tondo of Cosmo I with his Architects, Engineers and Sculptors, in the Palazzo Vecchio : Typology and Re-Identification of Portraits // Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz, MKIF 15, [1971] pp 105-22

9 Подземская, Н.П. Жизнь Бенвенуто Челлини как литературный памятник позднего итальянского Возрождения // Культура Возрождения XVI века. М.: Наука, 1997, с. 157-163

10 Morghen, Raffaello. Portrait of Benvenuto Cellini. Gravure. (URL: <http://giorgio-vasari.it-pr.ru/paint/68.html>) Дата обращения 14.04.2014)

11 Pope-Hennessy, John Wyndham. Benvenuto Cellini // Abbeville Press. [Hazan pour l'edition francaise], 1985. 324 p. P. 185.

12 Mandel, C. Perseus and the Medici // Storia Dell Arte no. 87, p.199.

13 Pope-Hennessy, John Wyndham. Benvenuto Cellini // Abbeville Press. [Hazan pour l'edition francaise], 1985. 324 p. P. 185.

14 Bertini, A. I designi italiani della Biblioteca Reale di Torino // Rome. 1958, pp. 17-18

15 Bertini, A. I designi italiani della Biblioteca Reale di Torino // Rome. 1958, pp. 17-18

16 Pope-Hennessy, John Wyndham. Benvenuto Cellini // Abbeville Press. [Hazan pour l'edition francaise], 1985. 324 p. P. 185.

17 Де Вайи, Л., Барбье. Либретто к опере Гектора Берлиоза «Бенвенуто Челлини» // Премьера 1838. (URL: <http://www.belcanto.ru/benvenuto.html>) Дата обращения 14.04.2014).

18 Дюма, Александр. Асканио, (1843). М: АСТ. 2011.

19 Сен-Санс, Камиль. Асканио// Опера. (1890).

20 Cellini, Benvenuto. The Autobiography of Benvenuto Cellini // Penguin Classics. 1995;

Челлини, Бенвенуто. Жизнь Бенвенуто Челлини написанная им самим // Кристалл. 1998;

Cellini, Benvenuto. The autobiography of Benvenuto Cellini // Everyman's Library 2010;

Соропкина, Нина Матвеевна Бенвенуто Челлини // М.: Вече, 2011.

21 Ciardi R.P. Case di artisti in Toscana. // Cinisello Balsamo, 1998.

22 Randall, Colin. Antique sale painting unveiled as Cellini self-portrait // Daily Telegraph, 14 Sept. 2005

(URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/italy/1498393/Antique-sale-painting-unveiled-as-60m-Cellini-self-portrait.html>) Дата обращения 14.04.2014)

²³ Perrot, Raoul. // Laboratoire d'Anthropologie Anatomique et de Paleopathologie, Departament de Biologie Humaine, Universite Claude Bernard Lyon 1. (URL : <http://anthropologie-et-paleopathologie.univ-lyon1.fr/Index.htm>) Дата обращения 14.04.2014)

24 Perrot, Raoul . Rapport d'expertise // Laboratoire d'Anthropologie Anatomique et de Paleopathologie Departament de Biologie Humaine Universite Claude Bernard Lyon 1. 26 aout 2005 Lyon [L2AP]

(URL: <http://anthropologie-et-paleopathologie.univ-lyon1.fr>) Дата обращения 14.04.2014)

²⁵ Perrot, Raoul. Biométrie faciale et expertise d'oeuvres d'art // PALEOBIOS, n 15, 2007. Lyon-France ISSN 0294-121 X (URL: <http://anthropologie-et-paleopathologie.univ-lyon1.fr/PALEOBIOS%202007/biom%C3%A9trie%20et%20oeuvres%20d%27art.htm#Perrot%20R%20282005%29>) Дата обращения 14.04.2014)

26 Perrot, Raoul. Rapport d'expertise. // Laboratoire d'Anthropologie Anatomique et de Paleopathologie Departament de Biologie Humaine Universite Claude Bernard Lyon 1. 26 aout 2005 Lyon [L2AP]

(URL: <http://anthropologie-et-paleopathologie.univ-lyon1.fr>) Дата обращения 14.04.2014); Perrot, Raoul. Rapport d'expertise // Laboratoire d'Anthropologie Anatomique et de Paleopathologie Departament de Biologie Humaine Universite Claude Bernard Lyon 1. 20 septembre 2010 Lyon [L2AP]

(URL: <http://anthropologie-et-paleopathologie.univ-lyon1.fr>) Дата обращения 14.04.2014)

27 Perrot, Raoul. Rapport d'expertise. // Laboratoire d'Anthropologie Anatomique et de Paleopathologie Departament de Biologie Humaine Universite Claude Bernard Lyon 1. 26 aout 2005 Lyon [L2AP]

(URL: <http://anthropologie-et-paleopathologie.univ-lyon1.fr>) Дата обращения 14.04.2014);

Научно-техническая политика в агропромышленном комплексе в XIX – начале XX века

Рогатко С.А.

В данной статье речь идет о формировании и развитии научной и технической политики в Российской империи в пореформенное время. Статья отображает основные вехи деятельности главного государственного органа в этой области - Ученого Комитета Министерства Земледелия и Государственных имуществ.

Ключевые слова: научная и техническая политика, Ученый Комитет, методы и формы научно-практической деятельности, опытное дело и сельскохозяйственное образование.

Rogatko S. A.

Scientific and technical policy in agro-industrial complex in the XIX – early XX century

The reference article deals with generation and development of the scientific and engineering policy in the Russian empire in the post-reform period. It displays the milestones in operation of the main state body in this field - Scientific Committee to Board of Agriculture and State Property.

Key words: scientific and engineering policy, Scientific Committee, methods and forms of research and practice activity, experimenting activity and agricultural education.

В конце XVIII - начале XIX вв. вся научная и техническая политика России в области развития сельскохозяйственных и пищеперерабатывающих отраслей формировалась благодаря деятельности общественной организации - Императорского Вольного Экономического Общества (ИВЭО) [1]. Это формирование осуществлялось с помощью Ученого Совета ИВЭО, который имел непосредственное сношение с деятелями Государственного Совета и некоторых министерств, которые могли в свою очередь повлиять на принятие каких-либо решений. Кроме этого в исполнительной власти - Министерстве Внутренних дел, где рассматривались вопросы по земледелию, существовал Департамент государственного хозяйства МВД, который выдавал привилегии на изобретения в промышленности, транспорте, торговле, и в том числе в области сельского хозяйства, пищепереработки и производства новых продуктов питания. При этом заметим, что само МВД никоим образом не участвовало в выработке какой-либо научной и технологической политики. Поэтому при создании 26 декабря 1837 г. особого министерства - Министерства Государственных Имуществ, которое бы отвечало за все сельское хозяйство, власти пришли к пониманию, что управление всей научной, технологической и образовательной политикой государства надо также сконцентрировать в особом органе [2]. Таким образом в 1837 г. в структуре МГИ был образован сельскохозяйственный Ученый Коми-

тет, который занимался обсуждением и разработкой научных и технических вопросов по сельскому хозяйству в составе 3-го департамента МГИ (с 1845 г. - Департамент сельского хозяйства) [3]. К этому времени этот департамент уже имел наработки по распространению общих сведений по сельскому хозяйству, а также курировал деятельность создающихся агрономических обществ, сельскохозяйственное образование, корпус лесничих и земельный кадастр. То есть государство впервые формирование научной и технической политики в области сельского хозяйства перенесло из общественно-государственного партнерства в сферу деятельности государственного инструмента с правом совещательного голоса.

В 1867 г. при реорганизации МГИ Ученый Комитет из Департамента земледелия и сельскохозяйственной промышленности был передан в ведение Департамента общих дел МГИ с передачей соответствующих денежных средств на его деятельность [4]. Таким образом, с одной стороны организация научной и образовательной деятельности как бы отделялась от практических вопросов земледелия и иных сельскохозяйственных отраслей и выделялась в самостоятельную структуру. С другой стороны Ученому Комитету давалась возможность стать самостоятельной управленческой единицей, которая по прежнему имея совещательный характер могла бы концентрировать в себе все виды передовой агрономической науки, опытное дело, а также образовательно-просветительскую деятельность. Именно в таком виде Ученый Комитет проработал до реорганизации самого МГИ. В указе о создании Министерства Земледелия и Государственных Имуществ 1894 г. говорилось: «Ученый Комитет учреждается для обсуждения и разработки научных и технических вопросов по сельскому хозяйству» [5]. Пожалуй, впервые с момента создания МГИ и самого Ученого Комитета государство более четко сформулировало главную задачу, которую должна была осуществлять государственная власть в отношении научной и технической политики всего агропромышленного комплекса Российской империи.

Одновременно тем же указом при Ученом Комитете были созданы специальные бюро по научным и практическим отраслям знаний: по земледелию, почвоведению, прикладной бота-

нике, энтомологии, зоотехнии, по метеорологии, по бактериологии, по промысловой зоологии и рыбоводству [5]. То есть правительство уже на практике и совершенно осознанным способом приблизило управление отдельно взятыми агрономическими науками к соответствующей управленческой функции всей отраслевой специализации сельскохозяйственного производства.

С этого периода деятельность Ученого Комитета была расширена и вобрала в себя следующие более детально прописанные задачи: «1) обсуждение оснований производства научных изысканий и опытов в области сельского хозяйства, устройства сельскохозяйственных опытных станций, лабораторий, опытных полей и т.п. заведений; 2) составление программ работ и инструкций для этих заведений, а также исчисление потребных на их устройство расходов; 3) изыскание мер против фальсификации питательных и кормовых продуктов, семян и удобрительных веществ; 4) разработку положений уставов, учебных планов и программ для учебнохозяйственных заведений и для курсов по отдельным отраслям сельского хозяйства; 5) рассмотрение отчетов о деятельности опытных и метеорологических станций и т.п. установлений; 6) составление и обнародование задач для публичных конкурсов, рассмотрение ответов и присуждение установленных за решение этих задач наград; 7) рассмотрение сочинений по части сельского хозяйства и учебников по специальным предметам ведения Министерства Земледелия и Государственных Имуществ, представляемых для получения одобрения или рекомендации у употреблению в сельскохозяйственных учебных заведениях; 8) рассмотрение вопросов о выдаче привилегий на изобретения в области сельского хозяйства (в 1896 г. рассмотрение этих вопросов перешло в Комитет по техническим делам при Департаменте Торговли и Мануфактур Министерства Финансов) [6]; 9) обсуждение и разрешение заявлений частных лиц по вопросам, до сельского хозяйства относящимся; 10) обсуждение заслуг по сельскому хозяйству и определение наград на них; 11) присуждение наград за усовершенствования и изобретения в области сельского хозяйства и 12) рассмотрение всех вообще вопросов, которые Министр признает нужным внести на обсуждение Комитета. Сверх того, Ученый Ко-

митет, совместно с Лесным Специальным Комитетом, в Соединенных их Присутствиях, возложены рассмотрение ученых трудов по лесной части...» [7, с.3-4].

Как видим возложенные задачи на Ученый Комитет требовали соответствующих специалистов, которые могли бы с ними справиться. Поэтому в состав Комитета кроме действительных членов, почетных и корреспондентов вошли директор Департамента Земледелия, управляющие отделами земельных улучшений и сельской экономии, а также сельскохозяйственной статистики, директор Императорского сельскохозяйственного музея, директор Императорского ботанического сада, и инспекторы по сельскохозяйственной и рыбной частям и представитель от Императорского института экспериментальной медицины. При этом каждым отраслевым научным бюро при Комитете руководил один из его членов. Заметим, что деятельность Комитета была весьма открытой. Отчеты заседаний периодически публиковались в «Известиях» МЗ и ГИ, а также в ежегодных «Обзорах» деятельности Министерства, в которых деятельности Комитета посвящались специальные главы [7, с.5].

Как же на практике осуществлялась государственная научная и техническая политика через Ученый Комитет МГИ, а затем и МЗ и ГИ начиная с 60-х гг. XIX в.? Какие методы и формы работы были характерны для этого органа?

Пользуясь официальными краткими отчетами о деятельности Ученого Комитета МЗ и ГИ за апрель 1894 г. по декабрь 1898 выявим основные вопросы и проблемы, которыми занимался Комитет в период преобразования Министерства Государственных Имуществ (МГИ) в Министерство Земледелия и Государственных имуществ (МЗ и ГИ) [8]:

- По учебно-хозяйственной части: обсуждение плана сельскохозяйственного образования; выработка программ и рассмотрения учебников для низших сельскохозяйственных школ; содействие организации народных чтений по сельскому хозяйству.

- Сельскохозяйственное опытное дело: выяснение значения сельскохозяйственного опытного дела; выработка общего положения для опытных учреждений; обсуждение вопросов об учреждении испытательных станций и лабораторий.

- Вопросы полевой и садовой культур: вопросы полевой культуры; рассмотрение «новой системы земледелия» предложенной землевладельцем Подольской губ. Овсинским, сущность которой заключалась в мелкой вспашке (всего до 2 дюймов глубины), что по его мнению принесло бы удешевление обработки почвы, ускорение созревания зерна, устранение вредного влияния засухи и т.п. Заключение ученого Комитета по этому предложению сводилось к тому, что «предлагаемая система земледелия имеет немало слабых сторон и во всей совокупности составляющих ее подробностей не может быть признана универсальной, т.е. для всех растений, почв и климатов» [8, С. 14]; указание хлебных сортов для северных частей Тобольской губернии; исследование самаркандских хлебов; обсуждение вопроса об увеличении распаек в Донской области; вопросы травосеяния; составление почвенной карты; составление почвенных коллекций; обсуждение вопроса об устройстве почвенного музея в Казани (до этого уже в 1880-е гг. действовали естественноисторические, по преимуществу почвенные музеи в Полтаве и Нижнем Новгороде); производство анализа тобольских почв; обсуждение проекта исследования почв Задонской степи; вопросы садовой культуры связанные главным образом с обеспечением российских садоводов качественными семенами; разработка вопроса о заготовлении яблоневых и грушевых семян; вопросы о зимних сортах груш; разработка вопроса о плодовых сортах; вопрос об упорядочении опытов и наблюдений по садоводству.

- вопросы зоотехнические: обсуждение вопроса об улучшении скотоводства и коневодства; рассмотрение вопроса об улучшении русской простой овцы; обсуждение вопроса о контроле молока (в свете развития сыроварения и маслоделия); мероприятия к изучению отечественного животноводства;

- борьба с вредителями сельского хозяйства: разработка мер борьбы с полевыми мышами; обсуждения вопроса о введении сусликовой монополии одного частного лица на истребление сусликов в России для изготовления из него мехов, лайки, жира, консервов, удобрения и т.п. Ученый Комитет в итоге отказал этому предпринимателю ссылаясь на свободу истребления этого грызуна местными администрациями и земствами; исследование вредных поле-

вых насекомых; исследование садовых насекомых; исследование лесных насекомых; указанием мер борьбы с насекомыми, повреждающими хлебные запасы и лесные материалы; обсуждения вопроса о покровительстве полезным птицам; производство микологических исследований для борьбы с грибковыми заболеваниями садовых и огородных культур; содействия изучению грибковой флоры России; исследования домового гриба;

- вопросы сельскохозяйственной метеорологии: сбориание сельскохозяйственно-метеорологических материалов; разработка о «мгле» или «помохи» (наблюдавшиеся в 1896 г. во многих районах России и негативно повлиявшие на урожаи в этих местностях); обсуждение вопроса об организации сельскохозяйственно-метеорологического дела в России;

- некоторые другие вопросы: рассмотрение книг и рукописей; рассмотрение изобретений в области сельского хозяйства; выдача привилегий на изобретения; рассмотрение дел о награждении за сельскохозяйственные заслуги; сообщение на вопросы разных лиц и учреждений;

- деятельность соединенного Присутствия Ученого и Лесного Специального Комитета: разработка проекта положения о Санкт-Петербургском лесном институте; обсуждение вопроса об организации выкормов шелковичного червя; присуждение премий за лесоразведение и осушение болот.

Как видим, в этом кратком отчете отраслевая специализация в области научных исследований возглавляемых Ученым Комитетом как таковая отсутствует, если не считать выделение вопросов полевой и садовой культур (подразумеваем «вопросы земледелия») и вопросы зоотехнические, подразумевавшие научную деятельность в зоотехнии скотоводства и контроль молока в молочной отрасли. Научная деятельность в рыбопромышленной отрасли вообще не показана, хотя она конечно же проводилась в рамках Никольского рыбноводного завода и в рамках инспекции по рыбной части в Департаменте Земледелия МЗ и ГИ. Например, по смете Министерства Земледелия и Государственных на 1896 г. «испрашивалось сумма в 60.000 руб.» на исследование рыболовства и устройства новых рыбноводных заводов, а именно на исследование рыболовства в районах Карабугаза, Оби и

Иртыша, на производство исследований лаборатории Биологической станции под руководством профессора П.П. Лесгафта в Петербурге, на содержание этой лаборатории, на устройство и содержание рыбноводных заводов в Юрьеве, Луге и на Куре, на содержание Никольского рыбноводного завода по утверждению сметы давалось 30.000 руб. с «необходимостью сузить предполагаемую программу». В результате первоначально МЗ и ГИ выделило на эти статьи расхода 24800 руб. [9]. Однако Государственный Совет вопреки решил «сузить наметенную ранее программу, продолжая в 1896 г. лишь начатые ранее исследования Карабугазского залива и рыболовства бассейна р.р. Оби и Иртыша и полагая другие исследования до более благоприятного времени» [9, Л. 17]. В результате имеющегося «свободного кредита расход на развитие рыбноводства и рыболовства на 1896 г. был подсчитан кредит в сумме: 18.984 р.60 коп.» [9, Л. 17]. Таким образом государство в лице МЗ и ГИ занималось научными работками в области рыболовства и рыбноводства, что как видим за этот период ни каким образом не было отражено в деятельности Ученого Комитета.

Также в отчете не уделено должного внимания обширным научным исследованиям в области сахарной, солеваренной, маслобойной, винокуренной, холодильной и другим наукоёмким отраслям. Включая пищеперерабатывающие отрасли, такие как кондитерская, картофельно-паточная, производство натуральных и искусственных вод, чайного производства и пр. Это касается и такого вопроса, как технические изобретения и перевооружение на их основе машинного парка в земледельческой, скотоводческой (бойни, линии переработки), маслобойной, солеваренной, сахарной и других отраслях. То есть Ученый Комитет выдавая привилегии на изобретения лишь констатировал сам факт изобретения того или иного устройства, но не ставил задачу по созданию новых образцов техники и технологий. Впрочем в отличии от 60-80-х гг., когда привилегии на изобретения машин, устройств и прочее выдавались на один год, теперь срок был увеличен до 3, 5 и даже 10 лет [11]. Что касается отраслевого разделения и участия в агрономических и сельскохозяйственных науках, то деятельность Ученого Комитета в первые годы преобразованного МЗ и ГИ была

достаточно скромная. Если ни считать, что отраслевое участие в деятельности Ученого Комитета в основном имело место в учебных планах и программах для учебно-хозяйственных заведений и для курсов по отдельным отраслям сельского хозяйства, кроме перерабатывающих отраслей.

Теперь попробуем проанализировать деятельность Ученого Комитета за 5 с лишним лет с 1898 по 1905 гг., т.е. в период наибольшего, так сказать, расцвета Министерства Земледелия и Государственных имуществ, на фоне выхода из кризиса сельского хозяйства связанного с падением цен на сельскохозяйственную продукцию, в частности на зерновые культуры, а также с неблагоприятными для аграриев годами 1902-1903 гг. вызванными в большинстве районов засухой, неурожаем и как следствием нехваткой продовольствия в 1902 г.

Чем же занимался Комитет в эти годы? В первую очередь хочется отметить рассмотрение различных сочинений по агрономическим наукам. Только с марта 1898 по март 1899 г. в Комитет поступило печатных или рукописных сочинений от авторов, издателей, через Министерство Просвещения, Св.Синод 93, из которых 68 были одобрены [11]. В следующем отчетном году с марта 1899 по март 1900 г. в Ученый Комитет поступило 138 печатных изданий, из которых было одобрено 91 сочинение [12], с 1901 по 1902 г. поступило 156 сочинений из которых было одобрено 109 [13]; в следующем отчетном периоде за 1902-1903 гг. поступило 173 из которых было одобрено 139 [14]. В 1903-1904 г. поступило 187 из которых было одобрено в той или иной форме 157 [15. С.26]. Имея даже не полные данные за каждый год, видно, что количество рассматриваемых научных сочинений Комитетом постоянно увеличивалось. Также увеличивалось количество одобренных и принятых к печати. В 1903-1904 гг. был рассмотрен специальный вопрос «о категориях сочинений, которые подлежат рассмотрению Комитета», т.е. согласно положения об Ученом Комитете ст.61 п.7. только сочинения по сельскому хозяйству и учебники по специальным предметам ведомства МЗ и ГИ [15. С.25].

Следующим вопросом, которым были озабочены члены Комитета это опытное сельскохозяйственное дело, которое рассматривалось

в связи вопросами организации, «ассигнование денежных пособий на устройство и содержание опытных учреждений (главным образом опытных полей и хозяйств) и о снабжении их подсобными для производства опытов материалами, а также путем рассмотрения программ практикуемых к постановке опытов и отчетов о деятельности таковых учреждений» [17] в 1898-99 гг., 1899-1900 гг., 1900-1901 гг. В 1902-03 гг. участие Ученого Комитета в сельскохозяйственном опытном деле выразилось: 1) в рассмотрении ряда ходатайств учреждений и лиц об оказании со стороны МЗ и ГИ денежных пособий на устройство и содержание опытных учреждений; 2) в рассмотрении проектов постановки опытов, программ деятельности опытных учреждений, вообще, вопросов связанных с организацией сельскохозяйственного опытного дела в Империи, и 3) в трудах, образованного при Комитете, подготовительного бюро по организации второго съезда деятелей по сельскохозяйственному опытному делу, состоявшегося в декабре 1902 года под председательством Председателя Ученого Комитета, И.А. Стебута, при участии, в качестве представителя от Ученого Комитета, члена Комитета, заведующего бюро по энтомологии И.А. Порчинского [18]. Надо заметить, что к этому времени большинство вышеуказанных вопросов было обсуждено в особой комиссии по опытному делу при Комитете. В данной статье не представляется возможным более подробно останавливаться на проблемах развития опытных организаций в свете отраслевого развития сельскохозяйственного производства в России в пореформенное время, т.к. этого требует отдельное исследование.

Постоянной темой на повестке дня в эти годы был вопрос о наградах «за труды по сельскохозяйственной части», куда входили представленные из разных районов России сотни дел по разным отраслям, достойных награждения.

Кроме этих постоянных вопросов в эти годы в Комитете рассматривались следующие проблемы: в 1898-1899 гг. - вопросы полеводства и луговодства, деятельность сельскохозяйственной лаборатории МЗ и ГИ состоящая в введении агрономического бюро и учрежденная в 1896 г.; издание почвенной карты; вопросы, рассмотренные бюро по почвоведению; поощ-

рение изобретений и награждения, устройство конкурсов, вопросы сельскохозяйственной метеорологии; деятельность энтомологического бюро; испытание дектярных препаратов врача И.А.Попова для истребления вредных насекомых;

- в 1899-1900 гг. - о присуждении премии по виноградарству и виноделию имени Императора Александра III выдаваемых из процентов на капитал в 100 000 руб. пожертвованных для этих целей князем Л.С.Голицыным в размере 3000 руб. в 1899 г. Балассу М.К. за труд «Виноделие в России» [19]; обсуждение вопросов по учебно-хозяйственной части; вопросы полеводства; поощрение изобретений и награды за труды по сельскому хозяйству; вопросы зоотехнии; разные вопросы, куда входили прошения о рассмотрении иностранцами изобретений, сочинений, и разные практические вопросы;

- в 1900-1901 гг. - премии и награды; вопросы прикладной ботаники; вопрос о ввозе свекловицы; деятельность метеорологического бюро; меры против фальсификации; разные вопросы;

- в 1901-1902 гг. - награды за труды по сельскохозяйственной части; деятельность бюро по земледелию и почвоведению; вопрос об устройстве фитопатологической станции; деятельность метеорологического бюро; о мерах против фальсификации пчелиного меда; о выделке арбузной патоки; в 1902-1903 гг. - об организации конкурсов и присуждении премий. Одна из них - премия книгоиздателя фирмы «А.Ф.Девриена». Премия это состояла из денежной суммы в 500 руб., вносимой (ежегодно в течении 10 лет) фирмой в депозиты Канцелярии Министра, и выдавалась по присуждению Ученого Комитета с утверждения Министра МЗ и ГИ ежегодно в течении 10 лет начиная с 1905 г. за практические дела «включая сюда растениеводство, животноводство, лесоводство, садоводство со всеми их отраслями, почвоведение, агрохимию, сельскохозяйственную механику, прикладные ботанику и зоологию, сельскохозяйственную статистику и экономию, а также технические производства (не фабричные), находящиеся в близкой связи с сельским хозяйством, кустарную промышленность и всякие вопросы, обработка которых может оказать существенную пользу в деле улучшения благосостояния сельских хозяев без различия сословий»

[19]; награды за труды по сельскохозяйственной части; деятельность бюро по земледелию и почвоведению; рассмотрение изобретений в области сельского хозяйства;

- в 1903-1904 гг. - деятельность библиотеки Комитета; о составлении особых каталогов книг по сельскому хозяйству; организация конкурсов и присуждение премий; деятельность бюро по промысловой зоологии и рыбоводству; преобразование Никольского рыбоводного завода в рыбохозяйственную опытную станцию; о консервировании свежей икры;

- в 1904-1905 гг. - деятельность бюро по промысловой зоологии и рыбоводству и другие вопросы.

Если внимательно проанализировать деятельность Ученого Комитета за эти непростые для сельского хозяйства 5 лет, то очевидно, что в эти годы в Ученом Комитете появились ряд отраслевых бюро: агрономическое, земледелия и почвоведения, энтомологическое, метеорологическое, промысловой зоологии и рыбоводству. Также стали появляться отраслевые конкурсы и премии, наподобие премии книгоиздателя фирмы «А.Ф.Девриена или премии имени покровителя Императорского Русского Общества акклиматизации животных и растений Великого Князя Сергея Александровича, покровителя Великого Князя Николая Николаевича Старшего за самостоятельные научные исследования по биологии животных и растений по их акклиматизации. Все это еще ближе приближало научную деятельность исследователей и практиков непосредственно к производственному сельскохозяйственному отраслевому объекту. Между тем говорить о создании и развитии какой-то научно исследовательской отраслевой системы как инструмента государственной политики за годы существования Ученого Комитета в рамках МЗ и ГИ говорить не приходится. В эти годы перед Ученым Комитетом стояли главным образом задачи обоснования необходимости развития и применения научных знаний в агропромышленной сфере как таковой. А также поиск форм и методов стимулирования научно-исследовательской деятельности в сельскохозяйственном производстве и лесном хозяйстве. И с этой задачей Ученый Комитет на протяжении своего существования, вплоть до 1922 г. справлялся вполне удовлетворительно.

Таким образом, мы видим, что начиная с

конца 30-х гг. XIX в. в России существовал государственный орган в лице Ученого Комитета МЗ и ГИ, который по существу стал главным концентрирующим и направляющим органом в области формирования государственной научной и технической политики, что способствовало не только популяризации научных сельскохозяйственных знаний среди сельских хозяев, в обществе, но и развитию наукоемкой отраслевой производственной базы на общемировых стандартах.

Литература

1. Сенченкова Е.М. Рождение ВЭО как первого агронаучного общества в России // Годичная научная конференция ИИЕТ в 2007 г. – М., 2008. С. 335-338.
2. ЗПСЗ. Т. XII. Ч.2. № 10834. - Декабря 26. (1837) Высочайше Утвержденное учреждение Министерства Государственных Имуществ. Гл. I. С.7.
3. Шафранов П.А. Архив Министерства земледелия и государственных имуществ (Исторический очерк устройства и состава дел). СПб., 1904. С. 122.
4. РГИА. Ф.382. Оп. 1 Д.21. Л. 1.
5. ЗПСЗ. Т. XIV. № 10457. - Марта 21. Высочайше Утвержденное учреждение Министерства Земледелия и Государственных имуществ.
6. ЗПСЗ. Т. XVI. ч. 1. № 12965 - Мая 20. Высочайше утвержденное Положение о привилегиях на изобретения и усовершенствования.
7. Краткий очерк деятельности Ученого Комитета Министерства земледелия и государственных имуществ за время с апреля 1894 по декабрь 1898 года. СПб., 1899. С.3-4
8. Краткий очерк деятельности Ученого Комитета Министерства земледелия и государственных имуществ за время с апреля 1894 по декабрь 1898 года. СПб., 1899.
9. РГИА. Ф.398. Оп.73. Д.29687. ЛЛ.1-14об.
10. РГИА. Ф.382. Оп.2. ДД.1185,1186,1192,1200,1210,1213,1215 и др.
11. Краткий отчет о деятельности Ученого Комитета Министерства Земледелия и Государственных Имуществ за время с 30 марта 1898 по 30 марта 1899 года. СПб., 1899. С. 13.
12. Краткий отчет ...с 30 марта 1899 по 30 марта 1900 года. СПб., 1900, С.13.
13. Краткий отчет...с 30 марта 1901 по 30 марта 1902 г. СПб., 1902. С.18.
14. Краткий отчет... с 30 марта 1902 по 30 марта 1903 г. СПб., 1903. С.25-26.
15. Краткий отчет... с 30 марта 1903 по 30 марта 1904 г. СПб., 1904.С.26.
16. Краткие отчеты о деятельности Ученого Комитета Министерства Земледелия и Государственных Имуществ... за 1899-1901 гг.
17. Краткий отчет... с 30 марта 1902 по 30 марта 1903 г. СПб., 1903. С.28.
18. Краткий отчет ...с 30 марта 1899 по 30 марта 1900 года. СПб., 1900. С.6
19. Краткий отчет... с 30 марта 1902 по 30 марта 1903 г. СПб., 1903. С.26.

ДЕМОГРАФИЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Современные тенденции брачности и разводимости в Москве

Новоселова Е.Н.

Статья посвящена исследованию процессов брачности и разводимости в современной Москве. Автор статьи анализирует как жизнь в мегаполисе влияет на процессы заключения и расторжения брака, возрастные показатели брачности, продолжительность брака, легитимность брака. В статье на основе анализа статистических данных по бракам и разводам рассматривается динамика данных явлений в г. Москве.

Ключевые слова: брак, брачность, брачная структура, возрастные показатели брачности, сожительство, развод, причины и мотивы развода, последствия развода.

Novoselov E. N.

Contemporary trends in marriage and divorce in Moscow. Current article examines processes of marriage and divorce in contemporary Moscow. Author analyzes how life in the big city affects the processes of marriage and divorce, marriage age determinants, length of the marriage, legitimacy of the marriage. Research, which is based on the analysis of statistical data on marriage and divorce, is dedicated to dynamics of these phenomena in Moscow. Key words: marriage, marriage structure, age-specific marriage, age at marriage, cohabitation, divorce, reasons and motives, the consequences of divorce.

Брачность - процесс образования супружеских пар в населении, включает вступление как в первый, так и в повторные браки.

В современных условиях ослабление социокультурных норм брачности, распространения альтернативных браку сожительств мужчин и женщин, а также огромного числа разводов, исследование мотивов как вступления в брак, так и его сохранения/расторжения является особенно актуальным. В сочетании с процессами овдовения и разводимости брачность «относится к числу важных факторов рождаемости, формирования института семьи и изменения семейной структуры; имеет большое значение для закрепления того или иного варианта режима естественного воспроизводства населения» [7].

Динамика брачности зависит от многих причин, на нее влияют многие социально-экономические и культурные факторы: господствующие социальные нормы, ценности общества, допустимость разводов, религиозные нормы, законодательные акты, экономические кризисы, войны, революции и др. Демографической основой брачности служат такие факторы как - средний возраст вступления в первый брак, уровень рождаемости в прошлом, половозрастная структура населения.

В России и в мире последние годы регистрируется все меньше и меньше браков, так если в середине XX века в Европейском Союзе заключалось примерно 8-10 браков на 1000 человек в год, то сегодня около 3-5 браков на 1000 человек в год (см. табл. 1).

Таблица 1
Динамика общего коэффициента брачности в некоторых странах мира (на 1000 жителей), 1950-2012 гг.
Источник: Демоскоп Weekly. <http://demoscope.ru/weekly/app/app4081.php>

Страна \ Год	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2005	2010	2012
Австрия	9,3	8,3	7,1	6,2	5,9	4,9	4,8	4,5	4,6
Бельгия	8,3	7,1	7,6	6,7	6,5	4,4	4,1	3,9	3,6
Болгария	10,7	8,8	8,6	7,9	6,9	4,3	4,3	3,2	2,9
Велико-британия	8,1	7,5	8,5	7,4	6,6	5,2	4,8	4,5	-
Венгрия	11,4	8,9	9,4	7,5	6,4	4,7	4,4	3,6	3,6
Германия	11,0	9,5	7,4	6,3	6,5	5,1	4,7	4,7	4,7
Испания	7,5	7,8	7,3	5,9	5,7	5,4	4,8	3,6	3,5
Италия	7,6	7,7	7,4	5,7	5,6	5,0	4,2	3,6	-
Норвегия	8,3	6,6	7,6	5,4	5,2	5,0	4,8	4,8	4,9
Польша	10,7	8,2	8,6	8,6	6,7	5,5	5,4	6,0	5,3
Россия	12,0	12,5	10,1	10,6	8,9	6,2	7,5	8,5	8,5
США	11,1	8,5	10,6	10,6	9,8	8,2	7,6	6,8	-
Франция	7,9	7,0	7,8	6,2	5,1	5,0	4,5	3,9	3,7
Чехия	10,7	7,7	9,2	7,6	8,8	5,4	5,1	4,4	4,3
Швейцария	7,9	7,8	7,6	5,7	6,9	5,5	5,4	5,5	5,3
Япония	8,6	9,3	10,0	6,6	5,9	6,4	5,7	5,5	-

В России в течение двух последних десятилетий число никогда не состоявших в браке молодых людей неизменно увеличивается. Так, если по данным переписи 1989 г., менее 60% мужчин и 40% женщин в возрасте 20-24 года никогда не состояли в браке и только 10-11% мужчин и 7-8% женщин оставались холостыми/

незамужними в возрасте 30-34 лет, то в 2002 г. доля никогда не состоявших в браке в возрасте 20-24 года мужчин составила 73,6%, женщин - 52,6%, а, в соответствии с переписью 2010 г., - 77,5% мужчин и 57,2% женщин. К тридцатилетнему возрасту почти половина мужчин (40%) и 25% женщин еще ни разу не состояли в браке. Наблюдая за повышением этих показателей, которые выглядели несокрушимыми весь XX век, и констатируя изменения интенсивности вступления в брак в молодых поколениях, можно прийти к выводу, что в ближайшее время произойдет их, по меньшей мере, двукратное повышение [8].

Уровень брачности и разводимости довольно сильно отличается в регионах России, что связано с особенностями возрастной структуры населения и этнокультурными стереотипами брачного поведения населения [18]. Россия понемногу входит в полосу длительного уменьшения количества браков, особенно первых, что связано с особенной возрастной структурой населения РФ (см. рис 1), которая по ряду причин в ближайшее десятилетие будет оказывать негативное влияние на брачность.

Численность населения России на 2015 г. составила 146 млн 267 тыс. человек. Соотношение городских и сельских жителей в том же году 74% (108282) и 26% (37985) соответственно, т.е. налицо увеличение значения городских поселений в жизни общества. Крупнейший и наиболее плотно населенный город России -

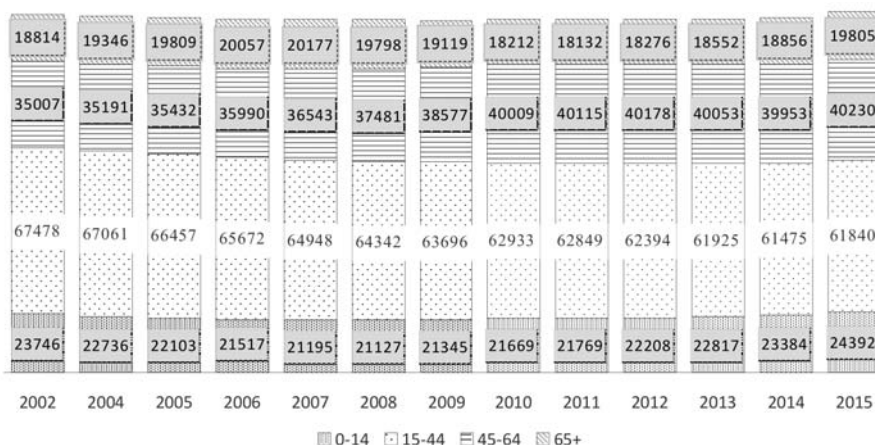

Рис. 1. Возрастная структура населения России (2002-2015 гг.), тысяч человек
Примечание: построено по данным Федеральной службы государственной статистики.

Москва. Численность населения Москвы, по переписи 2010 г., составила 10% городского населения Российской Федерации. С точки зрения изучения брачности и разводимости, она представляет отдельный интерес, так как её можно считать своего рода демографическим новатором, генератором упрощения взглядов на брак в современной России.

В 2014 г. в Москве было заключено 100483 брака. Эта цифра примерно на 3,9 тысячи больше, чем в прошлом году (см. рис. 2), а до этого рубеж в 100 тысяч был покорен в далеком 1985 г. [11].

Официальные лица связывают эту тенденцию с политикой города, которая принимается в отношении молодых семей, с программами для молодых семей, которые существуют [11]. Однако разумно предположить, что наблюдаемый в последнее время в Москве рост числа зарегистрированных браков, - это, в основном, следствие благоприятной возрастной структуры населения (см. рис. 3).

В настоящий момент число браков, по-видимому, достигло максимальной точки возможного роста. Далее последует неизбежное снижение показателей брачности, вызванное негативными сдвигами в возрастной структуре населения, которая по существу уже сложилась на следующие десятилетия и значительно повлиять на нее невозможно. Сегодня все более стабильной и заметной тенденцией становится старение населения Москвы. Население столицы старше населения России в целом. Средний возраст жителя столицы 41,1 года [12], что не только выше среднего общероссийского показателя. Это один из самых высоких показателей по сравнению с другими регионами РФ. Доля столичных жителей старше 65 лет постоянно растет. Так, если в 2009 г. она составляла 14,2%, в 2011 г. - 23,5%, то в 2012 г. уже - 24,2%, при этом доля трудоспособного населения Москвы за эти три года сократилось на 1,5% [12]. Безусловно, данное явление в будущем окажет существенное влияние на интенсивность брачности.

Современный мир предлагает на выбор «целый диапазон стилей жизни: сожительство, свободный брак, серийный брак, одиночное родительство, а также мимолетные связи, не поддающиеся классификации» [1]. По данным переписи 2010 г., в России 87% пар, идентифициру-

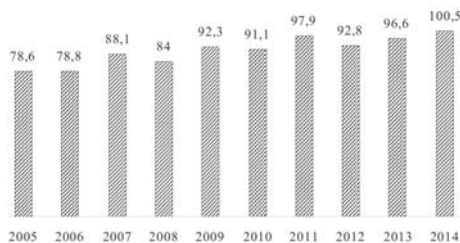

Рис. 2. Динамика брачности населения г. Москва 2005-2014 гг., тысяч человек.

Примечание: построено по данным: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по городу Москве <http://moscow.gks.ru>

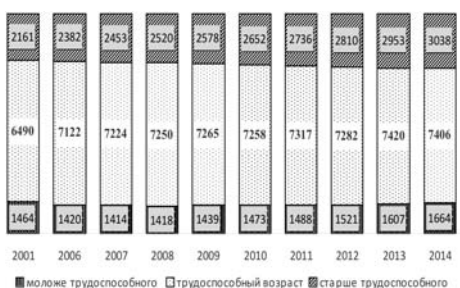

Рис. 3. Возрастная структура населения г. Москвы, тысяч человек.

Примечание: построено по данным: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по городу Москве <http://moscow.gks.ru/>

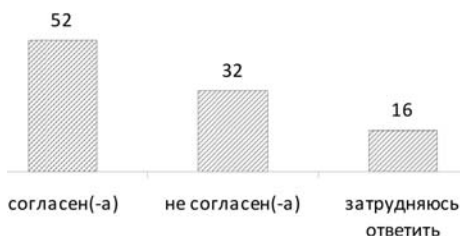

Рис. 4. Признание легитимности добрых сожительства москвичами, в %

Источник: «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 24 марта 2013. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6% // <http://fom.ru/rabota-i-dom/11091>

ющих себя как состоящие в браке, являются официально зарегистрированными (для сравнения 90,3 в 2002 г.). Среди москвичей доля пар, прошедших официальную регистрацию, еще выше - 92% [5].

Означает ли данный факт, что только 8% москвичей сегодня живут в консенсуальном бра-

ке? Здравый смысл подсказывает, что нет: люди могут состоять в близких отношениях, вести общее хозяйство, проживать на одной территории и при этом не называть свой союз браком. Данный тезис косвенно подтверждает тот факт, что, по данным Фонда «Общественное мнение», 49% москвичей имеют в своем окружении пары, поддерживающие интимные отношения и ведущие общее хозяйство, но не заключившие официальный брак. При этом 44% жителей столицы думают, что такие пары не заключают официальный брак по той причине, что не уверены в его удачности. Но при этом они считают, что такие партнеры достаточно глубоко привязаны к друг другу (45%) [13].

В настоящее время незарегистрированный брак, т.е. вариант взаимоотношений между партнерами, имеющими общее место жительства, но не оформляющими свои отношения как брак в установленном законом порядке, становится привычным социальным явлением, вариантом социальной нормы. Это общемировая тенденция. Так, в незарегистрированных браках сегодня проживает до 40% шведских пар, 15-20% американских [14] (по сравнению с 1960-ми годами количество таких браков в США поднялось сейчас более чем в 10 раз [19]). При этом сохраняется тенденция к росту числа подобного рода союзов. Вопреки распространенному мнению о том, что «пробные» союзы помогают в будущем создать более крепкую семью, исследования свидетельствуют об обратном: у сожительствующих до брака пар через 5 лет официального брака вероятность развода на 50% выше, а через 8 лет на 60% выше, чем у тех пар, которые вступили в законный брак, миновав стадию сожительства [16].

Распространение незарегистрированного сожительства, по-видимому, связано с городским образом жизни и современной организацией экономики, которая меняется все быстрее и соответственно требует мобильных трудовых ресурсов, а это приводит к шаткости, ненадежности социальных структур, в том числе и в сфере брачных отношений [17]. Следовательно, современный горожанин, занятый в этой текущей экономике, прилагает максимум усилий для сохранения своей мобильности, и соответственно вынужден медлить, откладывая те события своей жизни, которые могут этой мобильности угрожать, как, например, вступление брак.

Что касается неофициальных сожительств, то здесь с одной стороны много противоречий, а с другой - налицо либерализация отношения к подобного рода семьям, причем, доля лиц, считающих, что если мужчина и женщина совместно проживают и ведут общее хозяйство, то их можно считать мужем и женой, даже если они не заключили официального брака, приблизительно одинакова как среди людей, практикующих сожительство (59%), так и среди тех, кто состоит в официально зарегистрированном браке (65%). Единственная категория, относящаяся к сожительству менее терпимо, это люди старше 60 лет, но, тем не менее, даже среди них 40% считают такой союз браком [13]. Отношение москвичей к подобного рода союзам демонстрирует рис.4. На нем отражено распределение ответов на вопрос «Существует мнение, что если мужчина и женщина совместно проживают и ведут общее хозяйство, то их можно называть мужем и женой, даже если официального брака они не заключили. Согласны ли Вы с таким мнением?»

Коренные изменения в сфере супружеского и брачного поведения отмечают современные теоретики. Так, Э. Гидденс пишет, что «трансформация интимности происходит путем постепенного отказа от традиционного супружеского брака в пользу партнерства» [6]. По его мнению, брак постепенно теряет значение формального института, поддерживаемого традицией и правилами гендерного разделения труда (между мужем-кормильцем и женой-домохозяйкой). Данный институт уже не справляется в полной мере с функцией контроля над сексуальностью индивидов и деторождением, т.е. брак перестает быть единственной легитимной формой организации интимности. Женщина все больше вовлекается в сферу оплачиваемой занятости, семья уже не является для нее единственной сферой самореализации и идентификации [6].

Ценность зарегистрированного брака постепенно снижается и сегодня, по мнению россиян, работа имеет большее значение в жизни женщины, чем брак и семья. Соотечественники фактически отказались от той модели семьи, где мужчина занимается материальным обеспечением семьи, а женщина-мать поглощена семьей. Подобный тезис подтверждают данные социологических исследований. Так, по данным

ФОМ, в 1990-х годах большинство россиян желало дочерям скорее удачного замужества, чем хорошей работы, а 2000-х годах 62% опрошенных выказали предпочтение хорошей работе перед удачным замужеством.

Наряду с распространением сожителств и падением ценности зарегистрированного брака другой важной характеристикой брачности в современной России является возраст вступления в первый брак. Возрастные показатели брачности в России в последние полтора десятилетия свидетельствуют о том, что возраст жениха и невесты при вступлении в первый брак постепенно растет. За 15 лет «возраст регистрации первого брака увеличился и у мужчин, и у женщин практически на 3 года (у мужчин с 24,4 до 27,4, у женщин с 22,2 до 25,0)» [8]. В столице возраст регистрации первого брака еще выше: 29,5 у мужчин и 27,6 у женщин [15]. «Большинство пар, которые поженились в 2014 году, были в возрасте от 25 до 34 лет (56% мужчин и 53% женщин). Вторым по распространенности возрастом для вступления в брак является возраст от 35 лет у мужчин (30% браков) и от 18 до 24 лет у женщин (четверть браков)» [11].

По данным ФОМ большинство москвичей считают, что идеальный возраст для замужества 21-24 года, для женитьбы – 25-28 лет, т.е. в целом женщинам предпочтительнее заключать брак несколько раньше, чем мужчинам (см. рис 5). Данную тенденцию отмечают и классики российской социологии семьи. Так, А.И. Антонов говорит о том, что «если брать три характеристики (возраст, образование и социальное происхождение), то в процессе брачного выбора действует довольно заметная тенденция предпочтения мужчинами более молодых женщин с относительно меньшим образованием и принадлежащих относительно к более низкой социальной группе. Для женщин, соответственно, действует противоположная тенденция. Эта тенденция носит название брачного градиента» [2].

Вступление в брак в более раннем возрасте, по данным российских исследователей, связано с ориентацией на большее число детей, так как более высокие репродуктивные установки подталкивают к раннему заключению брака (если раньше создать семью, то успеешь более полно реализовать имеющуюся потребность в детях) [3]. «Ожидаемое число детей в среднем

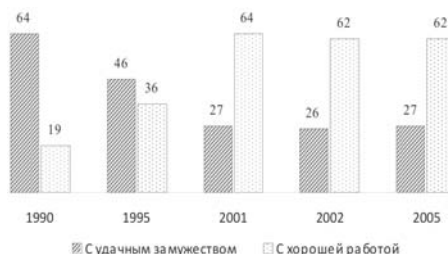

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Если бы у Вас в семье была (или если есть) дочь-подросток, то с чем? прежде всего Вы связывали бы ее будущее – с удачным замужеством или с хорошей работой?» (%) Примечание: построено по данным: Вовк Е. Гендерная асимметрия и женские роли в современной России // Социальная реальность №3, 2006. Примечание: 1990 год – данные ВЦИОМ. 1995, 2001, 2002, 2005 – данные ФОМ.

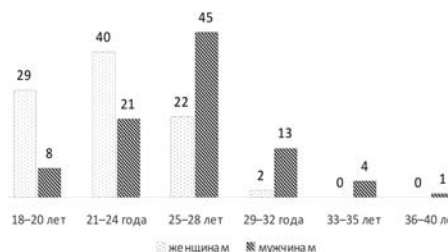

Рис. 6. Оптимальный возраст заключения брака по мнению москвичей, % Примечание: Ответы на вопросы «Как вы считаете, в каком возрасте девушке (женщине) лучше всего выходить замуж? Как вы считаете, в каком возрасте юноше (мужчине) лучше всего жениться?» Источник: Ежегодный опрос «ФОМнибус» 13–14 июля 2013 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов.

выше у вступивших в брак в 17–18 лет, а у женщин – существенно ниже у тех, кто вступил в брак в возрасте 26 лет и старше. У вступивших в брак в 17–18-летнем возрасте москвичек, опрошенных в 2004 году, и желаемое, и ожидаемое число детей значительно выше по сравнению с теми, кто начал свою супружескую жизнь позже» [3].

В Москве, как и в России в целом, вплоть до начала XX века доминировал традиционный тип брачности, для которого были характерны такие отличительные черты, как ранняя и всеобщая брачность. В настоящий момент в головах людей существует изрядная путаница понятий и представлений, связанных с пониманием самого термина «брак». Еще не так давно для того, чтобы именоваться «браком», союз должен был быть непременно официально зарегистрирован.

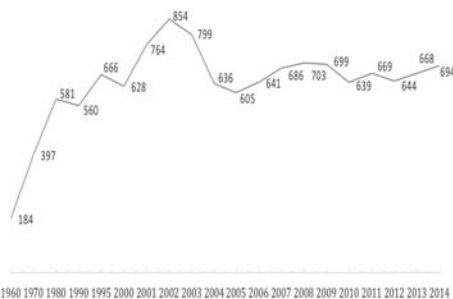

Рис. 7. Динамика показателей разводимости в России 1950-2014 гг. (тысяч)

Примечание: построено по данным: Федеральная служба государственной статистики

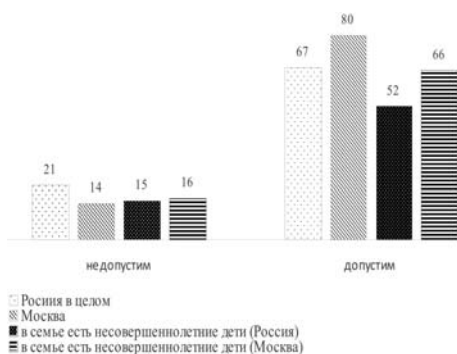

Рис. 8. Допустимость развода по мнению жителей России в целом и по мнению москвичей.

Примечание: распределение ответов на вопрос «Одни считают, что разводы недопустимы в принципе, ни при каких обстоятельствах. Другие считают, что разводы в принципе допустимы. С какой точкой зрения – с первой или второй – вы согласны? А если в семье есть несовершеннолетний ребёнок (дети), то, как вы думаете, развод допустим или недопустим?». Источник: Ежедневный опрос «ФОМнибус» 8–9 сентября 2012 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов.

Тот же критерий применялся для того, чтобы именовать партнеров мужем и женой, определение же «сожитительство» обозначало отношения, значительно отличающиеся от официального брака своей институциональностью, легитимностью, степенью материальной и психологической безопасности, привязанностью [4].

Сегодня граница между зарегистрированным и незарегистрированным браком становится все более размытой. Общественные нормы уже не столь требовательны по отношению к официальному оформлению длительных интимных отношений мужчины и женщины, как в еще недавнем прошлом, и факт регистрации

подобных тандемов становится все менее значимым. Таким образом, «традиционный формат организации парного интимного союза - зарегистрированный брак - уже давно не является единственным и безальтернативным форматом организации близких личных отношений» [4]. На смену ему приходит брак незарегистрированный (бракоподобные отношения, фактический брак, неформальный брак), который в действительности является обычным сожительством.

Семья или свобода от брачных уз? Тяжесть семейного бытия или полная свобода от любых обязательств? Могут ли существовать семья и свобода одновременно? На что обменивают обретенную свободу современные одиночки? Почему сотрудничество в браке сменилось жестоким соперничеством, а служение семье - преданностью карьере, деньгам и корпорации? Еще в недавнем прошлом все эти вопросы были попросту неактуальны: брачность была практически всеобщей, а брак - пожизненным и легитимным союзом, который прекращался главным образом из-за смерти одного из супругов. Сегодня браки все чаще заканчиваются разводом, разрешенным почти повсеместно, в том числе и в России. Число разводов непрерывно увеличивается, с начала 1980-х годов XX века число разводов в нашей стране не опускалось ниже полумиллиона в год [9] (См. рис. 7)

На сегодняшний день разводы являются главной причиной формирования неполных семей в России. При этом большинство россиян считают, что развод допустим в любом случае, даже если у супругов есть несовершеннолетний ребенок. Среди москвичей процент людей считающих, что развод в принципе допустим еще выше - 80%. В том числе в ситуации, когда в семье есть несовершеннолетний ребенок - 66%. Лишь 14% жителей столицы уверены, что брак надо сохранить любой ценой и считают развод абсолютно недопустимым (см. рис. 8).

Трансформация «отношения к разводам от преимущественно негативного в истории человечества в сторону рефлекторного, дифференцированного, а зачастую и просто лояльного - один из основных факторов влияющих на их широкое распространение в современном обществе... которое с одной стороны допускает, а, по сути, провоцирует разводы, а, с другой - предлагает крайне мало действенных мер для

их профилактики и решения вызываемых ими проблем, что осложняет как его собственное развитие, так и жизнедеятельность семьи...а также разведенных (разводящихся) супругов и их детей» [10].

По данным исследования, проведенного Фондом общественное мнение 25–26 сентября 2012 г., треть жителей столицы, считающих себя верующими и относящих себя к христианским конфессиям, считают развод допустимым в том числе и для людей, которые обвенчаны, состоят в церковном браке (см. рис. 9). Несмотря на то, что развода или развенчания как такого в православии на самом деле не существует, а православное вероучение настаивает на нерасторжимости брака – «что Бог сочетал, то человек да не разлучает».

Проблема развода существовала во все времена. Однако вместе с тем существовала установка прожить с супругом до гробовой доски, что делало супругов терпимее, заставляло их притираться к друг другу, принимать меры для упрочнения и сохранения брака и семьи. В конце XIX века общий коэффициент разводимости среди православного населения Российской империи составлял 0,02 ‰. Если разводы и происходили, то на это были четко обозначенные причины: доказанное прелюбодеяние, неспособность к брачному сожитию, уголовное наказание или безвестное отсутствие одного из супругов в течение длительного времени [16].

Увеличение доли городского населения – урбанизация – признается многими учеными одним из факторов, влияющих на разводимость. «Для городского населения характерно ослабление социального контроля, нарастание анонимности общения, сокращение роли традиций и обычаев... преобладание городского образа жизни приводит к изменению норм и ценностей на уровне не только личности, но и общества в целом» [16]. Ученые демографы заметили, что среди городских жителей уровень разводов выше, чем среди сельских жителей. В Москве, где общественное мнение постепенно утрачивает функцию социального контроля, развод становится нормой жизни: на каждые 10 зарегистрированных браков приходится 5–6 разводов. Динамику уровня разводимости за последнее десятилетие демонстрирует рис. 10.

Современная москвичка имеет высокий уровень образования. По итогам переписи населе-

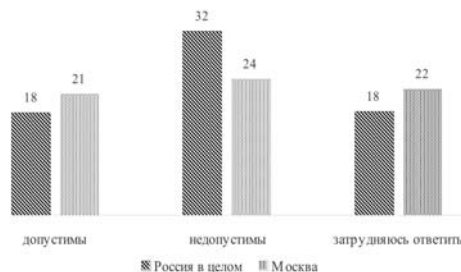

Рис. 9. Отношение россиян в целом и жителей Москвы к расторжению церковного брака

Примечание: распределение ответов на вопрос «Для людей, которые обвенчаны, состоят в церковном браке, разводы, по вашему мнению, допустимы или недопустимы?» (Вопрос задавался относящим себя к христианским конфессиям – 68% респондентов.)

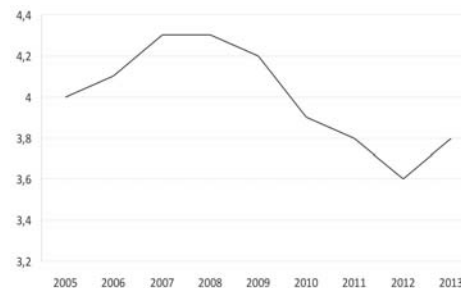

Рис. 10. Динамика разводов в г. Москве за период 2005–2013 гг. (на 1000 человек)

ния 2010 г., численность лиц, имеющих высшее, включая послевузовское, профессиональное образование в Москве составляет 421 человека в расчете на 1000 человек населения в возрасте 15 лет и старше. В среднем по России это число составляет 234 человека на 1000, т.е. в 1,8 раза меньше. При этом количество образованных женщин в столице, также почти в 1,8 раза превышает их число в других субъектах РФ (424 чел. на 1000 в Москве, 248 чел. в целом по России). Она владеет самыми востребованными на рынке труда профессиями, экономически полностью самостоятельна, нередко выполняет роль главы семьи, и сама решает, сохранять ей ее или нет. Не удивительно, что инициатором развода чаще выступают женщины.

Правда, надо оговориться, что установить, кто из супругов является инициатором развода, гораздо проще, чем разобраться в том, кто действительно совершает действия, разрушающие брак, и кто на самом деле виновен в распаде семьи.

Таблица 2

Весомые причины развода, по мнению жителей России в целом и по мнению москвичей, %

Примечание: построено по данным: Еженедельный опрос «ФОМнибус» 8–9 сентября 2012 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов.

	Россия в целом	Москва
Рукоприкладство	67	71
Пьянство супруга (супруги)	60	61
Измена супруга (супруги)	49	42
Постоянные ссоры, конфликты	46	47
Новая любовь	34	45
Сексуальная несовместимость	31	27
Угасшие чувства	31	33
Нет детей	22	18
Материальные претензии	20	18
Религиозные разногласия	9	20
Неприязнь со стороны родственников супруга (супруги)	7	7
Неприязнь к родственникам супруга (супруги)	5	2
Политические разногласия	3	2

Причины развода - сложный комплекс структурно-функциональных изменений в семье и в обществе, включающий совокупность внутрисемейных и внешних обстоятельств вкпе с недостаточным желанием или возможностью супругов разрешить и преодолеть возникающие сложности. Среди многообразных мотивов развода выделяются основные: рукоприкладство, алкоголизм, супружеская неверность, отсутствие взаимопонимания, несовпадение ценностных ориентаций и т.д. (см. табл. 2). По мнению ученых, на долю этих мотивов приходится до 70-80% возможных причин разводов. К демографическим причинам развода можно отнести невозможность или нежелание одного из супругов иметь детей. Безусловно, причины развода нередко носят скрытый характер, однако в основе его всегда лежат нарушения межличностных отношений.

Риск развода присутствует и в повторном браке, где уровень разводимости на 75% выше,

чем в первом браке. По-видимому, это является следствием двух основных тенденций. Во-первых, вольно или невольно, но супруги сравнивают свой повторный брак с первым, и сравнение не всегда в пользу повторного, как гласит народная мудрость «каждая следующая жена, хуже предыдущей». Во-вторых, дети от предыдущего брака не всегда вписываются в новую семью и признают нового родителя. Исследования показывают, что около 9% разведенных мужчин и 8% разведенных женщин хотели бы восстановить прежнюю семью [16].

Проблема разводимости очень серьезна. Негативные последствия разводов сказываются не только на моральном и психологическом состоянии людей или их материальном благополучии, но также и на демографических показателях: они оказывают серьезное влияние на рождаемость, уровень заболеваемости и смертности. Последствия развода проявляются в эмоциональной нестабильности супругов, тоске, нарушениях сна, заниженной самооценке. Очень остро развод родителей переживают дети, которые нередко склонны обвинять в разводе родителей самих себя, чувствовать неуверенность в себе и страх. Развод сказывается на их моральном состоянии и успеваемости.

Сегодня развод превратился в привычную, обыденную часть современной жизни. Он перестал служить клеймом и стал атрибутом современной семейной жизни, «оборотной стороной брака» [16], который в урбанизированном обществе утрачивает свои функции, перестает играть определяющую роль в отношениях между супругами.

Литература

1. Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства // Demographia.net Российский институт стратегических исследований // <http://www.demographia.net/journal/2014-04/antonov>
2. Антонов А.И. Социология семьи // Учебник. Под редакцией А.И. Антонова
3. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М., 2006.
4. Вовк Е. Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? // База данных ФОМ. <http://bd.fom.ru/report/map/gur050103>.

5. Всероссийская перепись населения 2010 года.
6. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004.
7. Демография / Под общ. ред. Н.А.Волгина. М., 2003. с. 196 Цит. по: http://demoscope.ru/weekly/2010/0413/analit01.php#_FN_16
8. Захаров С. Куда движется супружество в России? // Демоскоп Weekly. 2013. 4–17 марта. № 545–546. <http://demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema02.php>.
9. Каждый год развод в России оставляет без одного из родителей сотни тысяч детей // № 09 – 10 26 февраля - 11 марта 2001. <http://www.demoscope.ru/weekly/009/tema01.php>.
10. Камышова Е.В. Социокультурная детерминация отношения к разводам в современном поликультурном обществе // Теория и практика общественного развития. № 1 / 2014.
11. Количество браков в Москве в 2014 году резко увеличилось // РИА Новости, <http://ria.ru/society/20150210/1046908253.html> 10.02.2015.
12. Морозова Е.А. Прогнозирование демографической ситуации в городе Москве до 2025 года // Электронный научный журнал «ГосПер». 2014. №1.
13. Незарегистрированные отношения: брак или альтернатива ему? Можно ли гражданский брак считать браком? И чем он отличается от официального? // Опрос ФОМ 24 марта 2013 / <http://fom.ru/rabota-i-dom/11091>.
14. По данным Нью-Йоркского института семьи и брака. См. об этом: На просторах России . 7. 25 миллионов молодых россиян никогда не состояли в браке. Демоскоп weekly. <http://www.demoscope.ru>.
15. Рассчитано Синельниковым А.Б. по данным Росстата.
16. Хачатрян Л.А. Развод оборотная сторона брака // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 1. 2010. <http://cyberleninka.ru/article/n/razvod-oborotnaya-storona-braka>.
17. Шпаковская Л. «Гражданский брак» – между политикой и повседневностью // Полит.ру 23 ноября 2010
18. Щербакова Е. В 2014 году число зарегистрированных браков снизилось, а число разводов увеличилось <http://demoscope.ru/weekly/2015/0631/barom04.php>.
19. Heuveline, Patrick, and Jeffrey M. Timberlake. 2004. «The role of cohabitation in family formation: The united states in comparative perspective.» *Journal of Marriage and the Family* 66(5):1214-1230 // Цит. по: Исупова О. «Мы просто живем вместе». Демоскоп Weekly. <http://www.demoscope.ru>.

Становление глобального общества и логика пандемий

Рахманов А.Б.

Автор рассматривает этапы процесса глобализации и в контексте становления глобального общества анализирует пандемии. Наиболее страшными для человечества пандемиями были средневековые Юстинианова чума, «Черная смерть», «испанка» 1918-1919 и СПИД наших дней. Автор выделяет основные закономерности распространения этих пандемий.

Ключевые слова: глобализация, мировая система, пандемии, Юстинианова чума, «черная смерть», грипп, «испанка», СПИД.

Rakhmanov A.B.

The formation of a global society and pandemics logic. The author considers the stages of globalization process and analyzes the pandemics in the context of development of the global society. The most terrible pandemics were medieval plague of Justinian, «black death», Spanish influenza 1918-1919 and AIDS. The author highlights the main patterns of the diffusion of these pandemics.

Key words: globalization, world system, pandemic, plague of Justinian, «black death», influenza, Spanish influenza, AIDS.

Ход всемирной истории сопровождается все более возрастающей интеграцией человечества, становлением единого всемирного общества. Этот процесс или его последнюю стадию называют глобализацией. Результатом глобализации является глобальное общество, причем его становление еще не завершено. Развитие всемирной интеграции человечества в ходе истории целесообразно подразделить на следующие стадии: 1) интеграция в древнем (рабовладельческом) и средневековом (феодальном) обществе (до XVI века), 2) интеграция в условиях раннего и домонополистического капитализма (XVI-XIX века), 3) интеграция в условиях монополистического капитализма (с начала XX века и до наших дней).

Для первой стадии интеграции человечества было характерно возникновение полиэтнических и трансрегиональных объединений – империй. В их числе следует назвать державу Ахеменидов или Персидскую державу (550-330 гг. до н.э.), державу Александра Македонского (330-323 гг. до н.э.), государства диадохов, позднюю Римскую республику (264-27 г. до н.э.), а затем и Римскую империю (27 г. до н.э. – 476), Монгольскую державу Чингисхана и его наследников (1206-1294), Арабский халифат (632-1258) и т.д. Для этих объединений было характерно следующее: 1) локальный, но не глобальный характер, 2) ограниченное во времени существование (несколько лет, десятилетий или веков) и 3) неглубокий уровень связей между различными народами и регионами, что и создавало предпосылки для распада. Ведущими факторами объединения были земельно-аграрная колонизация и взимание дани с покоренных народов.

Для второй стадии человечества было характерно установление единства человечества на глобальном уровне. Благодаря эпохе Великих географических открытий, начатой феодальными Португалией и Испанией и продолженной капиталистическими или полукapиталисти-

ческими Нидерландами, Англией и Францией в орбиту всемирного общения включается к концу XIX века весь мир без исключения. Главной силой, скреплявшей единство человечества в XVII-XIX веках, была мировая капиталистическая торговля и система финансов. Возникшие формы единства человечества оказываются необратимыми – та или иная страна могла терять свои колонии, но в этом случае они переходили к другой державе, и всемирное единство сохранялось. На этой стадии интеграционные связи углубляются, но по-прежнему являются поверхностными, поскольку не касаются самой глубокой сферы общественной жизни – производства.

В начале XX века интеграция человечества вступает в свою третью стадию. Для нее было присущим то, что начало устанавливаться единство мира на самом глубоком, сущностном уровне – на уровне сферы производства. Это проявлялось в возникновении всемирного разделения труда, подлинно мирового производства. В конце XX – и начале XXI века этот процесс достиг уже многого. Теперь уже даже самый простой товар личного потребления является продуктом, в который вложен труд многих стран. Именно последнюю стадию, с моей точки зрения, следует называть глобализацией в строгом смысле слова в отличие от глобализации в широком, тождественном понятию интеграции человечества, смысле. Основными субъектами становления мирового производства стали крупные компании – монополии, которые в ходе XX века шаг за шагом приобретали транснациональный характер. Процесс становления всемирного производства и ныне, в начале XXI века, не завершен, хотя и развивается весьма интенсивно.

Глобализация и в узком смысле, и в широком смысле слова означают резкую активизацию перемещений масс товаров, капиталов и людей по всей территории планеты, рост масштабов коммуникации людей из разных регионов мира. Возрастание масштабов всемирного общения людей создает не только колоссальные возможности обмена материальными и духовными достижениями людей и их многостороннего взаимообогащения, но и предпосылки для более быстрого распространения инфекционных болезней. Последнее обстоятельство имеет большое значение с точки зрения угроз здоровью людей, а, значит, и медицины.

По мере становления глобального общества и интенсификации контактов между различными странами и регионами мира, массовые эпидемии инфекционных болезней (холера, малярия, тиф, чума, СПИД и т.д.) приобретают все более и более всемирный характер. Эпидемии становятся пандемиями, затрагивающими уже не отдельные районы или страны, а целые группы стран, расположенных на разных континентах. Рассмотрим пандемию в связи со стадиями интеграции человечества. Если говорить об охвате территорий и количестве жертв, то наиболее значительными за всю историю человечества пандемиями были Юстинианова чума, «Черная смерть», грипп «испанка» и СПИД. Две первых имели трансконтинентальный характер, а две последних – глобальный в строгом смысле слова. Рассмотрим эти случаи, пытаясь выделить логику, т.е. закономерности этих пандемий.

Первой пандемией трансконтинентального масштаба в истории была Юстинианова чума, разразившаяся в 541-550 гг. в Восточной Римской (Византийской) империи. Эта пандемия случилась в эпоху перехода от Античности к Средневековью, и она была названа по имени правившего в Восточной Римской империи императора Юстиниана I (годы правления: 527-565 гг.). Чума появилась в Египте (житнице империи), откуда она пришла с торговыми кораблями в Константинополь, а уже оттуда разошлась по всей территории империи и вышла далеко за ее пределы. Эта пандемия поразила не только обширную Восточную Римскую империю, включавшую в себя часть Пиренейского полуострова, Северную Африку, Италию, Балканы, Малую Азию и т.д., но и всю Европу, Западную, Центральную и Южную Азию. Предполагают, что Юстинианова чума стала причиной гибели от 25 до 50 млн. чел. Погибло до четверти населения Восточного Средиземноморья и, в том числе, 40% населения Константинополя.

Следующим инфекционным бичом интегрирующегося человечества стала пандемия чумы, получившая название «Черная смерть» и бушевавшая в 1340-1353. В Европе она была в 1346-1353. Эта пандемия началась на территории Монголии, а оттуда распространялась с монгольскими отрядами, а также торговыми караванами, шедшими по Великому Шелковому пути,

и через Крым пришла в Европу. Пандемия охватила обширные территории от Китая до Британии. «Черная смерть» ударила по всей Европе (за исключением части Центральной и Юго-Восточной Европы), значительной части Азии и Северной Африки. Жертвами «Черной смерти» стали примерно 60 млн. чел. или четверть мирового населения. В Европе погибла примерно треть населения.

На основании крайне скудных эмпирических данных об этих двух пандемиях Средневековья весьма затруднительно установить закономерности распространения пандемий. Пожалуй, можно говорить лишь о двух закономерностях.

Во-первых, поскольку от «черной смерти» пострадало большее количество регионов и народов, чем от Юстиниановой чумы, то следует заключить, что движение от раннего к позднему Средневековью, от раннего к позднему феодальному обществу и расширение масштабов всемирного общения привело к разрастанию масштабов пандемий, более обширному охвату территорий.

Во-вторых, пандемии начинались в одном из центров системы мировых связей. Здесь необходимо вспомнить о концепции досовременных мир-систем американской ученой Дж. Абу-Луход, разработанной ею в книге «Накануне европейской гегемонии. Мировая система 1250-1350 гг.» [2]. Она была видным представителем мир-системного анализа, применяя его к Античности и Средневековью. Абу-Луход полагала, что в позднеантичном мире существовала мир-система, которая располагала двумя центрами – Римской империей и китайской империей Хань. Я полагаю, что Абу-Луход, как и И. Валлерстайн, преувеличивает степень интегрированности древнего и средневекового человечества, но существование мировых связей трудно отрицать, и в силу этого более адекватным представляется понятие центров мировых (трансконтинентальных) связей. На мой взгляд, логично исходить из того, что Византийская империя времен Юстиниана I как наследница Римской империи, являвшаяся самым большим и цивилизованным государством Европы, Африки и Западной Азии, а, возможно, и всего мира того времени, оставалась одним из ведущих центров мировых связей. Средневековая мир-система, как полагала Абу-Луход, существовала в 1250-

1350 и характеризовалась полицентричностью. Ее ключевыми центрами, как полагала Абу-Луход, были Ближний Восток, Монгольская империя (империя Юань), включавшая в себя Китай, и Западная Европа. В случае «Черной смерти» одним из центров мировых связей была Монгольская империя Юань.

Пандемия гриппа 1918-1919 или «испанка» стала первой пандемией эпохи глобализации в узком (строгом) смысле слова. Эта пандемия охватил собой территорию все планеты, т.е. была первой пандемией человечества в строгом смысле слова. Мировое производство стало объединять все человечество, а «испанка» сделало человечество единым в смерти, превратила смерть в глобальное явление. Благодаря «испанке» в большей степени, чем благодаря Первой мировой войне, возникло явление глобальной смерти. На Первой мировой войне люди гибли на трех континентах и в Мировом океане, а «испанка» истребляла людей почти на всей планете одновременно.

«Испанка»¹, как полагает большинство современных ученых, началась в США, а потом перекинулась на весь мир. По оценкам современных ученых, заболело примерно треть населения планеты, т.е. около 500 млн. человек, а умерли до 50 млн. чел. Среди жертв преобладали взрослые в возрасте от 20 до 50 лет. Причины такой избирательности пандемии неизвестны. Большую роль в распространении гриппа сыграла Первая мировая война и связанное с ней перемещение больших масс войск, что само по себе было проявлением глобализации в узком смысле слова. США в 1917 вступили в Первую мировую войну, и в 1918 в Европу прибывали многочисленные контингенты американских войск. Это способствовало экспорту пандемии в европейские страны, причем в первую очередь в те, что были союзниками США или соблюдали нейтралитет. Уже на закате пандемии ее жертвой стал выдающийся немецкий ученый, классик социальных наук М. Вебер.

«Испанка» в отличие от пандемий прошлого отражена в детальнейшей статистике, в частности, существует статистика жертв почти по всем странам мира. В силу этого она позволяет сделать некоторые выводы о закономерностях развития пандемий. Сведем воедино данные о жертвах «испанки» в значимых странах мира, о доле товарного экспорта в ВВП и о душевом

ВВП этих стран (См. Таблица 1). Доля товарного экспорта в ВВП говорит о степени включенности страны в систему мировых связей, душевой ВВП – о развитости страны. Страны ранжированы в соответствии с количеством жертв пандемии гриппа. Данные о душевом ВВП и доли товарного экспорта стран Тропической Африки приведены обобщающие по региону.

Подразделим условно указанные страны на страны с высоким уровнем жертв (больше 1% от населения страны), страны со средним уровнем жертв (0,5-1%) и страны с низким уровнем жертв (менее 0,5%). Среди стран с высоким уровнем жертв оказались африканские страны (Кения, Южная Африка, Гана, Нигерия, Египет) и Индонезия, являвшиеся в то время колониями, Китай, являвшийся полуколонией, зависимые страны (Гватемала, Мексика), а также отсталые (полукапиталистическо-полуфеодалные) европейские страны Италия и Испания. На границе между группой с высоким уровнем жертв и группой со средним уровнем жертв – Португалия, являвшаяся отсталой западноевропейской страной, близкой по многим показателям общественного развития Испании. В группе со средним уровнем потерь – Франция, Нидерланды, Япония, Бразилия США, Индия, Великобритания, Канада. В группе с низким уровнем потерь – Германия, Австрия, Австралия, Россия (в пределах территории будущего СССР), Филиппины, Аргентина и Уругвай. Как объяснить такое распределение жертв?

Анализ распределения жертв «испанки» показывает, что определяющую роль при поражении стран пандемией играли три параметра – уровень социально-экономического развития, включенность в мировую капиталистическую систему и близость к источнику пандемии (США). Чем более развитой является страна, тем больше она могла сопротивляться пандемии в силу лучшего потребления и, следовательно, состояния здоровья людей, более высокого уровня образованности и культурности населения, более развитой системы здравоохранения и т.д. Чем большей была включенность страны в мировую капиталистическую систему, тем интенсивнее коммуникация со странами, откуда распространялась пандемия, тем большей была вероятность того, что «испанка» поразит значительную часть населения данной страны. Наконец, чем в большей степени географически

Таблица 1

Жертвы пандемии гриппа 1918-1919 и показатели экономического развития ряда стран мира

Примечание: [Составлено по: 4, р. 110-114; 1, с. 511,603].

Страна	Количество умерших, тыс. чел.	Доля умерших от населения страны, %	Душевой ВВП в 1913, дол. 2000 г.	Доля товарного экспорта в ВВП в 1913, %
1. Кения	150	5,78	(0,8)	(4)
2. Южная Африка	300	4,43	(0,8)	(4)
3. Гана	88,5-100	4,35	(0,8)	(4)
4. Гватемала	48,6	3,92	н/д	н/д
5. Индонезия	1500	3,04	0,7	10,5
6. Нигерия	455	2,44	(0,8)	(4)
7. Мексика	300	2,06	2,1	12,5
8. Китай	4000-9500	0,84-2,01	0,6	3,5
9. Испания	257	1,23	н/д	н/д
10. Италия	390	1,07	3,6	12,0
11. Египет	138,6	1,07	н/д	н/д
12. Португалия	59	0,98	н/д	н/д
13. Франция	240	0,73	5,1	13,3
14. Нидерланды	48	0,71	6,1	34
15. Япония	388	0,7	2,0	12,3
16. Бразилия	180	0,68	1	12,5
17. США	675	0,65	8,8	6,1
18. Индия	18500	0,61	0,7	7,2
19. Канада	50	0,61	6,7	18,1
20. Великобритания	200	0,58	7,4	15,6
21. Германия	225,3	0,38	5,7	17,5
22. Австрия	20,5	0,33	4,4	17,0
23. Австралия	14,5	0,27	6,9	21,9
24. Россия ¹	450	0,24	2,1	10,0
25. Филиппины	93,7	0,17	1,5	9,0
26. Уругвай	2	0,14	н/д	н/д
27. Аргентина	10,2	0,12	3,2	10

1 В пределах территории будущего СССР.

была близка страна к источнику пандемии, тем большим являлось проникновение на ее территорию зараженных людей и тем большим было распространение болезни.

США, будучи местом, где родилась «испанка», пострадала отнюдь не катастрофически именно в силу того, что являлись самой развитой и могущественной страной мира. Их следует считать центром мировой капиталистичес-

кой системы. По И. Валлерстайну, они в это время вступили в борьбу с Германией за возможность стать гегемоном мир-системы. Португалия в силу своей относительной отсталости и бедности пострадала почти в полтора раза больше (0,98% против 0,65%). Франция и Нидерланды, более развитые и более включенные в мировую капиталистическую систему, чем Португалия, пострадали заметно меньше, чем последняя, но больше, чем США. Это надлежит объяснить тем, что они уступали по уровню развитости США. Относительно невысокий уровень потерь Германии и Австрии, помимо развитости этих стран, объясняется войной: Центральные державы находились в кольце фронтов, которые отделяли их от источников заразы. Война затормозила проникновение пандемии в германоязычную Центральную Европу. Эти страны были отчасти спасены войной. Низкий уровень потерь Австралии следует объяснить тем, что при высокой степени включенности этой страны (тогда еще части Британской империи) в мировую капиталистическую систему ее отличал высокий уровень развития. Великобритания, будучи еще более развитой, пострадала заметно больше, но это необходимо связать с тем, что эта страна была ближе к США и более тесно с ней сообщалась, чем Австралия. Низкий уровень потерь населения от «испанки» в России, на Филиппинах, в Уругвае и Аргентине объясняется тем, что эти страны находились на периферии мировой капиталистической системы. Высочайший уровень потерь в колониальных, полуколониальных и зависимых странах, безусловно, следует вывести из низкого уровня социально-экономического развития этих территорий. Этот фактор оказался более весомым, чем включенность в мировую систему и отдаленность от первоначального источника пандемии. В случае Гватемалы и Мексики роковую роль сыграла именно близость к США. Нахождение Испании и Италии в группе стран с высоким уровнем жертв и близость к этой группе Португалии объясняется более низким уровнем развития, бедностью этих стран по сравнению не только с США, но и с ведущими капиталистическими странами Западной Европы.

Итак, основные закономерности пандемии гриппа 1918-19 («испанки») заключались в следующем: 1) глобальный характер, 2) начало в центре мировой капиталистической системы

(США) и 3) наибольшее количество жертв на периферии мировой капиталистической системы – в колониальных, полуколониальных, зависимых странах, а также в среднеразвитых капиталистических странах; уровень развитости имел большее значение, чем включенность в мировую систему и близость к первоначальному источнику пандемии. Это объясняет то, что в последующем эпидемии гриппа не принимали столь катастрофический характер, подобный пандемии 1918-19: постепенный подъем уровня развитости всех стран мира привел к тому, что человечество смогло противостоять гриппу. Последующие волны гриппа уже не влекли за собой такого количества жертв, как «испанка».

Глобальной пандемией конца XX и начала XXI веков является СПИД. Эта болезнь появилась в США (впервые описана в 1981), и отсюда распространилась по всему миру. Ее отличием от «испанки» является то, что она бушует уже несколько десятилетий, и ей пока не видно предела. Растянута во времени – особенность СПИДа. С начала пандемии СПИДа и по 2012 во всем мире от нее умерли 36 млн. человек. Как известно, жертвой пандемии СПИДа стал известный французский философ и социолог М. Фуко и многие другие деятели культуры. Эта пандемия коснулась всего мира, но наиболее сильный удар СПИД нанес по странам Тропической Африки, особенно Южной, а также по Индии. Серьезный характер имеют угрозы, связанные со СПИДом, в России и на Украине. Приведем оценочные данные, касающиеся динамики смертности от этой болезни в 1990, 2000 и 2009 годы вкупе с данными о доле товарного экспорта в ВВП и душевом ВВП в 2000 (См. Таблица 2). Страны ранжированы в соответствии с количеством смертей на 100 тыс. человек в 2009. По странам Тропической Африки приведены общие данные по региону, касающиеся душевого ВВП и доли товарного экспорта.

Мы видим, что в случае СПИДа отчасти подтверждаются, а отчасти не закономерности распространения «испанки». СПИД также имеет глобальный характер, он также возник в центре мировой капиталистической системы (США) и отсюда распространился по всей системе, и он также ударил в первую очередь по самым отсталым странам мира. Более всего от СПИДа пострадали и страдают страны Тропической Африки – самого отсталого региона мира. Развитые

капиталистические страны, которые в начале пандемии понесли довольно серьезные потери от нее, смогли минимизировать смертность от СПИДа и адаптироваться к пандемии. Единственным исключением из перечисленных нами стран является Португалия – одна из самых бедных западноевропейских стран. В этой стране смертность от СПИДа росла с 2000 по 2009. СПИД отстывает и в некоторых развивающихся странах (Аргентина). В то же время во многих развивающихся странах пандемия наступает. Это касается в первую очередь стран Тропической Африки, где она превратилась в настоящее социальное бедствие. Уровень развитости страны оказывается решающим фактором борьбы с пандемией. Факторы включенности в мировую систему и близости к источнику пандемии приобрели второстепенное значение.

Литература

1. Мировая экономика. Глобальные тенденции за 100 лет. Под ред. И.С. Королева. М.: Юрист, 2003. С. 511,603.
2. Abu-Lughod J. Before European Hegemony. The World System A.D. 1250-1350. New York, Oxford: Oxford University Press, 1989.
3. AIDS estimated deaths (UNAIDS estimates) // <http://www.nationsencyclopedia.com/WorldStats/HNP-aids-estimated-deaths.html>
4. Niall P. A. S. Johnson and Juergen Mueller. Updating the accounts: global mortality of the 1918-1920 «Spanish» influenza pandemic // Bulletin of the History of Medicine, Volume 76, Number 1, Spring 2002, pp. 105-115.
5. The Spanish Influenza Pandemic 1918-1919. New Perspectives. Edited by Howard Phillips and David Killingray. London, New York: Routledge. Taylor&Francis Group, 2003.
6. Plague and the End of Antiquity. The Pandemic of 541-750. Edited by Lester K. Little. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
7. Origins of the Spanish Influenza pandemic (1918-1920) and its relation to the First World War // Journal of Molecular and Genetic Medicine, 2009, December, Vol. 3, №2, pp. 190-194.

Ссылки:

- 1 Название пандемии объясняется тем, что болезнь впервые была описана в Испании. Правильнее было бы по месту происхождения называть ее «американкой».

Таблица 2

Количество умерших от СПИДа в 1990, 2000 и в 2009 (оценочные данные)

Примечание: [Составлено по: 3; 1, с. 511,603].

Страна	Кол-во смертей в 1990, на 100 тыс. чел.	Кол-во смертей в 2000, на 100 тыс. чел.	Кол-во смертей в 2009, на 100 тыс. чел.	Абс. кол-во смертей в 2009, тыс. чел.	Ду-ше-вой ВВП в 2000, тыс. дол.	Доля товарного экспорта в ВВП в 2000, %
1. Лесото	6,24	635	702	14	(0,9)	(6,0)
2. Зимбабве	134	1044	665	83	(0,9)	(6,0)
3. Юж. Африка	8,24	386	661	310	(0,9)	(6,0)
4. Замбия	291	631	383	45	(0,9)	(6,0)
5. Мозамбик	16,2	197	355	74	(0,9)	(6,0)
6. Кения	42,7	382	223	80	(0,9)	(6,0)
7. Нигерия	10,3	160	156	220	(0,9)	(6,0)
8. Гана	6,68	76,8	82,1	18	(0,9)	(6,0)
9. Украина	1,93	22,4	50,9	24	н/д	н/д
10. Индия	0,62	11,8	15,5	170	2,4	12,0
11. Аргентина	9,23	7,31	7,49	2,9	7,4	10,5
12. США	15,2	6,38	5,75	17	35,1	10,7
13. Португалия	2,02	4,89	4,74	0,5	н/д	н/д
14. Индонезия	0,06	0,05	3,79	8,3	4,3	35,5
15. Испания	7,72	4,97	3,69	1,6	н/д	н/д
16. Франция	17,1	3,06	2,79	1,7	25,4	26,0
17. Китай	н/д	н/д	1,99	26	3,9	11,5
18. Италия	6,52	3,51	1,71	1	25,3	25,0
19. Великобритания	2,1	0,85	1,66	1	24,9	28,0
20. Канада	н/д	3,25	1,55	0,5	28,1	44,1
21. Германия	3,15	1,22	1,21	1	26,4	33,0
22. Юж. Корея	0,23	0,43	1,04	0,5	15,2	42,5
23. Нидерланды	1,34	0,63	0,61	0,1	29,1	55,0
24. Польша	0,52	0,26	0,52	0,2	н/д	н/д
25. Австралия	5,86	1,04	0,49	0,1	26,0	19,4
26. Филиппины	0,16	0,13	0,23	0,2	4,2	28,0
27. Япония	0,4	0,08	0,08	0,1	26,4	15,7

Социально-психологические и демографические последствия замены законного брака сожительством

Синельников А.Б.

В любом возрасте сожители имеют гораздо больше шансов почувствовать себя одинокими, чем законные супруги. Среднее итоговое число рожденных детей у неженатых пар к концу репродуктивного возраста женщины намного меньше, чем среднее число детей у замужних женщин того же возраста, и значительно ниже уровня простого воспроизводства поколений. Тенденция уменьшения числа законных супружеских пар и увеличения числа пар сожителей, не состоящих в законном браке, – это не переход от традиционной к современной форме семьи, а разрушение семьи как социального института.

Ключевые слова: законный брак, незарегистрированный брак, сожительство, развод, чувство одиночества, среднее число рожденных детей, разрушение семьи.

Sinelnikov A.B.

Socio-psychological and Demographic Consequences of the Replacement of Legal Marriage by Cohabitation

At all ages cohabitants are much more likely to feel loneliness than legitimate spouses. The average number of children ever born to unmarried couples by the end of the reproductive age of women (40-45 years old) is much less than the average number of children among married women of the same age and considerably below the level of simple reproduction of generations. The tendency to reduce the number of legitimate married couples and increasing numbers of unmarried couples is not a transition from traditional to modern form of family. It is a destruction of the family as a social institution.

Key words: legal marriage, unregistered marriage, cohabitation, divorce, loneliness, average number of born children, destruction of the family.

Избавляет ли сожительство от чувства одиночества?

Данные российских переписей населения свидетельствуют о постоянном росте численности мужчин и женщин, не состоящих в зарегистрированном браке и их доли во всем взрослом населении [18, с. 256-275]. Еще сильнее эта тенденция проявляется в США и Западной Европе, где поведение мужчин и женщин, которые не создают семьи ни к 30, ни к 40, ни даже к 50 годам, уже не считается в обществе девиацией. Люди, которые решили никогда не вступить в брак и (или) не иметь детей, чтобы не осложнять себе жизнь, не вызывают осуждения со стороны «продвинутой» части западного общества, в значительной степени состоящей именно из таких мужчин и женщин, которые успешно делают карьеру как раз потому, что не имеют семьи и не обременены семейными обязанностями. Правда, им иногда приходится слышать от родных и знакомых, что за личную независимость в молодости придется расплачиваться горьким одиночеством на более поздних этапах жизни. На это они отвечают, что можно ощущать себя одиноким и в семье, если супруг и дети тебя не понимают, и что не все люди, у которых нет семьи, испытывают из-за этого психологический дискомфорт. Многим из них дружеские контакты заменяют семейные и родственные связи. Вместо супружеских отношений, которые обязывают к верности и к заботе о семье, да и не всегда приносят удовлетворение, они могут часто менять сексуальных партнеров, перед которыми не имеют никаких обязательств [26, с. 5-32].

На одном из сайтов Росстата (Федеральной службы государственной статистики) опубликована база микроданных выборочного наблюдения поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения [22]. Это исследование было проведено Росстатом в сентябре 2013 г. и охватило 15875 респондентов в воз-

расте от 15 лет и старше во всех субъектах РФ. На основании этой базы данных автор этой статьи построил таблицы по сочетанию демографических характеристик респондентов (пол, возраст, состояние в браке, наличие детей) с их ответами на вопрос: «Возникает ли у Вас чувство одиночества?». Респонденты, выбравшие варианты ответа «очень часто» и «скорее возникает, чем нет», рассматривались как люди, испытывающие чувство одиночества. Затруднились ответить на этот вопрос лишь 2,3% респондентов. При составлении комбинационных таблиц они не учитывались. Данные таблиц были преобразованы в графическую форму (рис. 1-5).

Лишь немногие среди респондентов, которым еще не исполнилось 30 лет, испытывают чувство одиночества, даже если у них нет ни законных супругов, ни сожителей. Среди состоящих в законном браке мужчин лишь 8% ощущают свое одиночество, среди состоящих в неофициальном союзе – 12%, а среди тех мужчин, которые вообще не состоят ни в браке, ни в сожительстве – 16%. Среди женщин, у которых есть законные супруги, ощущают чувство одиночества – 15%, среди женщин, живущих в неофициальном союзе – 24%, а среди тех, у кого нет ни мужей, ни сожителей, – 28% (рис. 1).

В возрасте 30-39 лет среди респондентов, имеющих законных супругов, доля тех, кто испытывает чувство одиночества, примерно такая же, как до 30 лет (9% среди женатых мужчин и 15% среди замужних женщин), но у людей, которые не состоят ни в законном браке, ни в сожительстве, она достигает уже 40% у мужчин и 44% – у женщин. Среди состоящих в так называемом «гражданском» браке испытывают это чувство 19% мужчин и 27% женщин. (рис. 2). Это больше, чем у женатых (замужних), но меньше, чем у людей, которые не состоят ни в брачных, ни в сожительских союзах.

Среди состоящих в законном браке мужчин в возрастах от 40 до 49 лет ощущают чувство одиночества – 12%, среди живущих в гражданском браке – 21%, среди вообще не состоящих в браке – 47%, а среди женщин соответственно: 16%, 25% и 48% (рис. 3).

Соответствующие показатели для мужчин в возрастах от 50 до 59 лет: 14%, 31% и 47%, а для их ровесниц – 20%, 30% и 52%. (рис. 4).

Среди респондентов в возрасте 60 лет и старше показатели психологического одиноче-

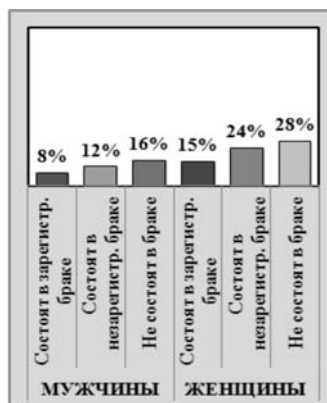

Рис. 1. Доля ощущающих одиночество среди состоящих и не состоящих в браке мужчин и женщин моложе 30 лет, в % к числу лиц данного пола, возраста и брачного статуса. Источник: рассчитано по: [22]

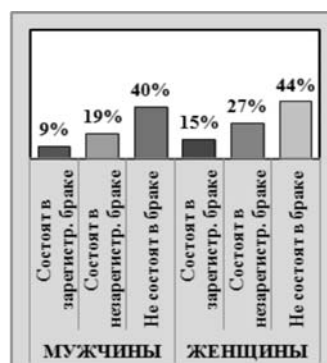

Рис. 2. Доля ощущающих одиночество среди состоящих и не состоящих в браке мужчин и женщин 30-39 лет, в % к числу лиц данного пола, возраста и брачного статуса. Источник: рассчитано по: [22]

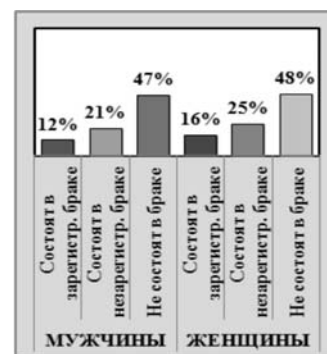

Рис. 3. Доля ощущающих одиночество среди состоящих и не состоящих в браке мужчин и женщин 40-49 лет, в % к числу лиц данного пола, возраста и брачного статуса. Источник: рассчитано по: [22]

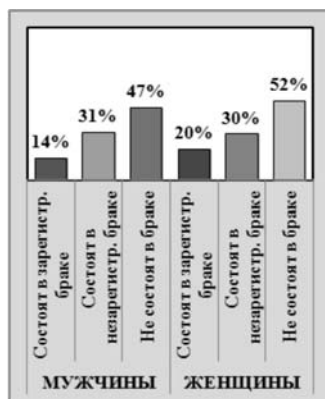

Рис. 4. Доля ощущающих одиночество среди состоящих и не состоящих в браке мужчин и женщин 50-59 лет, в % к числу лиц данного пола, возраста и брачного статуса. Источник: рассчитано по: [22]

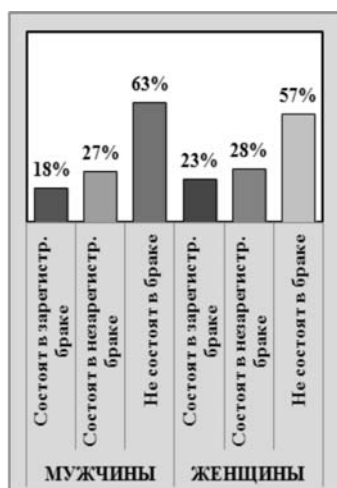

Рис. 5. Доля ощущающих одиночество среди состоящих и не состоящих в браке мужчин и женщин в возрасте 60 лет и старше, в % к числу лиц данного пола, возраста и брачного статуса. Источник: рассчитано по: [22]

ства составляют 18% у женатых мужчин и 23% у замужних женщин. Аналогичные показатели среди состоящих в «гражданском» браке равны: 27% у мужчин и 28% у женщин, а среди не состоящих ни в браке, ни в сожительстве – соответственно 63% и 57% у женщин (рис. 5).

Две трети (66%) женщин этого возраста, не имеющих ни супругов, ни детей, испытывают чувство одиночества.

Разница между состоящими и не состоящими в браке по частоте ощущения одиночества

увеличивается с годами. В возрастах до 30 лет она составляет 8% у мужчин и 13% у женщин, от 30 до 39 лет соответственно – 31% и 29%, от 40 до 49 лет – 35% и 32%, от 50 до 59 лет – 32% и 33%, после 60 лет – 45% у мужчин и 34% – у женщин. Все эти различия статистически значимы ($t > 2$).

С переходом в средние и особенно в пожилые возраста позитивные стороны независимости от супругов и других членов семьи теряют свою ценность, а одиночество все сильнее ощущается в психологическом аспекте. Разумеется, иногда это чувство появляется и у людей, у которых есть законные супруги. Но для подавляющего большинства женатых мужчин и замужних женщин это не свойственно. Тех, кто ощущает «одиночество в семье», могут удерживать от радикального решения этой проблемы путем расторжения брака привязанность к детям, еще оставшиеся (хотя и не всегда взаимные) чувства по отношению к мужу или жене, невозможность разменять жилье и отсутствие другой жилплощади, куда можно было бы переселиться [5]. Для людей, которые желают сохранить брак, сомневаясь в возможность найти более подходящего супруга, «одиночество в семье» все же лучше послеразводного безбрачия, т.е. «одиночества без семьи». В таких случаях люди стараются не только сохранить семью, но и наладить отношения с супругом. Но эта цель достижима лишь тогда, когда к ней стремятся и муж, и жена.

Разумеется, у очень многих одиноких мужчин и женщин есть родные и близкие. Но со временем их родители стареют и умирают, дети вырастают и хотят жить отдельно, а братья, сестры, друзья и подруги создают собственные семьи и не могут уделять столько внимания, сколько мужья и жены уделяют друг другу. Никто не может заменить супруга, как спутника жизни до самого ее конца. Люди, которые не создали или не сохранили свою семью, почувствуют себя одинокими, когда поймут, что для самых близких им людей они сами уже вовсе не самые близкие. Особенно это касается женатых сыновей и замужних дочерей, для которых отношения с родителями – далеко не на первом месте.

По данным опроса Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) (2005 г., 100 населенных пунктов, 44 субъектов РФ, 1500 респондентов) и

исследования фокус-групп (2004 г.) Е. Вовк определила, что «...две пятых респондентов, имеющих сожителей, не исключают, что рано или поздно вступят с ними в брак, пятая доля – уверены, что этого не произойдет, и еще две пятых – затрудняются сказать, как будут развиваться их отношения. В целом, чем старше респондент (или чем дольше продолжаются отношения), тем реже он говорит, что в случае вступления в брак отношения изменились бы, тем реже ожидает этого события и тем менее намерен вообще когда-либо регистрировать отношения» [2, с. 50].

Влияние перехода от браков к сожительствам на рождаемость

Заместитель директора института демографии Высшей школы экономики С.В. Захаров утверждает, что «золотой век господства традиционного брака в России пришел к закату» [9]. Но это, по его мнению, не влияет на уровень и динамику рождаемости. Он пишет: «Так ли уж ущербны с демографической точки зрения новые формы супружества и семейной жизни? Опыт целого ряда зарубежных развитых стран свидетельствует, что переход к многообразию типов супружеских отношений, когда привычный брак соседствует с консенсуальным союзом, может приносить не проигрыш, а выигрыш в отношении рождаемости. Сегодня в Европе более высокая общая рождаемость встречается в тех странах, где высока и доля «внебрачных» рождений (читай, высок вклад в общую рождаемость в широко распространенных незарегистрированных союзах). Не этот ли путь повышения рождаемости уготован и России» [9].

В 1970 г. было зарегистрировано 1319 тыс. браков и 397 тысяч разводов [19, с. 117], т.е. на 100 браков приходилось 30 разводов, а в 2015 г. – соответственно 1161 тыс. и 612 тыс. [7], т.е. 53 развода на 100 браков. В 1970 г. 15% браков у мужчин и 14% – у женщин были повторными, а в 2013 г., – 29% как у мужчин, так и у женщин [12, с. 54]. Это большой процент, но с 1970-х годов по настоящее время число повторных браков (даже включая браки вдов и вдовцов) всегда было примерно вдвое меньше числа разводов.

С.В. Захаров и другие авторы, полагающие, что распад браков и смена партнеров могут спо-

собствовать повышению рождаемости, подменяют сам термин «брак» термином «партнерский союз», применимым к любой более или менее продолжительной сексуальной связи, не только без регистрации в ЗАГСе, но даже и без таких атрибутов семьи, как проживание в одном доме или квартире, ведение общего хозяйства и совместное воспитание детей. Анализируя данные социально-демографического обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ), проведенного в России в рамках международной программы «Поколения и гендер», Захаров утверждает, что: «...несмотря на все изменения, средняя длительность пребывания в браке для женщин активного репродуктивного возраста в России повышалась» [8, с. 45]. Данные РидМиЖ показали, «что на рубеже XX и XXI веков... повторные союзы обеспечили более 16% всех рождений, почти 10% первых, более 23% вторых и более 35% третьих и последующих рождений, состоявшихся в союзах с совместным проживанием обоих родителей» [8, с. 45]. «Партнером в обследовании считался человек, с которым респондента связывают устойчивые интимные отношения, предполагающие и наличие сексуальной близости. ...Для текущего партнерства допускалось раздельное проживание партнеров, о чем спрашивалось специально, а в вопросах, касающихся прошлых партнерских союзов, сведения фиксировались только о тех партнерах, с которыми респондент проживал на одной жилплощади не менее трех месяцев подряд» [10].

Разумеется, если признать «повторным партнерским союзом» появление у женщины, которая никогда не состояла в зарегистрированном браке, нового сексуального партнера, с которым она даже и не живет вместе, а только более или менее регулярно встречается, то процент «компенсации» распада прежних партнерских союзов новыми будет намного выше, чем по данным ЗАГСов о зарегистрированных браках и разводах. По данным РидМиЖ среди одиноких матерей «25,2% имеют устойчивые отношения с партнером, проживающим отдельно» [25, с. 79].

С точки зрения С.В. Захарова, «влияние именно этого фактора на уровень рождаемости в стране не могло быть отрицательным. Наоборот, оно должно было быть положительным... Современная ситуация также пока особого бес-

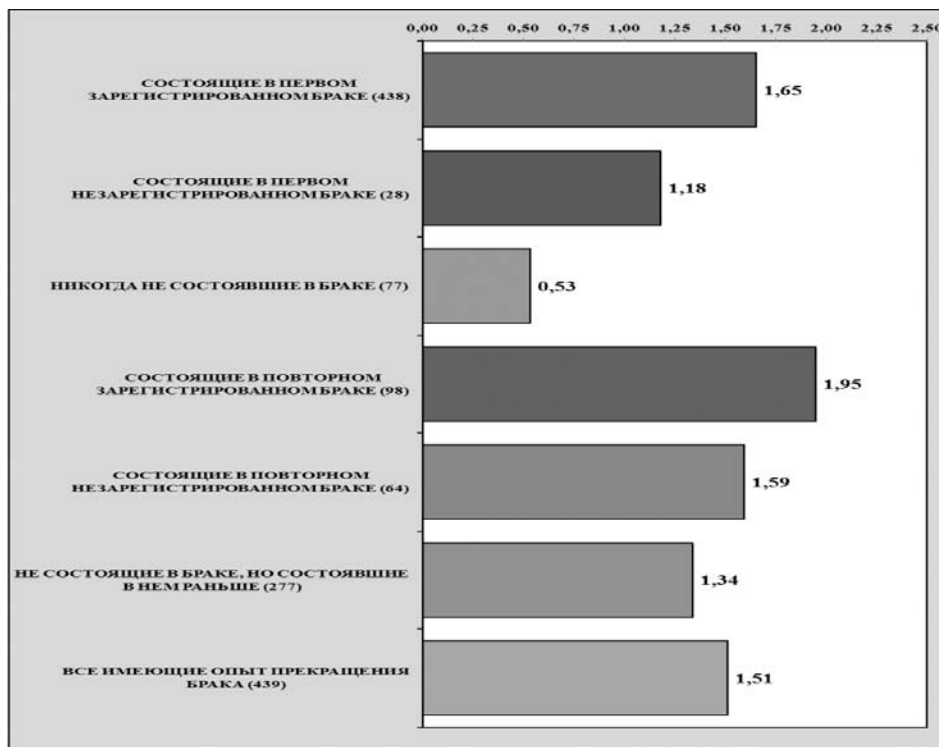

Рис. 6. Среднее число рожденных детей на одну женщину от 40 до 45 лет, в зависимости от наличия или отсутствия опыта заключения и прекращения брака и его регистрации. Источник: рассчитано по: [23]. Примечание: в скобках указано число респондентов в каждой группе.

покойства не вызывает. Средняя продолжительность пребывания в супружеском союзе/союзах для современной россиянки высока, как никогда прежде, а компенсирующая роль повторных союзов вполне соответствует растущему риску прекращения первых союзов» [13, с. 115].

Этот тезис можно пояснить на весьма типичных примерах из современной жизни. Женщина когда-то жила вместе с кем-то, не регистрируя брак и не рожая детей потому, что он (или) она сомневались в прочности отношений, и не считали их настоящим супружеством. Со временем они расстались, а она вышла замуж за другого человека, и родила первого ребенка в первом браке. По мнению С.В. Захарова, это рождение имело место в повторном партнерском союзе. Если же она родила вне брака от нового сожителя, то это тоже считается рождением в повторном союзе. Если она развелась с мужем, после чего родила ребенка от мужчины, который так и не женился на ней, это тоже

будет признано вкладом повторных союзов в рождаемость. В таких повторных союзах рождается намного больше детей, чем в законных повторных браках.

В 2014 г. 23% всех детей в России родилось вне брака. Половина из них зарегистрированы в ЗАГСах по заявлениям обоих родителей [4, с. 68]. В большинстве таких случаев родители ребенка живут вместе, но не регистрируют брак. Отказы узаконить отношения часто связаны с сомнениями в их прочности и даже с намерениями мужчин (а иногда и женщин) найти для себя со временем более подходящего спутника жизни [14, с. 156, 162]. Но это же может привести и к отказу от рождения детей. Дети не дают никакой гарантии прочности семьи, но в случае ее распада создают гораздо больше проблем для своих матерей (да и для отцов), чем сам по себе развод супругов (и тем, более, разрыв сожителей), у которых нет общего ребенка. Можно предположить, что среднее число детей в

расчете на один неофициальный союз меньше, чем на один законный брак.

Для проверки этого предположения были проведены расчеты на основе базы микроданных выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в сентябре-октябре 2012 г. в 30 субъектах Российской Федерации. Всего опрошено 10054 респондентов, в том числе 4910 мужчин от 18 до 60 лет и 5144 женщины от 18 до 45 лет. База микроданных опубликована на одном из официальных сайтов Росстата (Федеральной службы государственной статистики), для того, чтобы все желающие могли строить на ее основе таблицы и графики в режиме онлайн [23].

Среднее итоговое число детей на одну женщину к концу репродуктивного возраста (40-45 лет), составляет: у состоящих в законном первом браке – 1,65; у состоящих в неофициальном первом браке – 1,18; у никогда не состоявших в браке – 0,53 (рис. 6), т.е. примерно у половины из них есть ребенок.

Среднее число детей у женщин, состоящих в законном повторном браке – 1,95, у состоящих в неофициальном повторном браке – 1,59, а у женщин, которые состояли в браке в прошлом, но не на момент опроса – 1,34. Женщины, состоящие в неофициальном повторном браке, тоже занимают среднее положение между теми, у кого этот брак зарегистрирован и теми, которые после распада брака остались одни с детьми или без них (рис. 6).

Среднее число рожденных детей в расчете на одну женщину, состоящую в законном повторном браке, больше, чем на состоящую в законном первом браке (1,95 против 1,65). Та же ситуация имеет место у состоящих в незарегистрированном браке (показатель равен 1,59 повторных браков и 1,18 – для первых). Но у тех, кто состоит в неофициальном повторном браке, в среднем, меньше детей, чем в законном первом браке (1,59 против 1,65).

Среднее число детей у всех женщин, имеющих опыт прекращения первого брака (как состоящих, так и не состоящих в новом браке), равно 1,51, т.е. заметно меньше, чем у состоящих в непрерывном законном первом браке до выхода из репродуктивного возраста – 1,65. Несмотря на относительно большое среднее число детей у женщин, состоящих в законном повторном браке, распад первых браков снижает уровень рождаемости.

Демографам известно, что для простого замещения поколений среднее число детей в расчете на одну замужнюю женщину (включая бездетных) должно составлять не менее, чем 2,25, а на супружескую пару, способную иметь детей – не менее, чем 2,5. Это заметно больше даже чем у женщин, состоящих в законном повторном браке.

Разводы и повторные браки могли бы способствовать некоторому повышению рождаемости. Но ее уровень был бы заметно ниже черты простого замещения поколений, даже при условии, что все разведенные женщины вновь вступят в брак. Но приведенные выше данные показывают, что большинство из них не может или не хочет создать новую полную семью, либо эта семья тоже распадается. По расчетам С.В. Захарова, основанным на данных РИДМИЖ, вероятность распада в течение первых десяти лет совместной жизни для первых и повторных брачно-партнерских союзов, начавшихся в 1990-х годах, практически одинакова [12, с. 76-77].

Из 982 опрошенных женщин в возрасте от 40 до 45 лет, 905 (92%) когда-либо состояли в браке. У 439 женщин, т.е. примерно у половины (49%) среди тех, которые в свое время вступили в первый брак, этот брачный союз по тем или иным причинам прекратился. Среди них лишь 162 женщины (37%) на момент опроса состояли в повторном браке, в том числе у 98 женщин (22%) он был зарегистрирован. 277 женщин, т.е. почти две трети (63%) среди имеющих опыт прекращения первого брака на момент опроса не имели ни законных, ни «гражданских» супругов.

Среди всех женщин от 18 до 45 лет ситуация примерно такая же. Из 1479 женщин, имеющих опыт завершения первого брака, на момент опроса только 40% состояли в повторном браке и лишь у 23% он был зарегистрирован (рис. 7). У женщин, имеющих детей, шансов на новое замужество, по-видимому, меньше, чем у бездетных.

Среди 1080 мужчин в возрасте от 18 до 60 лет, чей первый брак в прошлом прекратился, на момент опроса лишь немногим более половины (55%) состояли в повторном браке и только у трети респондентов (32%) этот новый брак был зарегистрирован. Почти половина (45%) мужчин не смогли (или не захотели) создать новую семью, либо она тоже распалась (рис. 7).

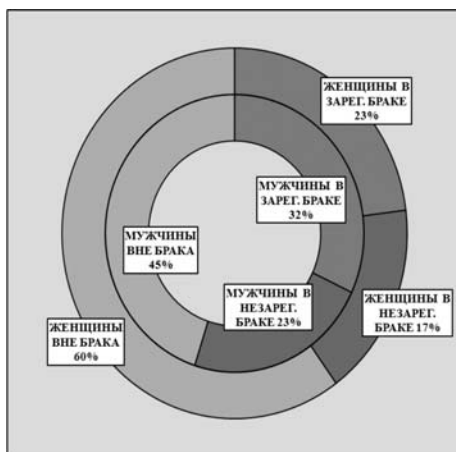

Рис. 7. Распределение женщин от 18 до 45 лет и мужчин от 18 до 60 лет, имеющих опыт прекращения первого брака, по брачному статусу на момент опроса. Источник: рассчитано по: [23]

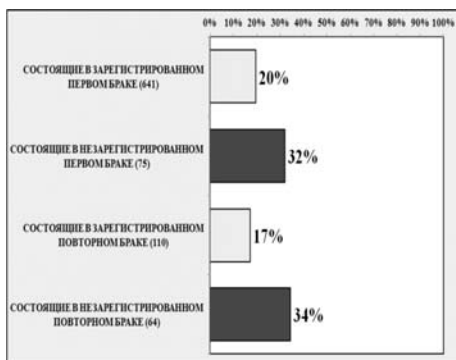

Рис. 8. Доля женщин, для которых сложности во взаимоотношениях в семье мешают или очень мешают рождению желаемого ими числа детей (в % к числу тех, у кого ожидаемое число детей меньше желаемого). Источник: рассчитано по: [23]. Примечание: в скобках указано число респондентов в каждой группе.

Формулировки вопросов в анкете не позволяют определить численность вдовых, разведенных и разошедшихся. Но по данным переписи 2010 г. можно рассчитать, что доля вдовых в общей численности лиц этих трех брачных статусов – 12% у мужчин 18-59 лет и 13% у женщин 18-44 лет [Рассчитано по: 16, Т. 2, с. 294-295]. Роль вдовства как причины прекращения браков в репродуктивном возрасте по сравнению с разводами и разрывом отношений без формального развода относительно невелика.

Среди всех женщин, состоящих в законном первом браке и собирающихся (т.е. ожидающих) иметь меньше детей, чем они сами желали бы, 20% вынуждены отказаться от рождения желаемого числа детей из-за сложностей во взаимоотношениях в семье (т.е. с мужьями или другими членами семьи), если брак зарегистрирован, и 32%, если он не зарегистрирован, т.е. на 12% больше. Аналогичные показатели для состоящих в повторном браке – 17% и 34% (рис. 8). Разница между ними составляет 17%, т.е. является двукратной. Различия между законными и неофициальными браками статистически значимы ($t > 2$).

Молодые пары живут вместе, но до тех пор, пока они не убедились в прочности своих отношений, откладывают как регистрацию брака, так и рождение первого ребенка. Если беременность все же наступает, это может стать стимулом к регистрации брака. Но даже и в случае появления на свет общего ребенка регистрацию брака считают обязательной менее половины как среди состоящих в «гражданском браке» женщин (45%), так и среди их сожителей (тоже 45%). Еще 20% женщин и 14% мужчин считают, что при таких обстоятельствах регистрация брака желательна, но все же не обязательна. 21% женщин и 26% мужчин не желают регистрировать брак, даже если у них родится ребенок. Остальные 14% женщин и 16% мужчин затруднились ответить на этот, видимо, весьма не простой для них вопрос (рис. 9).

Сожительство как промежуточная форма между одиночеством и законным браком

Многие люди вступают в брак для того, чтобы не быть одинокими, иметь семью и детей. Однако сожительство гораздо меньше избавляет от чувства одиночества, чем законное супружество. Среднее число детей у сожительствующих пар также намного меньше, чем у законных супругов.

Лица, состоящие в так называемом «гражданском браке», занимают промежуточное положение между теми, кто вообще не состоит в каком-либо «партнерском союзе», и теми, кто состоит в законном браке. Если же хотя бы один из партнеров против оформления брака, то пребывание в «незарегистрированном браке» – это особый брачный статус, который является промежуточным, но уже не переходным этапом

между пребыванием вне брака и в законным браке. Отказ от регистрации, как правило, связан с проблемами в отношениях и недоверием между партнерами.

Даже С. В. Захаров признает: «Зарегистрированные браки в России, как и в других странах, характеризуются в два раза более низкой вероятностью прекращения союза по сравнению с неформальными (незарегистрированными) союзами» [11, с. 71]. Многие женщины, состоящие в неофициальном браке, признают и то, что сложности во взаимоотношениях в семье мешают им родить то число детей, которое они желали бы иметь.

С точки зрения государства, сожителство, называемое в народе «гражданским браком», не порождает никаких прав и обязанностей, которые имеют законные супруги, кроме обязанности отцов материально обеспечивать детей, рожденных вне брака. Однако отец должен платить алименты и на ребенка, рожденного от случайной связи, когда никакого сожителства не было, но сам факт биологического отцовства установлен по решению суда. Значит ли это, что даже однократный сексуальный контакт можно во всех отношениях приравнять к законному браку?

Официальная статистика учитывает сожителства только при переписи населения, когда людей, указавших, что они состоят в браке, спрашивают о том, зарегистрирован ли их брак. По данным переписи 2002 г. 10% мужчин и женщин, считающих, что они состоят в браке, указали, что этот брак не зарегистрирован, а по данным переписи 2010 г. — 13% [Рассчитано по: 15, т. 2, табл. 3; 16, т. 2, табл. 5.], причем в молодых возрастах — значительно больше. Но по данным переписи трудно определить, когда были заключены эти браки.

Известный советский демограф Леонид Дарский писал, что «заключение брака часто представляет собой «процесс, растянутый во времени» [3, с. 47]. То есть пара какое-то время живет вместе, а потом или регистрирует свои отношения в ЗАГСе, или вообще никогда их не регистрирует. В последнем случае государственная статистика может зафиксировать при переписи, сколько таких пар существует, но не может установить ни точную дату, с которой начинается существование «гражданского брака», ни точную дату его распада, поскольку ни то, ни

Рис. 9. Намерения женщин и мужчин, состоящих в незарегистрированном браке, зарегистрировать его при определенных обстоятельствах (в % к численности групп). Источник: график построен по: [1, табл. 9 и 10].

другое не учитывается ЗАГСа. По данным ЗАГСов невозможно установить, сколько так называемых «гражданских браков» было заключено в том или ином году. Такая статистика относится только к официально зарегистрированным бракам.

Необходимость стимулирования регистрации браков мерами семейно-демографической политики

Демографическая политика включает в себя как меры, направленные на снижение смертности и регулирование внешней и внутренней миграции, а также меры семейно-демографической политики, которые теоретически должны быть направлены на повышение рождаемости, увеличение числа браков и снижение числа разводов, но на практике влияют только на число родившихся. Эффективность воздействия семейно-демографической политики на рождаемость изучается многими специалистами, но ее влияние на брачность (да и на разводимость) анализируется гораздо реже. Это может объясняться недооценкой влияния брачности и разводимости на рождаемость. Широкое распространение сожителств, то есть, так называемых «гражданских» браков, а также большой процент детей, родившихся вне брака, создают впечатление, что в современных условиях связь между зарегистрированной брачностью и рождаемос-

Рис. 10. Общие коэффициенты брачности и рождаемости (в расчете на 1000 населения) в РФ с 1990/1991 г. по 2014/2015 гг. Источник: Рассчитано по: [7; 4, с. 37, 50]. Примечание: Данные за 2015 г. – предварительные. Указание годов на горизонтальной оси как 1990/91 и т.д. означает, что данные о брачности приведены за 1990 г., а о рождаемости – за 1991 г. То же относится к данным за все последующие годы.

тью относительно слаба. Так ли это?

Коэффициент корреляции между динамикой общих коэффициентов брачности за 1990-2014 гг. и общих коэффициентов рождаемости (на 1000 населения) за 1991-2015 гг. равен 0,90. И это, несмотря на обстоятельства, которые могли бы существенно ослабить данную связь:

1) Около четверти детей рождаются вне зарегистрированного брака;

2) Почти треть браков – повторные. Во многих из них браках супруги вообще никогда не имеют общих детей;

3) Около половины новорожденных (в 2013-2014 г., благодаря демографической политике, уже более половины) – это вторые и последующие дети. Как правило, они не появляются на свет через год после регистрации брака, если брак – первый, и мать не рожала до его регистрации;

4) Многие семьи откладывают рождение первенцев;

5) Многие дети рождаются в семьях мигрантов, которые вступили в брак не в данном регионе.

За период с 1990/1991 по 2013/2014 гг. показатели корреляции между общими коэффициентами брачности и рождаемости ниже, чем 0,5

были отмечены лишь в двух субъектах РФ.

В Москве значительная часть детей рождается у недавних мигрантов, включая и те семьи, где ни отец, ни мать не имеют московской регистрации и даже российского гражданства. Их браки были зарегистрированы по прежнему месту жительства, а свидетельства о рождении детей они получают уже в московских ЗАГСх. К тому же в Москве многие супруги откладывают рождение первого ребенка на несколько лет. Поэтому в столице связь между брачностью и рождаемостью прослеживается относительно слабо.

В Республике Ингушетия связь между брачностью и рождаемостью относительно слабая из-за высокого уровня рождаемости и, соответственно, большого процента повторных рождений. Ежегодные колебания в числе браков отражаются только на числе первых рождений, на долю которых приходится лишь четверть от общего числа новорожденных. Но в подавляющем большинстве регионов России между динамикой общих коэффициентов брачности и рождаемости существует тесная корреляционная зависимость.

Сомнительно, что прирост числа браков был как-то связан с активизацией семейно-демографической политики после 2006 г. Основные меры этой политики (прежде всего, закон о материнском капитале) были направлены на стимулирование вторых и следующих рождений в уже давно существующих семьях, а не на содействие созданию новых семей.

Правда, общие коэффициенты – грубые показатели, зависящие от возрастной структуры населения. Однако сравнение динамики суммарных коэффициентов брачности за 1990-2014 гг. (среднее число браков на одну женщину за всю жизнь) и, соответственно, суммарных коэффициентов рождаемости за 1991-2015 гг. (среднее число рождений на одну женщину за всю жизнь) показывает почти ту же самую картину, что и сравнение динамики общих коэффициентов (рис. 11). Этот коэффициент корреляции тоже оказался очень высоким (0,86) и мало отличается от коэффициента корреляции между общими коэффициентами брачности и рождаемости за тот же период (0,90).

До распада СССР рождаемость снижалась только за счет повторных рождений. Однако в 1990-ых годах имело место снижение рождаемости детей всех очередностей, начиная с первых. Число браков и общие коэффициенты брачности также заметно сократились. Распространились «гражданские браки», т.е. сожительства до (или вместо) вступления в законный брак.

Однако, по данным переписи 2010 г., лишь 47,5% мужчин и 54,6% женщин от 18 до 39 лет состоят в браке, и лишь у 38,5% мужчин и 44,6% женщин этот брак зарегистрирован (рис. 12). 17,3% среди состоящих в браке женщин этого возраста никогда не рожали детей (рис. 13). Все эти показатели ухудшились по сравнению с данными предыдущей переписи 2002 г.

Одной из причин неполного успеха семейно-демографической политики в России, в результате которой суммарный коэффициент рождаемости за 2006-2015 гг. повысился с 1,3 до 1,8 (предварительная оценка за 2015 г. основана на тех же данных, что и рис. 11), но при этом остался значительно ниже черты простого замещения поколений (2,1 ребенка в среднем на одну женщину) является ориентация этой политики главным образом на стимулирование рождения вторых и последующих детей у супружеских пар, имеющих, как минимум, одного ребенка. Только они имеют право на материнский капитал.

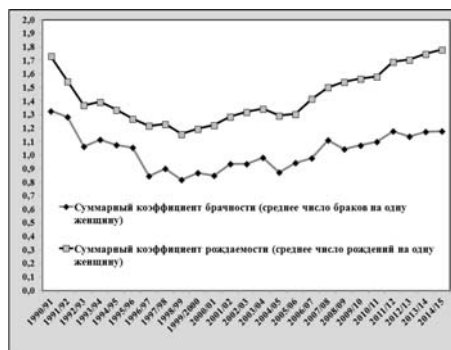

Рис. 11. Суммарный коэффициент рождаемости (в расчете на одну женщину) в РФ с 1990/1991 гг. по 2014/2015 гг. Источник: Рассчитано по: [7; 4, с. 28-29, 45, 52-53; 24, с. 12-15]. Примечание: см. рис. 10.

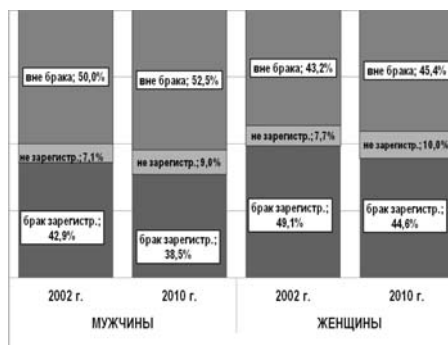

Рис. 12. Распределение (в %) мужчин и женщин в возрасте от 18 до 39 лет по состоянию в браке (по данным переписей 2002 и 2010 гг.). Источник: Рассчитано по [15, т. 2., табл.3; 16, т. 2, табл. 5]

Большинство населения в активных репродуктивных возрастах находится вне сферы действия основных мер семейно-демографической политики. Она должна быть ориентирована также на стимулирование вступления в зарегистрированный брак, рождения первенцев и профилактику разводов.

Шкала налогообложения должна быть прогрессивной, но в ее основу следует положить не индивидуальный заработок, а доход в расчете на одного члена домохозяйства, которое может состоять как из семьи, так и из одного лица.

Семья с мужем – единственным кормильцем, женой-домохозяйкой и несколькими детьми будут платить существенно меньше налогов, чем одинокие люди и бездетные супруги, имеющие такой же общий доход на все домохозяй-

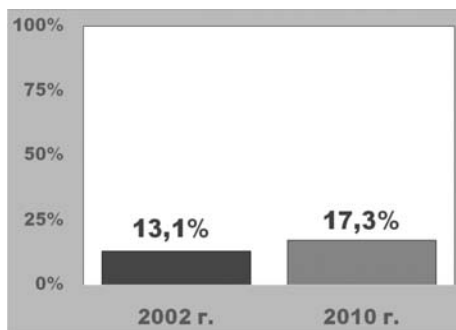

Рис. 13. Доля женщин, не родивших ни одного ребенка, по данным переписей 2002 и 2010 гг., в % к числу состоящих в браке женщин от 18 до 39 лет. Источник: Рассчитано по [15, т. 12, табл. 2; 16, т. 10, табл. 3]

ство, но более высокий доход в расчете на одного человека.

Сожители же не являются супругами и каждый из них должен рассматриваться, как налогоплательщик, не имеющий семьи, если с ним не проживают его дети, рожденные от предыдущих браков или вне брака.

Предложения ввести нечто подобное в нашей стране уже выдвигались, но были ориентированы только на снижение социального неравенства [17, с. 64-76]. Однако прогрессивное налогообложение среднедушевых доходов может иметь также и демографический эффект — оно станет стимулом к вступлению в зарегистрированный брак и рождению детей, в первую очередь, для одиноких людей с высокими доходами, которые будут платить гораздо меньше налогов после создания семьи. Те же из них, которые так и не женятся, или женятся, но не будут иметь детей, заплатят очень высокие налоги. Эти средства можно использовать для помощи многодетным семьям.

Холостяки и бездетные должны платить более высокие налоги, чем семейные люди, просто потому, что не имеют иждивенцев. Если считать, что это несправедливо и нарушает права человека, то несправедливым следует признать и сам принцип прогрессивного налогообложения, признанный почти во всем мире, а до 2000 года — и в нашей стране.

При анализе материалов переписей и выборочных социологических обследований все данные по мужчинам и женщинам, состоящим в зарегистрированном и т.н. «незарегистрированном» браке, следует рассматривать отдельно.

Объединение их в один брачный статус: «состоящие в партнерских союзах» приводит к неправильным выводам, как о высокой степени компенсации распада семей новыми браками, так и о позитивном влиянии на рождаемость изменений в составе населения по брачному статусу.

При современных российских законах брак может быть расторгнут по произвольному требованию одного из супругов без вины и без согласия другого. Но решение послеразводных вопросов, как в отношении детей, так и в аспекте раздела жилья и прочего имущества, связано с большими трудностями. Среди женатых мужчин и замужних женщин от этого никто не застрахован. Поэтому многие люди, особенно если они пережили развод, не желают регистрации брака. Однако замена законных браков сожительств, при которых партнеры не доверяют друг другу и поэтому не хотят регистрироваться в ЗАГСе, а разрыв отношений не создает проблем (если нет общих детей), означает не модернизацию семьи, а ее разрушение как социального института.

Традиционный тип семьи, состоящей из законных супругов с несколькими детьми, уже перестал численно преобладать и постепенно уступает место неполным семьям, а также неженатым и (или) бездетным парам. Если согласиться с популярным мнением об «устарелости» и отмирании законного брака, которое разделяют некоторые социологи и демографы, то придется признать, что весь род людской обречен на вымирание. Только семьи традиционного типа могут обеспечить нормальное замещение поколений, т.е. выживание человечества. Подавляющее большинство неполных семей имеют лишь одного ребенка, а в незарегистрированных браках (как первых, так и повторных) среднее итоговое число детей на одну женщину заметно меньше, чем в законных браках той же очередности.

Меры семейно-демографической политики должны быть направлены не только на стимулирование рождения вторых и последующих детей в уже существующих семьях (которые получают право на материнский капитал лишь после появления у них второго ребенка), но и на создание новых семей, т.е. на поощрение регистрации браков, на стимулирование рождения первенцев а также на профилактику разводов.

И в научной, и в популярной литературе, и в средствах массовой информации желательно заменять термин «зарегистрированный брак» термином «законный брак». Многие люди считают, что брак может быть незарегистрированным. Но даже им трудно утверждать, что брак может быть незаконным. Для законного брака регистрация необходима. Совместная жизнь без регистрации – это сожитительство. Все следует называть своими именами.

Многие меры демографической политики предназначены не для семьи в целом, а только для матери с детьми. Государство рассматривает каждую семью, которой оно помогает, как неполную семью, даже если в ней есть муж и отец. Неполная семья как бы превращается в норму, что не соответствует основополагающим принципам демографической политики и может даже снижать ее эффективность.

Материнский капитал, который официально считается «материнским (семейным) капиталом», но это полное название никто не употребляет, давно следует переименовать в «семейный капитал» [6]. В настоящее время распоряжаться этим капиталом имеет право только мать, что понижает авторитет мужчин в обществе, мужей в глазах жен и отцов – в глазах детей. Все списания средств с этого капитала на те, или иные цели, предусмотренные законом, должны производиться по совместному заявлению обоих родителей ребенка, если этот ребенок рожден в зарегистрированном браке, родители не разведены, а отец не лишен родительских прав [20, с. 143].

Список же целей, на которые можно расходовать этот капитал (сейчас это только улучшение жилищных условий, оплата образования детей или увеличение будущей пенсии матери) необходимо существенно расширить или даже вовсе упразднить. Семья сама знает, на что ей надо тратить деньги. Разумеется, следует лишать права распоряжаться капиталом родителей, ведущих асоциальный образ жизни, алкоголиков, наркоманов, подобно тому, как их лишают родительских прав вообще. В таких случаях это право может быть передано опекунам и попечителям (обычно это деды и бабушки), или сам капитал должен быть сохранен в неприкосновенности до того момента, когда дети станут взрослыми и сами смогут им распоряжаться.

Нельзя подозревать всех родителей, т.е. подавляющее большинство взрослых граждан

нашей страны, что они непременно пропьют капитал, а о детях заботиться не будут. Подобная «презумпция виновности родителей», – это краеугольный камень системы ювенальной юстиции, которую настойчиво пытаются импортировать в Россию с Запада [21].

Этот вопрос следует решать на федеральном уровне через поправки и дополнения к закону о материнском (семейном) капитале. Но, пока этого не произошло, можно сделать такие поправки и на региональном уровне. Во многих субъектах Российской Федерации семьям, которые, согласно федеральному законодательству уже получили материнский капитал после рождения второго ребенка (он предоставляется только один раз, что может быть обосновано только ограниченностью экономических ресурсов государства, но не демографическими соображениями) после рождения третьего ребенка выделяется из регионального бюджета дополнительный материнский капитал. По крайней мере, этот вид капитала следует переименовать в семейный (или родительский) капитал и предоставить отцу и матери ребенка равное право распоряжаться им.

Это будет стимулировать вступление в зарегистрированный брак и способствовать укреплению семьи, как основы общества, и может обеспечить естественный прирост, или, по меньшей мере, стабилизацию численности населения страны в долговременной перспективе.

Литература

1 Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 году. (Опубликовано 24.01.2013). – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/orp.doc, (дата обращения: 01.02.2015).

2 Вовк Е. Практика сожительств в России: распространенность, смыслы, интерпретации // Социальная реальность. № 4. 2006. С. 46-60. [Электронное издание] Режим доступа: <http://corp.fom.ru/socreal/authors> (дата обращения: 01.02.2016).

3 Дарский Л.Е. Формирование семьи. Демографо-статистическое исследование. М.: Статистика, 1972.

4 Демографический ежегодник России. 2015: Стат. сборник. М.: Росстат, 2015.

5 Дети, чувства или квартира: ради чего стоит сохранить неудачный брак? // Пресс-выпуск Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) № 1362 от 13.11.2009.

- 6 Елизаров В. Закон о материнском (семейном) капитале: сможет ли он обеспечить семьям с детьми достойную жизнь? Демоскоп Weekly. № 277 – 278. 19 февраля - 4 марта 2007. Электронная версия бюллетеня Население и общество. Институт демографии Государственного университета - Высшей школы экономики. (Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2007/277/tema02.php> (дата обращения: 28.02.2015).
- 7 Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации (обновлено 29.01.2016) Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/2015/demo/edn12-15.htm (дата обращения: 02.02.2016).
- 8 Захаров С.В. Глава 2. Рост рождаемости: начало пути и дальние горизонты // Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 год. Россия перед лицом демографических вызовов. Под общей редакцией А.Г. Вишневого и С.Н. Бобылева. М., 2009. С. 28-54.
- 9 Захаров С.В. Длительность супружеской жизни женщин репродуктивного возраста // Демоскоп Weekly. № 289 - 290. 2007. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0289/tema04.php> (дата обращения: 01.02.2016).
- 10 Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России. Статья первая. Расширяющиеся границы брака // Демоскоп Weekly. № 237-238. 2006. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php>. (дата обращения: 01.02.2016).
- 11 Захаров С.В. Раздел 2. Браки и разводы // Население России 2008. Шестнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневецкий – М., 2010. С. 53-76.
- 12 Захаров С.В. Раздел 2. Брачность и брачное состояние // Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С.52-80.
- 13 Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Сиянской. М., 2007. – С. 75-126.
- 14 Исупова О. Российские консенсуальные союзы начала XXI века (по данным международного сравнительного исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2 (126) 2015. С. 153-164.
- 15 Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. В 14 томах. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004.
- 16 Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 томах. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012-2013.
- 17 Модернизация подоходного налога и снижение социального неравенства / Шевяков А.Ю., Чув А.В., Абрамов М.Д., Кирута А.Я., Сопцов В.В., Жаромский В.С. / Автономная некоммерческая организация (АНО) «Экспертно-аналитический Центр по модернизации и технологическому развитию экономики» (ЭАЦ «Модернизация»). Труды, вып. 3 / – М., 2011.
- 18 Население России 2010–2011: восемнадцатый – девятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневецкий. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.
- 19 Население СССР. 1988. Статистический ежегодник. М., 1989.
- 20 Синельников А. Б. Супружество, отцовство и материнство в российском обществе // Социологический журнал. 2015. № 4. С. 132-148.
- 21 Сулакшин С.С., Деева М.В., Бачурина Д.В., Бобров Е.В., Куропаткина О.В., Нетесова М.С., Репин И.В. Проблема инокультурной ювенальной юстиции в современной России. М.: Научный эксперт, 2012.
- 22 Федеральная служба государственной статистики / Построить таблицу.../Выбрать тему/ Выборочное наблюдение поведенческих факторов Режим доступа: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml>, (дата обращения: 24.01.2016).
- 23 Федеральная служба государственной статистики / Построить таблицу.../Выбрать тему / Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения за 2012 год. Режим доступа: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (дата обращения: 24.01.2016).
- 24 Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2015 года (Стат. бюллетень). М.: Росстат, 2016. (См. также более ранние соответствующие публикации Росстата с данными за 1990-2014 гг.).
- 25 Чурилова Е.В. Состав и благосостояние неполных семей в России // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 78-81.
- 26 Klinenberg Eric. Going Solo. The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone. N.Y., 2012.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Доверие как фактор эффективного функционирования системы здравоохранения

Лядова А.В., Восканян Э.В., Лядова М.В.

В статье исследуется проблема формирования доверия как фактора эффективного функционирования системы здравоохранения. Авторы рассматривают типы доверия и факторы, влияющие на их формирование. Особое внимание в статье уделено проблеме межличностного доверия как ключевого фактора, влияющего на эффективность взаимодействия в системе «врач-пациент».

Ключевые слова: доверие, медицина, здравоохранение, врач, пациент, социологический опрос.

Voskanyan E.V., Liadova A.V., Liadova M.V.

The trust as a factor of effective functioning of health care system

The article considers the problem of trust formation as a factor of the efficient functioning of the health care system in Russia. The authors analyze the trust's types and factors which influence on its formation. Special attention is paid to the problem of inter-personal type of trust as a key factor of effective interaction between doctor and patient.

Key words: health care system, doctor, patient, trust, sociological research.

“Состояние духа больного, его доверие или недоверие врачу ... глубоко определяют исход болезни”

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)

Трансформационные процессы, происходящие в российском обществе в последние годы, затронули все сферы и институты его жизнедеятельности, в том числе, и систему здравоохранения. Неоднозначный характер последствий предпринятых изменений, самих преобразований института медицины в нашей стране стали предметом широких дискуссий в научно-экспертном сообществе, средствах массовой информации. Так, по данным компании «Медиаалогия», профессия «врач» стала самой обсуждаемой в средствах массовой информации в 2015 году [16]. В научной литературе представлено значительное число работ, посвященных вопросам анализа качества оказания медицинской помощи, необходимости разработки соответствующих критериев, подходов к преодолению негативных тенденций в развитии российской системы здравоохранения [10, 19]. Наряду с указанными вопросами особый интерес среди исследователей вызывают проблемы отношения общества в меняющихся социально-экономических условиях к институту здравоохранения, в целом, и межличностного взаимодействия в системе «врач-пациент», в частности. Актуальность данной темы заключается в том, что, не-

смотря на предпринимаемые реформы в системе организации оказания медицинской помощи, внедрение современных технологий для диагностики, лечения, профилактики различных заболеваний, уровень удовлетворенности среди населения качеством оказываемых медицинских услуг не выходит за рамки негативных оценок.

В 2015 году Национальным исследовательским университетом Высшей Школой Экономики были опубликованы результаты социологических опросов, проведенных совместно с Левада-Центром в 2013 и 2014 годах среди населения России по вопросам оценки качества и доступности медицинской помощи [7, 7-8]. Как показали итоги исследования, российской системе здравоохранения не доверяет более половины населения страны; 58% уверены, что профессиональный уровень врачей не соответствует предъявляемым требованиям [7, 51].

В ходе социологического опроса, проведенного на территории Архангельской области, были получены аналогичные результаты. Как отмечают авторы исследования О. А. Цыганова и С. В. Шульгина, "... в целом, не доверяют своему врачу 64,3% респондентов (частично доверяют 43,7% и не доверяют полностью 20,6%)" [20]. Также в ходе опроса пациентов о взаимодействии с лечащим врачом авторами было проведено исследование степени информированности о заболевании и ходе лечения. Только треть (33,2%) респондентов высоко оценили количество полученной от врача информации о заболевании и состоянии своего здоровья. Каждый четвертый (23,6%), не получает никакой информации о своем заболевании и состоянии, и менее половины (43,2%) получают её частично. Большинство опрошенных подчеркивает, что им или никогда не объясняют результаты исследований (28,1%), или объясняют частично (43,2%) [20].

Как показали итоги социологического опроса, проведенного в 2013 году среди пациентов одного из крупных лечебных учреждений города Москвы, 86% респондентов в возрасте от 30 лет отметили снижение общей культуры обслуживания в стационарах, включая работу всех звеньев медицинского персонала [8, 118]. Как следствие, возросло число конфликтных ситуаций, среди причин возникновения которых длительное ожидание приема (52%), от-

сутствие ожидаемых результатов после лечения (26%), грубое и невнимательное отношение со стороны врача (22%) [8, 119].

По данным опроса, проведенного ВЦИОМ летом 2015 года, состояние отечественной системы здравоохранения беспокоит две трети населения страны [17]. Среди наиболее актуальных проблем граждане назвали низкое качество медицинских услуг, недостаточный уровень профессиональной подготовки врачей. Более трети населения (38%) не обращается в поликлинику в случае болезни, объясняя свое нежелание плохой организацией работы медицинских учреждений (большие очереди – 16%, невозможностью записаться на прием – 8%) и недоверием к медперсоналу (некомпетентность – 10%, равнодушие – 6%, грубость – 5%).

Таким образом, по данным результатов проведенных социологических опросов очевидно, что в динамике отношения россиян к отечественной системе здравоохранения хотя и наблюдается усиление позитивной оценки, тем не менее, процент негативного отношения по-прежнему остается актуальным.

Одна из главных причин этого – в нарастающей неустойчивости в доверительном отношении пациентов как к институту медицины, так и к тем, кто оказывает медицинские услуги. Формирование недоверия среди населения к системе охраны здоровья приводит, с одной стороны, к росту ожиданий и запросов по качеству предлагаемых медицинских услуг, с другой же, к нежеланию обращаться в медицинские учреждения без крайней необходимости, и, как следствие, все большему распространению практики самолечения, обращения к т.н. "народным средствам", что, в целом, негативно сказывается на индивидуальном здоровье человека [1, 123].

Следует отметить, что сегодня тема статуса феномена доверия в разных сферах жизнедеятельности общества поднимается многими исследователями. А что относится к самой дефиниции доверия? Ученые неоднозначно подходят к определению термина. По мнению одних, доверие – это готовность быть зависимым от других людей в ситуации неопределенности [15, 118]. Другие рассматривают доверие как отношение к различным объектам или фрагментам мира, заключающееся в переживании актуальной значимости и априорной безопасности этих

объектов [6, 20]. Понятие «доверия» связывают с надеждой на оправдание своих ожиданий со стороны тех людей, от которых мы зависим [14, 27]. Социальная значимость доверия рассматривалась в работах и классиков социологии - Э. Дюркгейма, М. Вебера [2; 5]. В толковом словаре под доверием понимается «убежденность в чьей-нибудь честности, порядочности, вера в искренность и добросовестность кого-н.» [18]. В целом, несмотря на различные трактовки, значение доверия как базы для эффективного взаимодействия социальных институтов основывается на неоднозначной сущности его дефиниции и особенности его функции. С одной стороны, доверие - это убежденность в ком-либо, с другой стороны, это готовность следовать установленным правилам для достижения обозначенной цели. Как отмечает американский социолог Гарольд Гарфинкель, «...люди доверяют друг другу, если их трактовки межличностных сред – игровых или любых иных – регулируются конститутивными ожиданиями. ... Говорить, что один человек «доверяет» другому, значит утверждать, что этот человек старается действовать так, чтобы производить своими действиями или учитывать в качестве условий игры актуальные события, которые соответствуют нормативным порядкам событий, отображенным в базовых правилах игры. Иными словами, игрок принимает на веру базовые правила игры как определение своей ситуации, а значит, безусловно, и как определение своих взаимоотношений с другими» [4, 15]. По мнению Е. П. Ильина, ведущей функцией доверия является познание, обмен и обеспечение взаимодействия [6, 34]. Поэтому в случае доверия человек рассчитывает на получение какого-либо блага.

В сфере здравоохранения можно выделить три типа доверия:

- доверие к медицинским учреждениям - институциональное доверие;
- доверие к институту медицины и системе здравоохранения в целом - информационное доверие;
- доверие к личности медицинского работника (врача), которое складывается в процессе их взаимодействия - межличностное доверие.

Доверие потребителей медицинских услуг формируется в процессе влияния нескольких факторов, к которым, на наш взгляд, можно отнести следующие:

- А) результат взаимодействия с системой охраны здоровья;
- Б) степень эффективности лечения;
- В) средства массовой информации и общественное мнение;
- Г) социально-экономический статус профессии врача;
- Д) правовое положение работников медицинских учреждений.

Как отмечают исследователи, в процессе институционального взаимодействия потребители медицинских услуг могут оценивать систему по таким показателям, как материально-техническая оснащенность, кадровое обеспечение, система менеджмента [3, 28].

Как показывают проведенные социологические исследования, в целом, в связи с реализацией за последние года программы реформирования и модернизации отечественной системы здравоохранения, в институциональном аспекте наблюдается положительный сдвиг в отношении населения к медицинским учреждениям. Так, по данным исследования ВШЭ, большинство россиян (60%) считает удобным внедренной системы электронной записи [7, 49]. Также исследователями отмечается высокая степень удовлетворенности среди населения уровнем диагностики (91%) [7, 35]. Следствием этой позитивной тенденции в институциональном отношении россиян к системе здравоохранения является готовность 78% опрошенных в случае необходимости обратиться в тоже медицинское учреждение.

Гораздо острее обстоит дело именно с уровнем межличностного и информационного доверия.

Как известно, немаловажным критерием оценки эффективности лечения является степень достижения ожидаемого пациентом результата. Однако эффективность лечения напрямую зависит не только от уровня профессионализма врача, технической оснащенности лечебно-медицинского учреждения, но и общего состояния здоровья самого пациента. По данным статистики, забота о своем здоровье не является нормой в социальном поведении большинства населения нашей страны [8, 120-121]. Поэтому, когда человек оказывается в больнице по какому-то (как правило, экстренному) поводу, он рассматривает это как возможность решить и другие существующие у него проблемы со здо-

ровьем. Как показывает медицинская практика, с подобным отношением зачастую сталкиваются врачи по оказанию экстренной медицинской помощи [12, 19]. Наряду с требуемыми манипуляциями им приходится заниматься лечением и имеющихся у поступившего по экстренным показателям больного заболеваний. Причина столь завышенных требований пациентов к врачам в отсутствии у населения здоровьесберегающей идеологии. Соответственно, если по истечении пребывания в стационаре, куда пациент поступает по экстренным показателям, он выписывается с наличием у него выявленных хронических заболеваний, создается чувство недоверия к лечащему врачу, возникают сомнения в его компетентности.

В качестве одной из причин снижения доверия к личности врача и государственным медицинским учреждениям, в целом, специалисты называют и низкое общественное положение медицинских работников [13, 161]. Безусловно, созданию вакуума доверия отчасти способствуют и само врачебное сообщество, среди членов которого, к сожалению, встречаются низкоквалифицированные, не соответствующие деонтологическим требованиям представители. Как свидетельствуют данные проведенных социологических опросов, в большинстве случаев пациенты жалуются не на низкое качество медицинской помощи, а на невнимательность, грубость медицинского персонала [8, 118-119].

Тем не менее, нельзя отрицать, что немаловажную роль в формировании высокого статуса врача в обществе играют и такие социально-экономические факторы, как материальное положение, престижность профессии, юридическая незащищенность медицинских работников. Принятый в 2011 году «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» за № 323-ФЗ полностью изменил существовавшую ранее систему взаимоотношений между врачом и пациентом. Оказание медицинской помощи, в том числе, и экстренной, по ФЗ было переведено в разряд услуги. Сама замена понятия «помощь» на слово «услуга» уже на бессознательном уровне меняет роли врача и пациента. Поэтому, как верно отмечает эксперты, изменился сам характер взаимодействия врача и пациента [13, 158]. До 2011 года оно рассматривалось как помощь, т.е. содействие, участие, приносящее облегчение [18]. С принятием же нового

закона оно перешло в разряд объекта продажи. Соответственно, пациент из статуса больного, которому требуется помощь, перешел в разряд потребителя медицинской услуги, а врач из статуса, оказывающего медицинскую помощь, в разряд поставщика этой услуги. Таким образом, сегодня взаимодействие между врачом и пациентом осуществляется в поле рыночных отношений товаров и услуг. Потребитель услуги как ее заказчик вправе требовать ее качественного выполнения. В итоге получается, что пациент требует положительных результатов в своем лечении вопреки объективным данным, врач же о своей стороне не может совершить «чуда». Возникает конфликт, происходит деформация профессиональной сущности медицинской деятельности, неотъемлемым компонентом которой является, прежде всего, определенная степень доверия между врачом и пациентом.

Также, если обратиться к существующему законодательству, очевидно, что права пациентов четко регламентированы и защищены законом, а вот лечащий персонал лечебно-профилактических учреждений оказался в поле правовой незащищенности [12, 30-31].

Подтверждение этому – возросшее число судебно-медицинских экспертиз по т.н. врачебным делам [12, 16].

Не способствуют росту позитивного отношения к представителям медицины и средства массовой информации. Более того, эксперты констатируют формирование у российских граждан «стереотипа» недоверия к медицине [13, 160].

В медицинской деонтологии выделяют несколько моделей построения взаимоотношений врача и пациента:

- патерналистская;
- либерационная;
- технологическая;
- интерпретационная.

До недавнего времени в российской системе здравоохранения наиболее распространенной была патерналистская модель, подразумевающая выстраивание взаимоотношений по типу опекунов, когда определяющей при выборе мер лечения является позиция врача, по причине наличия у него специальных знаний. Сегодня исследователи этого вопроса отмечают, что все больше получает развитие тенденция ухода от патерналистской модели к концепции инфор-

мированного согласия, получившей широкое распространение в западной медицине [13, 164].

Однако, как показывает практика, не всегда просто добиться согласия пациента или его родственников на выполнение осуществления плана лечения. Но не только из-за степени тяжести состояния больного, его недееспособности или неадекватности, но и в силу утраты или низкого уровня компонента доверия во взаимоотношениях между врачом и пациентом. Также фактор доверия оказывает влияние не только на выбор медицинского учреждения, лечащего врача, что по современному законодательству является правом пациента, но и на степень выполнения врачебных предписаний. Как отмечают исследователи, врачи все чаще сталкиваются с необходимостью убеждать пациентов в целесообразности назначенного лечения и расценивают такие ситуации как результат отсутствия прежнего уважения граждан к медикам [13, 157].

Таким образом, приведенные выше данные свидетельствуют, что наряду с технической оснащенностью, профессионализмом, особой роль в достижении эффективного функционирования системы охраны здоровья населения играет фактор формирования доверительных отношений во взаимодействии врача и пациента. Поэтому, на наш взгляд, в современных условиях развития института медицины необходимо: а) включить в систему подготовки медицинских специалистов курсы по конфликтологии, б) проводить совместные с судебно-медицинскими экспертами семинары для анализа допущенных ошибок с целью их предупреждения в будущей практике, в) а также направить усилия общественности и средств массовой информации на преодоление стереотипа негативного отношения к системе здравоохранения и медицинских работников среди россиян с целью формирования доверия к врачам, уважения к их деятельности как ключевых факторов эффективного взаимодействия в системе «врач-пациент».

Литература

1. Аронсон П. Утрата институционального доверия в российском здравоохранении // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2006. - Том IX. - №2. (35). - С.120-131.
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. - 808 с.

3. Вялков А.И. Современные проблемы формирования индивидуального здоровья человека и оздоровления населения // Вестник Российской Академии медицинских наук. - 2008. - № 10. С.28-31.

4. Гарфинкель Гарольд. Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий // Социологическое обозрение. - 2009. - Том 8. - № 1. - С.10-51.

5. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. - 352 с.

6. Ильин Е.П. Психология доверия. СПб.: Питер, 2013. - 288 с.

7. Кочкина Н.Н., Красильникова М.Д., Шишкин С.В. Доступность и качество медицинской помощи в оценках населения. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. - 56 С.

8. Лядова М.В., Лядова А.В. Этические аспекты профессиональной деятельности врачей: проблемы и их причины (на примере экстренной травматологической службы г.Москвы) // Human health as problem of medical sciences and humanities: materials of the international scientific conference on April 20-21, 2015. - Prague : Vmdecko vydavatelství centrum «Sociosfira-CZ». - P. 116-122

9. Лядова М.В., Тучик Е.С., Лядова А.В. Медико-правовая осведомленность врачей-травматологов по оказанию экстренной помощи (по данным социологического исследования) // Вестник РГМУ. - 2015. - № 3. - С.29-33.

10. Решетников А.В., Стадченко Н.Н., Соболев К.Э. Удовлетворенность россиян качеством медицинской помощи в системе обязательного медицинского страхования // Социология медицины. - 2015. - № 1. - С.19-26.

11. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. Избранные поучения. Издательство: Дарь, 2013. - 320 с.

12. Тучик Е.С., Кильдюшов Е.М., Лядова М.В., Гусева С.В. Анализ причин неблагоприятных исходов и профессиональных ошибок в травматологии по материалам комиссионных судебно-медицинских экспертиз // Московский Хирургический Журнал. - 2015. - №3(43). -С.16-19.

13. Чирикова А.Е., Шишкин С.В. Взаимодействие врачей и пациентов в современной России: векторы изменений // Мир России. - 2014. - № 2. - С.154-182.

14. Шо Р.Б. Ключи к доверию в организации: Результативность, порядочность, проявление заботы. М.: Дело, 2000. – 272 с.
15. Яхонтова Е.С. Доверие в управлении персоналом. Зарубежные подходы и отечественный опыт оценки // Социологические исследования. - 2004. - № 9. – С. 117-121.
16. Электронный ресурс “Доктор Питер”: Петербургский сайт о здоровье. URL: <http://doctorpiter.ru/articles/13445/> (дата обращения: 15.01.2016)
17. Электронный ресурс “Медицинский вестник: портал российского врача”. URL: <http://www.medvestnik.ru/content/VCIOM-Bolshinstvo-rossiyan-lechatsya-v-gospoliklinikah-no-ocenivaet-kachestvo-meduslug-v-nih-kak-nizkoe.html> (дата обращения: 20.01.2016).
18. Электронный ресурс: Толковый словарь русского языка под редакцией Дмитрия Ушакова. URL: <http://ushakova-slovar.ru/description/doverie/12890> (дата обращения: 20.01.2016)
19. Электронный ресурс: Цыбульский В.Б. Некоторые причины ухудшения показателей деятельности системы охраны здоровья в стране / Социальные аспекты здоровья населения: электронный научный журнал. – 2015. - № 2 (42). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/675/30/lang,ru/> (дата обращения: 18.01.2016)
20. Электронный ресурс: Цыганова О.А., Шульгина С.В. Исследование общественного мнения о деятельности системы здравоохранения // Социальные аспекты здоровья населения: электронный научный журнал. - 2015. - № 5 (45). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/711/30/lang,ru/> (дата обращения: 20.01.2016)

Корпоративная социальная ответственность как одна из форм концепции устойчивого развития

Павлова Е.И.

В работе описывается кратко возникновение концепции устойчивого развития. Автор раскрывает реализацию Концепции устойчивого развития в форме корпоративной социальной ответственности и стадии внедрения принципов корпоративной социальной ответственности в систему компаний, с целью их успешности. Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, устойчивое развитие, бизнес-стратегия.

Pavlova E.I.

Corporate social responsibility as one of forms concepts of a sustainable development

In work emergence of the concept of steady development is described briefly. The author opens implementation of the Concept of a sustainable development in a form of corporate social responsibility and a stage of introduction of the principles of corporate social responsibility in system of the companies, for the purpose of their success.

Keywords: corporate social responsibility, sustainable development, business strategy.

Положение российской экономики во многом зависит от решения задачи выпуска в масштабах международного рынка конкурентно-способной продукции. Вопрос состоит в том, что она либо утратит своё влияние в мировом сообществе и станет сырьевым придатком развитых стран, либо восстановит промышленность и расширит зону своего влияния. Только экономически устойчивые предприятия дадут возможность успешно реализовать концепцию устойчивого развития. Концепция устойчивого развития возникла в начале 70-х годов XX века в результате роста внимания развитых стран к экологическим аспектам социально-экономического развития. Появляется очень много публикаций по вопросам загрязнения окружающей среды и ограниченности природных ресурсов. В 1972 г. была разработана Программа ООН по окружающей среде (United Nations Environment Programme), направленная на координацию охраны природы на общесистемном уровне. В 1980 г. по инициативе Программы ООН по окружающей среде, Международного союза охраны природы и Всемирного фонда дикой природы была разработана Всемирная стратегия сохранения природы, определяющая концепцию устойчивого развития как «развитие без разрушения». Первоначально устойчивое развитие рассматривалось в контексте экологических проблем. В 1987 г. Международной комиссией по окружающей среде и устойчивому развитию в докладе «Наше общее будущее» было сформулировано определение устойчивого развития,

которое сегодня очень широко используется в качестве базовой формулировки во многих странах. Под устойчивым развитием понимается «удовлетворение потребностей настоящего времени, не подрывающее способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». [4] В ноябре 2001 года Комиссия по проблемам устойчивого развития сформировала группу из видных российских ученых и общественных деятелей по разработке научных основ стратегии устойчивого развития России. А в ноябре 2004 года в Москве, на XIV съезде Российского союза промышленников и предпринимателей была одобрена Социальная хартия российского бизнеса как новый формат оценки совместного вклада бизнеса и его партнеров в устойчивое развитие страны, экономическое процветание и социальное благополучие, где одним из основных принципов является честная конкуренция экономической деятельности, направленная на удовлетворение потребностей покупателей путём разработки качественных, надёжных и экологически безопасных товаров и услуг, а так же экономное потребление природных ресурсов.

В российской экономике за годы спада накоплен большой резерв простаивающих мощностей. Простаивающие мощности - это натуральный капитал, воплотивший в себе старую воспроизводственную базу предприятий. Использование его позволяет наращивать выпуск необходимой, но недостаточно конкурентоспособной продукции. При определённых условиях она может заместить, но не вытеснить импорт. Если распорядиться по-хозяйски резервом натурального капитала и накопить объём финансовых ресурсов, достаточный для сохранения высоких объёмов выпуска, то возможен переход значительной части отечественного производства в режим импорто-замещения [5]. Приоритетом должны пользоваться высокоэффективные окупаемые инновационные проекты, в которых государство может участвовать на долевых началах с частными инвесторами, беря на себя часть риска. Большое значение имеют прямые государственные инвестиции и субсидии. Реализация Концепции устойчивого развития способствует успешной деятельности компаний. На практике Концепция устойчивого развития осуществляется в форме корпоративной социальной ответственности.

Сегодня не существует определения корпоративной социальной ответственности, но изученные подходы сводятся к тому, что корпоративная социальная ответственность — это ответственность бизнеса перед обществом в целом. Данное понимание включает и ответственность компании во взаимоотношениях с партнёрами, ответственность перед потребителем, экологическую ответственность, политику в отношении работников, соблюдение норм безопасности, создание благоприятных условий труда сотрудников, вложение в проектно-конструкторские работы, содействие бизнеса устойчивому развитию общества.

Успешная политика корпоративной социальной ответственности способствует повышению качества жизни основных заинтересованных сторон компании, к которым относятся сотрудники, акционеры, инвесторы, деловые партнёры, органы государственной власти, общества в целом. Для этого компаниям нужно развивать взаимодействие с заинтересованными сторонами чтобы, вести учёт их мнений в принятии и реализации решений. При принятии решений компании должны учитывать экономические, социальные и экологические факторы, которые дадут им возможность управлять влиянием своей деятельности на общество и окружающую среду и быть подотчётным за него.

Внедрение принципов корпоративной социальной ответственности в деятельность компании необходимо осуществлять на системной основе и внедрять в бизнес-процесс.

Существует несколько стадий внедрения принципов корпоративной социальной ответственности в систему компаний:

1. Правовая стадия. Компания развивает деятельность в соответствии с законодательством.
2. Функциональная стадия. На данной стадии компания берёт на себя добровольные обязательства в области корпоративной социальной ответственности, которые дают положительный эффект в ближайшей перспективе.
3. Стратегическая стадия, где компания внедряет корпоративно социальную ответственность в свою долгосрочную стратегию социального развития.
4. Гражданская стадия. На данной стадии компанией прилагаются усилия для продвижения принципов корпоративной социальной от-

ветственности в деловом сообществе.

Компания в соответствии с законодательством должна проанализировать свою деятельность и привести её в порядок согласно законодательным нормам. Это является первым базовым правовым уровнем корпоративной социальной ответственности.

В дальнейшем происходит расширение социальной ответственности, что даёт возможность компаниям решать социально-экономические проблемы, улучшать экологическую обстановку, улучшать качество продукции, продвигать инновации.

Постепенно система корпоративной социальной ответственности пронизывает всю деятельность компании и становится её долгосрочной стратегией и органично вписывается в систему корпоративного управления.

Гражданская стадия, как самая продвинутая, предполагает активные действия компании. В результате чего компания станет провайдером идей социальной ответственности, что позволит создать благоприятную среду для дальнейшего повышения результативности и устойчивости бизнеса. Такая эффективно работающая система корпоративной социальной ответственности даёт возможность компаниям вносить позитивный вклад в социальное благополучие.

Отмечая положительное влияние корпоративной социальной ответственности, можно выделить следующие: повышение имиджа компании; формирование хорошей позитивной среды вокруг компании, что позволяет обеспечить бизнес поддержкой ближайших партнёров и всего общества; внедрение инноваций, что даёт возможность бизнесу предлагать востребованные обществом товары и услуги; повышение

интеллектуального уровня персонала, что даёт возможность для профессионального и карьерного роста и развития корпоративной культуры; внедрение инвестиций и создание конкурентоспособной продукции на мировом рынке, что повышает инвестиционную привлекательность компании.

Следует отметить, на основании выше изложенного, видна прямая связь между реализацией концепции корпоративной социальной ответственности и успешностью и устойчивым развитием компании.

Устойчивое развитие компании и её успешность это не только отчётность, но и правильное управленческое решение с учётом экономического, социального и экологического эффектов. Корпоративная социальная ответственность является основой эффективной бизнес-стратегии.

Литература

1. Абалкин Л. Логика экономического роста. М., 2002, с. 122.
2. Беляева И.Ю., Эскиндаров М.А. Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект // монография – М.: КНОРУС, 2008
3. Иноземцев В. Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономическое следствие. М, «Экономика», 2003, с. 370.
4. Корпоративная социальная ответственность: учебное пособие // - Тюмень: Изд. Тюменского государственного университета, 2012, 292 с.
5. Основные положения стратегии устойчивого развития России /Под ред. А.М. Шелехова. М., 2002. - 161 с.

Интегративный и социально-инновационный характер системы «школа – негосударственный вуз»

Шимановская С.В.

В данной статье говорится о необходимости системы непрерывного образования, целью которого является постоянное творческое обновление, развитие и совершенствование каждой личности на протяжении всей ее жизни. Также автор приводит сравнительную характеристику государственных и негосударственных вузов. Ключевые слова: негосударственные вузы ? продукт социальных инноваций; многовариантное образование; готовность к переменам; продукт социальных инноваций

Shimanovskaya S.V.
Integrative and social innovative character of a «school - private university» system
This article addresses the need of continuing education, the purpose of which is the constant creative renewal, lifelong development of every person. The author also gives a comparative description of public and private universities. Key words: adoption of a planned training to the labor market of professionals; multivariate education, willingness to change, the product of social innovation.

Государственные вузы работают по централизованным государственным программам, реализуя общегосударственную концепцию образования. Негосударственные вузы, руководствуясь требованиями государственного стандарта образования, выполняют социальные функции экспериментального полигона, создают авторские программы и концепции, работают для общества под контролем государства, но самостоятельно, с опережением ситуации на рынке труда. Можно говорить о том, что негосударственные вузы - продукт социальных инноваций, они являются центром реализации новых идей и проектов в области высшего образования.

В современных условиях трансформации общества при смене культурных ценностей, культурных норм и отношений возникает необходимость выбора адекватной модели образования. Произошла девальвация ценностей классического образования, базировавшегося на триединстве знаний, умений, навыков, возникло противоречие между целостностью культуры и технологией ее фрагментарного воспроизводства через знаниевый тип обучения. В этой ситуации обостряются противоречия между непрерывно возрастающим объемом знаний, необходимых человеку, и ограниченными (в рамках традиционных образовательных систем) условиями для овладения ими. Решение этого противоречия возможно лишь на пути перехода к непрерывному образованию.

Целью непрерывного образования является постоянное творческое обновление, развитие и совершенствование каждой личности на протяжении всей ее жизни. Общественное развитие требует выхода высших учебных заведений на три сектора - рынок труда, рынок образовательных услуг, рынок выпуска научно-технической продукции. Здесь нужна гибкая структура высшего образования, причем основанная не только на государственном финансировании, так как вуз должен иметь дело с организациями различных форм собственности.

В наилучшей форме решение указанной триединой задачи возможно именно в негосударственной системе в силу возможности оперативно и качественно реагировать на подготовку наиболее потребных рынку труда специалистов, на предоставление самых различных образовательных услуг от коллективов организаций до индивидуальностей, на проведение научно-исследовательских работ, оплачиваемых и принимаемых заказчиком. В условиях рыночной экономики, только часть образовательной системы государство может содержать за счет бюджета [3].

Возникновение негосударственного образования явилось закономерностью перехода от плановой государственной системы образования к открытию каждому человеку возможностей для получения того образования, которое его интересует, которое он может результативно использовать сегодня и еще больше завтра. В этом важнейший критерий негосударственного образования. Общество в целом нуждается в том, чтобы человек сам за свои деньги мог приобрести нужное ему образование, причем в любой точке мира. Отсюда закономерными становились изменения в общественной жизни, которые вылились, в частности, в негосударственное, да и вообще оплачиваемое образование.

Возрождение системы негосударственного высшего образования в современной России, является, по сути, продолжением российских традиций. Исторический опыт дореволюционного российского высшего образования высвечивает такую тенденцию, граничащую с закономерностью, - наиболее активно развитие негосударственного, вольного образования происходило при необходимости получить от высшего образования наибольший эффект и в кратчайшие сроки.

Не случайно, расцвет негосударственного высшего образования в России пришелся на конец XIX – начало XX вв., (было открыто 12 неправительственных вузов), что диктовалось острой необходимостью расширения сферы образования в интересах укрепления экономического и оборонного потенциала России. Отсюда негосударственные вузы объективно должны быть, более того, их миссия первопроходцев будущей системы высшего образования.

Общество должно иметь систему, группу вузов и отдельные вузы, которые бы основывали свою деятельность на инновациях, шли в ногу с мировыми достижениями во всех сферах и отраслях жизни, которые давали бы элитное образование, удовлетворяли запросы людей, готовых на свои средства получить самое современное и прогрессивное образование. Это опять же, потребность, необходимость для общества, которые являются постоянными, все более убыстряющимися и расширяющимися, то есть закономерностью развития. Отсюда появление в общей системе образования негосударственного образования является объективной закономерностью.

Негосударственные вузы позволили перейти от унифицированного к многовариантному образованию. Появилась возможность выбирать формы обучения, формы и методы работы педагогов, учебную литературу, совершенствовать учебные программы, распространять инновационные и авторские программы обучения; разнообразие форм обучения создает человеку условия найти образовательное учреждение, отвечающее его целям и потребностям. Являясь откликом на современные социально-экономические изменения, негосударственное образование призвано формировать и возвращать в человеке качество мобильности и готовности к переменам. В силу ряда обстоятельств (консерватизм, сохранение единства в установках, остаточные явления общей централизации и унификации и т.п.) государственное образование уступает в плане мобильности негосударственным образовательным структурам, которые быстрее (а благодаря многоканальному финансированию, позволяющему привлекать лучшие педагогические кадры, и качественнее) отвечают на новые запросы и социальные заказы.

Негосударственные вузы по своей сути являются элементом свободного гражданского

Таблица 1
Социально-психологические факторы управления вузом

Факторы	Государственный вуз	Негосударственный вуз
объективные факторы среды		
Политика организации	бюджетная	рыночная
Управление	- структура управления вузом статична, не учитывает изменившиеся условия; - преобладают задачи оперативного управления; - управленческие решения не работают на опережение и на изменения во внешней среде; - управленческий цикл выполняется не в полной мере: слабо организованы внешние связи (взаимодействие с потребителями образовательных услуг по изучению их потребностей); социальный заказ в соответствии с бюджетом, не учитывает появление новых профессий	- гибкая структура управления вузом, учитывающая меняющиеся условия; - преобладают задачи стратегического управления в соответствии с рыночными изменениями; - управленческие решения работают на опережение; - в управленческом цикле ряд функций активизирован (разработка механизмов долгосрочного планирования; сосредоточенность на взаимодействии с потребителями образовательных услуг по изучению их потребностей)
Особенности	Регламентирующие факторы бюджет, штатное расписание, нормативная база	- возможности свободного выбора содержания и формы образования; - более гибкая система удовлетворения образовательных запросов населения; - лично-ориентированный процесс обучения; - свобода в использовании материально-технических и финансовых средств в рамках существующего законодательства
субъективные факторы		
Личностные качества	высокий профессионализм преподавателей	качества, способствующие внедрению инноваций, склонность к риску
Квалификация и образования	наличие специальной системы подготовки и переподготовки кадров	новые технологии обучения, непрерывный процесс обучения на новые виды деятельности

общества. По природе своей негосударственное образование – свободное, либеральное. К негосударственным вузам применимы такие характеристики: самофинансируемая, самоорганизующаяся, самоуправляемая, саморазвивающаяся, предпринимательская организация. Фактически они представляют собой форму материализации инновационного образовательного движения, адекватную его сущности, которая

предполагает форсированный динамизм, высокую степень свободы, ресурсную экономию при реализации целей.

Негосударственные вузы по своей идее должны обеспечивать максимально высокое качество образования за счет новаторских, нетрадиционных методов работы, творческого поиска и внедрения инновационных форм и методов обучения. Есть все основания говорить о

том, что возникновение и развитие негосударственного высшего образования в России явилось вполне логичной и объяснимой закономерностью как части закономерности преобразования общественно-политической системы, модернизации страны на рыночных основах. Понимание создания и развитие негосударственной системы обучения позволит отойти от создавшихся стереотипов, что существуют они лишь как вариант получения высшего образования, потому что абитуриент не поступил на бюджетные места государственной системы.

Социально-психологические факторы успешного управления вузом которые либо тормозят, либо стимулируют, либо как-то видоизменяют процесс представлены в табл. 1.

Традиционная система государственного вуза характеризуется, определенным типом соорганизации: функционально-иерархической зависимостью участников совместной деятельности. Такая педагогическая система стабильна, упорядочена, исключает субъектное развитие участников учебно-воспитательного процесса. Как только меняется общественное развитие и у субъектов появляются возможности осуществить свои личностные смыслы, так появляются инновационные педагогические системы. Не только обучаемые, но и преподаватели в этом случае озбочены тем, чтобы обрести новые формы и смыслы собственного развития.

Система негосударственного вуза ориентирована на постоянно меняющиеся условия, на появление новых профессий, на гибкую систему управления, то есть, находится в состоянии инновационных процессов.

Таким образом, между инновационной и традиционной педагогическими практиками имеется кардинальное различие по трем диагностическим признакам:

- по способам целеобразования;
- по типам педагогической деятельности;
- по способам связи участников совместной деятельности.

Поэтому инновационные практики - это всегда практики перехода, движения от исполнения госзаказа к образовательным потребностям, переход от авторитаризма к новым отношениям преподаватель-студент заказчики образовательных услуг,

Типы нововведений в системе «школа-негосударственный вуз»: в педагогическом процес-

се – в целях, и содержании образования; в методиках, средствах, приемах, технологиях педагогического процесса; в формах и способах организации обучения и воспитания; в деятельности администрации, педагогов и учащихся.

Типология нововведений:

- по признаку масштабности - комплексные, связанные между собой;
- по признаку инновационного потенциала – комбинации нововведений;
- по качеству источников идей обновления школы и вуза - потребности региона, города; образовательные потребности обучающихся; опытно-экспериментальная работа; зарубежный опыт.

Основой инновационных изменений в учебном процессе являются собственные проекты, сформированные в виде программ, представляемых как образовательные услуги. Экономические понятия, которые становятся привычными для педагогической деятельности осуществляемой в условиях рынка, позволяют структурировать учебно-воспитательный процесс между государственными и негосударственными учреждениями [2]. Экономические понятия, которые стали основой для инноваций в нашем исследовании следующие: образовательная услуга, обучающиеся – заказчики образовательных услуг, пакет пользы клиентов.

Образовательная услуга. Маркетинговая деятельность привычная для экономики, в педагогике является инновационной деятельностью. Поэтому в сфере образования маркетинговые и рыночные инструменты управления используются в недостаточной степени. Однако проблема актуальности применения маркетинга в области образования вызывает огромный интерес. Основным видом деятельности учреждений образования является создание образовательных услуг [4].

Обучающиеся – заказчики образовательных услуг формируют новый тип отношений «преподаватель и студент субъекты образовательной программы». Каждый потребитель настроен на определенный набор в структуре технологической цепочки непрерывного образования. Это требует учета уникальных потребностей каждого клиента с изменением формы или качества образовательных услуг. Настройка на требования потребителя подразумевает, что система операций должна быть достаточно гиб-

кой, чтобы реагировать на его потребности и изменения в образовательных услугах.

Образовательные услуги – как пакет пользы клиентов. Образовательная услуга чаще всего предоставляется путем реализации образовательной программы определенного уровня

Пакеты пользы клиентов могут формироваться как основная программа + вспомогательные услуги (курсы повышения квалификации по профессии или профессиональная переподготовка на новый вид деятельности). В системе непрерывного образования есть возможность повысить квалификацию или освоить новый вид деятельности. Пакет образовательных услуг может быть сформирован из основной образовательной программы с поддерживающими услугами (творческие мастерские: дизайн, рисунок, спортивные занятия). Выбирая, товар-услугу, студенты стремятся получить так называемый «пакет пользы клиентов», который состоит из основной образовательной программы и набора различных спецкурсов. Этот пакет рассматривается клиентом в целом, а не как отдельные продукты и услуги. Продукт сферы услуг включает в себя: основную услугу; вспомогательные услуги; поддерживающие услуги. Любой пакет пользы клиентов может включать несколько рыночных потребностей. Пакет пользы клиентов является инновационным проектом, направленным на изменение существующего порядка вещей существующих представлений относительно системы деятельности университета, как базы инновационных процессов [1].

При этом происходят следующие изменения:

- изменения учебного процесса;
- изменения системы управления вузом;
- изменения хозяйственной части вуза;
- изменения кадрового состава;
- изменения представлений о деятельности;
- комплексные изменения (изменения нескольких сфер одновременно всей системы деятельности вуза).

Сегодня для удержания позиций и сохранения своего места в системе российского образования негосударственным вузам требуются новые усилия, поиск иной политики, базирующейся на развитии тех принципиальных преимуществ, которыми обладает негосударственный вуз. Возможно, негосударственные вузы, наряду с типичными мероприятиями по подъему качества обучения, должны более активно переориентироваться в направлении индивидуального обучения, подготовки специалистов немассовых профессий, сделать упор на применение уникальных методов и методик обучения.

Литература

1. Куликова С.В. Интеграция традиций и инноваций как основа модернизации Российского образования // Интеграция образования, 2004. - №3. С. 34-43.
2. Лурье Е.А. Базовые модели высшей школы в инновационной экономике // Инновации, 2004. - № 2. С. 45-50.
3. В. Мануйлов, И. Федоров. Модели формирования готовности к инновационной деятельности // Высш. образование в России, 2004. - № 7. С. 56-64.
4. Щетинин В.П. «Рынок образовательных услуг в современной России» // Школа, №3, 2007 г.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Методы воспитания корпоративного патриотизма в современных организациях

Михайлова М.А.

В статье представлены различные взгляды ученых на сущность корпоративного патриотизма. Рассмотрены наиболее распространенные методы воспитания корпоративного патриотизма: внедрение и пропаганда корпоративных ценностей; создание комфортных условий труда и «расширенного социального пакета»; согласование целей работника и организации; внедрение сильной корпоративной культуры. Проведена сравнительная характеристика методов. Обоснована результативность метода согласования целей работника и предприятия как оптимального метода воспитания корпоративного патриотизма.

Ключевые слова: корпоративный патриотизм, корпоративная культура, корпоративные ценности, производительность труда, социальный пакет

The article presents different views on the essence of corporate patriotism. The most widespread methods of its creation are: introduction and promotion of corporate values; creation of comfortable working conditions and «an extended social package»; matching the goals of employees and organization; introduction of strong corporate culture. The comparative characteristics of these methods are carried out. The method of matching the goals of employees and the company is considered as the optimal method to introduce corporate patriotism in modern condition.

Key words: corporate patriotism, corporate culture, corporate values, productivity, social package

В последние десятилетия происходят значительные трансформации в области взаимоотношений работников и организаций. Во многом основой данных трансформаций служит усиление социальной и профессиональной мобильности работников в постиндустриальном обществе. Одной из наиболее острых проблем является привлечение и удержание работников как основного капитала предприятия. Во многом именно с приверженностью персонала связывается сегодня повышение производительности труда на традиционных стабильных предприятиях.

В материалах всероссийской конференции «Россия и мир: вызовы нового десятилетия» 2010 г., проходившей в Москве и организованной Академией народного хозяйства при Правительстве РФ, Институтом экономики переходного периода и Экспертным советом при Правительственной комиссии по повышению устойчивости российской экономики, содержатся данные о проблемах производительности труда России и ее низком уровне относительно других развитых стран [1]. Общепризнанной становится точка зрения, согласно которой за последние годы рост заработной платы в нашей стране существенно превышал рост производительности труда, что привело к немалым диспропорциям как в экономическом, так и в социальном развитии.

Нарастающей проблемой в области трудовых отношений также является резкое сокраще-

ние продолжительности труда на одном рабочем месте. Еще 20-30 лет назад продолжительность работы трудящегося в одной организации составляла от 10 до 30 и более лет, что свидетельствовало об определенной стабильности социально-трудовой динамики. В современном мире, однако, тенденция совершенно противоположная. Мобильность человека возросла многократно, что наложило отпечаток на продолжительность труда на одном предприятии.

Данные исследования [3], проведенного крупным российским Интернет-порталом Superjob.ru по заказу газеты «Ведомости» во всех округах России среди экономически активного населения России в возрасте 30-35 лет, говорят о том, что средняя продолжительность работы у одного работодателя от 2-х до 4-х лет. В ходе исследования были проанализированы резюме представителей 50 профессий по 200 представителей каждой специальности. Каждый из них имеет общий стаж работы по этой профессии не менее 6 лет и желает работать по профессии в дальнейшем. Как правило, предприятие вкладывает средства в профессиональную подготовку работников, их адаптацию на рабочем месте, интеграцию в производственный процесс и выход на плановые показатели эффективности. Этот процесс может занимать от 0,5 года до 2 лет. Наравне с этим, приведенное выше исследование говорит о том, что как только работник выходит на планируемую производительность, он меняет место работы. Организация, в которой он работал, вынуждена вновь запускать процесс поиска и профессиональной подготовки нового работника. Во многих случаях, процесс циклично повторяется – и в течение 2-3 лет может смениться до 90% численности штата работников.

Вроде бы приведенные выше данные говорят о том, что все современные организации должны «засучив рукава» заняться вопросами повышения лояльности персонала и снижения текучести кадров. На самом деле это не так. Приведенные данные о том, что в среднем современный человек меняет место работы раз в 2-4 года, подобным данным средней температуре по больнице. Сегодня миллионы людей в России и, в особенности, в развитых странах работают не в организациях, а по проектам. Эти люди «меняют место работы» тысячи раз за свою

трудовую жизнь, потому что это не традиционное место работы, а некоторая функция в ходе выполнения конкретного, часто краткосрочного, проекта. У таких работников резюме насчитывают десятки страниц и по отношению к ним все слова о лояльности и патриотизме не имеют никакого смысла.

В целом проектная деятельность и проектное, временное трудоустройство во много раз повысило производительность труда и расширило возможности постиндустриальной экономики. Но все же в любой стране сохраняются традиционные организации, рассчитывающие на стабильный персонал. Именно такие предприятия и создают возможности для развития специфической социальной технологии – воспитания корпоративного патриотизма [2].

Корпоративный патриотизм – это наивысшая степень позитивного отношения работника к организации, полное разделение работником корпоративных ценностей, норм, идеалов. Отождествление работником себя как части корпорации, а также восприятие корпорации как важной части своей личной жизни. Близкие по смыслу к корпоративному патриотизму понятия – лояльность, приверженность, преданность, вовлеченность часто используются в трудах современных ученых.

Особую роль приобретает корпоративный патриотизм в вопросах удержания образованного персонала и развития образовательных программ в бизнесе. Одним из существенных богатств современной организации служит образовательный уровень персонала. Многие компании вкладывают очень существенные суммы средств в реализацию различных образовательных программ для сотрудников. Вообще постиндустриальное общество часто называют «обществом знаний». Понятно, что в современных условиях образование для любого сообщества людей представляет особую ценность. Отсюда напрашивается простой вывод – если компания будет вкладывать в образование своих членов больше средств, она будет успешнее на современном рынке. На самом деле, ситуация значительно сложнее. Образование является самой «приватизируемой» ценностью. Оно заключено в головах людей и «перемещается» вместе с этими головами. «Фактически, без воспитания корпоративного патриотизма вложения в образовательные программы для сотрудников

теряют свой смысл. Руководство начинает бояться вкладывать деньги в людей. Ведь те в любой момент могут оказаться у конкурентов» [3].

Отношение к корпоративному патриотизму может быть самое разное. Среди мнений различных ученых можно выделить две крайние позиции, условно назовем их «про-патриотизм» и «анти-патриотизм».

Сторонники «про-патриотизма» говорят о его необходимости для поднятия духа работников, мобилизации их трудовой эффективности за счет внутренней лояльности и любви к своему труду и организации. Например, Ф. Херцберг и М.У. Майнер в своих трудах утверждают, что наравне с достойными условиями труда и оплатой, работа должна быть «обогащена» внутренними мотиваторами, которые помогут человеку трудиться эффективно, и при этом испытывать большее удовлетворение от труда. [4]

Сторонники «анти-патриотизма» рассматривают корпоративный патриотизм как наивысшую степень эксплуатации человека в процессе труда посредством его чувств. Порою, сравнивая корпоративный патриотизм с сектантством. Например, сторонники теории трудового процесса (Labour Process Theory), получившей широкую популярность в 1980-х годах, считают, что любые мероприятия работодателя по отношению к работнику не несут никакой социально-моральной ответственности, а лишь скрывают «под маской» желание предприятия как можно больше заработать на самоотдаче работника. То есть, согласно LPT, основная задача коммерческого предприятия - извлечь максимальную пользу из работника любыми доступными способами, в том числе путем воздействия на духовные ценности. При этом собственно работник как самоценная личность не представляет истинного интереса для предприятия [5].

Принимая во внимание доводы сторонников критического взгляда на корпоративный патриотизм, следует отметить, что видеть в нем исключительно злую волю эксплуататоров будет явным преувеличением. Если такое явление существует, существуют и объективные причины, его обуславливающие. Как уже говорилось ранее, в первую очередь это пагубные последствия высокой текучести кадров для современных организаций. Поэтому в настоящей статье будет в целом представлен «про-патриотический»

взгляд на те методы, которые используют современные организации для повышения лояльности работников.

Современная российская и мировая практика менеджмента выделяет четыре наиболее популярных метода, используемых на предприятиях в развитых странах для формирования в организации корпоративного патриотизма:

1. Внедрение и пропаганда корпоративных ценностей
2. Создание комфортных условий труда, создание привилегий, «расширенного социального пакета»
3. Согласование целей работника и организации
4. Создание определенной корпоративной культуры

Рассмотрим их более подробно. Под внедрением и пропагандой корпоративных ценностей (первый метод) обычно подразумевают ознакомление с миссией (mission), видением (vision) и системой ценностей (values). Такое ознакомление сознательно осуществляется так, чтобы воспитать самое благоприятное отношение к этим духовным объектам, сделать их частью предпочитаемых работником идеологем. Достигается это за счет внутрикорпоративного обучения, или презентаций в начале работы, или неким набором документов, подлежащих изучению, порю, наизусть. Обязательным пунктом в программе пропаганды корпоративных ценностей стоит сдача экзамена на знание и усвоение необходимой информации. Также время от времени происходит «возврат» к ценностям, т.е. ненавязчивое их напоминание - например, во время корпоративных мероприятий или во время совещаний, при публичном поощрении или наказании сотрудников.

Вот что рассказывает И.Полякова, директор департамента корпоративного маркетинга международной корпорации 3M Russia: «К обязательным ценностям относятся правила и политики компании, которые декларируются публично и обязательны к выполнению. В 3M таковым является, к примеру, Кодекс деловой этики. Компания заявляет, что вся ее деловая активность в любой стране ведется в соответствии с законодательством и внутренними корпоративными политиками (которые зачастую более строги, чем предписывает закон), и все сотрудники следуют правилам ведения бизнеса. Соответствен-

но, корпоративные ценности такого уровня доносятся до каждого нового сотрудника в самом начале его работы. Все новички проходят так называемую «Ориентацию нового сотрудника», где в течение двух-трех дней они узнают о текущей деятельности компании, ее целях и ценностях, истории, а также изучают обязательные политики и процедуры. Также каждый сотрудник обязан с определенной периодичностью проходить электорные курсы по деловой этике и правилам ведения бизнеса, по итогам которых он отвечает на вопросы теста и получает подтверждающий сертификат» [6]. И. Полякова пояснила, что вся эта информация хранится на внутреннем портале компании, где каждый сотрудник может ее «освежить» в памяти. Кроме этого, в 3М используются любые корпоративные коммуникации (собрания, форумы) как повод для напоминания корпоративных ценностей, привязывая их к актуальным темам для обсуждения.

Данный метод хорош тем, что помогает человеку приобрести некий смысл и моральную направленность. Однако, в числе минусов, может быть несоответствие истинных ценностей человека и корпоративных, т.е. их отторжение.

Второй метод, т.е. создание комфортных условий труда, обеспечение защищенности работников путем расширения так называемого «социального пакета», наиболее характерен для промышленных предприятий, большинство работников которых - рабочие заводов. Это исторически сложившаяся форма развития патриотизма, которая была характерна еще во времена Советского союза. Но сегодня все большее количество предприятий, в том числе и непромышленных, делает ставку именно на «солидный соцпакет». Обычно сюда включаются премии за выслугу лет, доплаты за обеды, добровольное медицинское страхование, компенсация расходов на дорогу до работы, специально создаются места для отдыха - зоны на предприятии, где можно посидеть в тишине или выпить чашку чая, организуются корпоративные курсы английского языка, новогодние елки и подарки для детей сотрудников и прочие подобные мероприятия. Недостатком такого метода является его затратность, и при этом невозможность корректировки политики. Любое уменьшение социального пакета начинает восприниматься как нарушение прав работников. Так, например,

в российском производственном холдинге «Локотех», для повышения лояльности персонала, долгое время существовала доплата за выслугу лет. Однако в конце 2014 г., когда прибыль компании оказалась существенно ниже планируемой, было принято решение об отмене такой выплаты. Это событие было болезненно воспринято сотрудниками, и более того, резко увеличило нелояльность работников по отношению к работодателю. Для решения вопроса был привлечен профсоюз, который, однако, лишь смог найти компромисс, который устроил работодателя. Работники перешли на новую систему премирования, а выплаты за выслугу лет были упразднены [7].

Третий метод, т.е. согласование целей работника и организации, часто связывается с особыми процедурами оценки труда работников. Чаще всего это метод называется MBO - management by objectives, или управление по целям. Суть его заключается в том, что каждая компания имеет среднесрочные и долгосрочные цели (выполнить определенный план продаж за год, завоевать определенный процент рынка, стать лидером в своем сегменте и т.д.), а каждый человек, поступающий на работу, или уже работающий имеет свои разнообразные цели (быть руководителем, получить новый профессиональный навык, много зарабатывать, чтобы путешествовать, оплачивать обучение детей и т.д.). Смысл метода в том, чтобы найти точку соприкосновения, согласования этих двух видов целей. В западных корпорациях существование этого способа развития корпоративной приверженности достигается за счет системы годовой оценки и планирования труда, когда работник и работодатель в начале года составляют План задач, а в конце года рассматривают достигнутые результаты. [8]

Вот что говорит В. Нечипоренко, Генеральный Директор ООО «Информационная служба «Красный телефон»: «У нас небольшая компания, но часто требуются дополнительные силы для работы над проектами. Мы применяем гибкий график, позволяющий учиться и заниматься домашними делами, что актуально для нашего женского коллектива. Одним удобнее раньше начинать, другим – позже заканчивать работу. Для женщин особенно важна возможность иметь на неделе дополнительный свободный день, чтобы решить домашние проблемы (в этом

Таблица
Сравнительный анализ методов воспитания корпоративного патриотизма

Метод	Для корпорации		Для работника	
	преимущества	недостатки	преимущества	недостатки
1. Внедрение и пропаганда корпоративных ценностей	Простота использования Применимы для всех категорий работников	Возможность «лжеразделения» ценностей, невозможность проверки искренности сотрудника	Обретается смысл деятельности, направленность	Может не совпадать с ценностями человека
2. Создание комфортных условий труда, расширение «социального пакета», привилегий	Делает работодателя привлекательным на внешнем рынке	Дорогостоящий метод Удерживает работника только до тех пор, пока работодатель в состоянии оплачивать привилегии	Ощутимо большой комфорт в работе и жизни	Как правило, могут быть заработные платы меньше «рыночных», а в качестве компенсации предлагается «соцпакет»
3. Согласование целей работника и организации	Устанавливает «прочную», трудноразрушимую связь между корпорацией и работником Взаимная честность, отсутствие манипуляций по отношению к работнику	Трудоемкий индивидуализированный процесс	Возможность достигать своих личных целей в процессе работы Удовольствие от работы	Для работника существенных недостатков нет
4. Создание определенной корпоративной культуры	Высокая сплоченность работников, взаимоподдержка функций, а следовательно безостановочность производственного процесса	Процесс требует постоянного контроля, так как культура может развиваться стихийно в невыгодную для работодателя сторону	Как правило, комфортное нахождение в коллективе, чувство «опоры»	Связанность обязательствам и («и работа не в радость, и «своих» бросить не могу»)

случае можно исключить необходимость отпрашиваться с работы по личным делам). Для компании же главное, чтобы в течение всего рабочего дня кто-то был на месте. Кроме того, всегда можно выделить участки работы, которые работник в состоянии делать дома (например, формировать базы данных). Мы предлагаем сотрудникам, сократившим свою рабочую неделю, за дополнительную плату выполнять дома определенный объем работы» [9].

Четвертый метод, т.е. создание определенной корпоративной культуры, подразумевает

создание определенных этических правил и норм, принятых гласно и негласно в корпорации. Это может быть командный дух, или дух «семейственности» в некоторых бизнес-направлениях, определенный стиль общения, понимание друг друга членами команды, сложившиеся традиции и ритуалы, символика и атрибутика компании, различного вида «доски почета» и «соцсоревнования». Это воздействует как формирование определенной привычки у человека в процессе труда. Как отмечает В. Н. Топоров, российский филолог, учёный, академик РАН,

«ритуал втягивает в себя весь коллектив... и с его помощью решаются практические задачи всего коллектива, ...ритуал сплавляет людей, выявляет ценности, актуальные для коллектива. Ведя сложную игру этими ценностями, ритуал бросает свет и на потребности коллектива, ...и на те формы, в которых они удовлетворяются. Соотношение того и другого оказывается той основой, на которой складывается система социальных престижей, связей и переходов между разными (вплоть до противоположных) престижными позициями» [10].

Сравнительный анализ изложенных выше методов (см. табл.) показывает, что одним из наиболее эффективных и одновременно недооцененным является метод согласования целей. Его результативность обуславливается тем, что сотрудник, получающий в организации возможность реализовать свои личные цели, становится очень мотивированным к выполнению поставленных задач, и при этом все более приверженным к компании в целом. «Переманить» такого сотрудника в другую компанию очень сложно. Связь между работником и корпорацией строится на морально-ценностном уровне. Это означает, что другой работодатель должен будет «пересогласовать» жизненные цели этого сотрудника с целями своей организации, что, как и говорилось ранее, задача трудоемкая и непростая.

В качестве примера реализации подобного метода можно привести систему развития персонала в российском производственном холдинге «NRG group», внедренную в 2014 г., в том числе с участием автора настоящей статьи. В компании был разработан специфический инструмент «Мой план развития» - документ, в котором работник и руководитель описывали ряд задач сотруднику для реализации на следующий год. Одним из таких сотрудников был Антон Л., который работал в компании чуть более 2-х лет и занимался работой инженерно-технического характера. В первой части «Плана» работнику предлагалось описать в свободной форме какие лично цели он хотел бы достичь в этом году, работая в организации. Во второй части руководитель ставил производственные задачи на год, необходимые для функционирования предприятия, а в третьей части руководитель и работник совместно формировали задачи, которые будут соединять и цели

работника, и цели организации. В процессе обсуждения Антон сказал о том, что он лично хотел бы повышать свой профессиональный уровень, проходить обучение, решать более сложные и ответственные задачи. Эта цель полностью совпала с целью организации иметь квалифицированных работников. Также на этой встрече Антон высказал идею о том, что один бизнес-процесс в компании работает неэффективно, и его можно было бы оптимизировать. Руководство предложило Антону попробовать оптимизировать этот процесс. Задача была действительно сложная, и выходящая за рамки обычных обязанностей работника. И вместе с тем, это была задача, которую Антон сам хотел решить, которая соответствовала его личным целям и желаниям приобрести новые навыки. В течение года Антон трудился над поставленными в «Плане» задачами, а задачу по оптимизации процесса, которую он лично считал интересной и творческой, решал не только в рабочее время, но иногда и дома, когда очередная мысль приходила ему в голову и продвигала нужное решение. Надо отметить, что за невыполнение этой задачи не предусматривалось никаких наказаний, и все, что Антон делал - делал из личных мотивов, своеобразного профессионального «спортивного» интереса. По истечении года, когда пришла пора принимать задачи, Антон презентовал экспертной комиссии результат своей работы по оптимизации. Этот результат поразил экспертную комиссию. Проведенная работа была колоссальной, и сэкономила труд инженеров: на ту работу, на которую раньше уходило 4 часа, теперь требовалось 10-20 минут. Предприятие получило эффективную систему в свое пользование, а работник - высокую оценку своего труда, денежное вознаграждение, которое будет его стимулировать к выполнению подобных задач в будущем, а также уверенность в возможности реализовать личные профессиональные цели именно в этой компании.

* * *

Воспитание патриотизма как социальная технология важна как на уровне государств, так и на уровне отдельных организаций. Начиная с весны 2014 г., когда Крымский полуостров был присоединен к территории РФ, а также с последующим введением западных антироссийских санкций, экономика России начала испытывать

трудности. Дальнейшее обесценивание рубля и природных ресурсов, использование которых лежит в основе формирования госбюджета, может еще более усугубить экономическую обстановку в стране. В этой кризисной, переломной ситуации патриотизм способен придавать смысл деятельности человека, давать человеку «цель» и делать его «цельной личностью».

В подобные времена заработные платы могут падать и выплачиваться нерегулярно, возможно сокращение численности персонала предприятий. В такие моменты патриотизм, как корпоративный, так и государственный, крайне необходим. Ухудшение материального положения может реально компенсироваться патриотическими настроениями, реализацией духовных потребностей, ощущением борьбы за правое дело. Патриотизм нужен, чтобы обрести «опору под ногами» и одновременно возвыситься над текущими, сугубо материальными проблемами. Как говорил известный французский философ Альфред Фулье, «нравственный человек составляет противоположность Антею: силу свою он обретает не от прикосновения к земле, а поднимая глаза ввысь, к далекому и с виду недоступному идеалу» [цит. по 10].

Литература

1. Малеева Т.М., Овчарова Л.Н. Рекомендации по долгосрочным и краткосрочным мерам в социальной политике // Экономическая политика. – 2010. - №1.
2. Барков С.А., Люботурова Т.А. Воспитание корпоративного патриотизма как задача современного менеджмента // Вестник Московского университета. Серия 18. – Социология и политология. – 2008. - №2.
3. Рейтинг летунов. Чаще всего место работы меняют PR-менеджеры. [Электронный ресурс]: Исследование / Исследовательский центр Superjob – Электрон. изд. – М, 2010. – Режим доступа к журн.: <http://www.superjob.ru/community/life/46751>. Дата обращения: 20.12.2015.
4. Кравченко А.И. Прикладная социология и менеджмент: Хрестоматия: учеб. пос. \ Кравченко А.И. – М: Издательство Московского университета, 1998.
5. Sweezy, Paul M. Labor and monopoly capital: the degradation of work in the twentieth century / Harry Braverman. – New York : Monthly Review Press, 1998.
6. Как донести корпоративные ценности до каждого сотрудника [Электронный ресурс] // Портал консалтинговой компании «Лаборатория «Гуманитарные технологии». Режим доступа: <http://www.ht.ru/cms/tad/101012-2009-11-28-09-05-58>. Дата обращения: 16.01.2016.
7. Вопросы мотивации [Электронный ресурс] // Корпоративная газета Locotech. – 2015. - № 2. Режим доступа: <http://www.locotech.ru/newspaper/>. Дата обращения: 10.01.2016.
8. Дудка Б.А., Вишневский А.С. Согласование личных жизненных целей и целей компании // «Вестник Донецкого национального университета». Серия В. – «Экономика и право» . – 2012. - № 2.
9. Нематериальная мотивация персонала – система, способы, примеры. [Электронный ресурс] // Журнал «Генеральный директор». – 2014 г. Режим доступа: <http://www.gd.ru/articles/3289-nematerialnaya-motivatsiya-personala>. Дата обращения: 19.01.2016.
10. Топоров В. Н. Символ и ритуал / М.: Наука, 1983.
11. Хоромин Н. Я. Энциклопедия мудрости / М.: Русская книга, 2004.

Социальная стратификация после образования КНР

У Яо

После 1949 г. с образованием КНР социальная структура в Китае сильно изменилась: бывшие социальные классы исчезли, вместе с тем постепенно сформировались новые типы классов. В статье рассматриваются изменения стратификационного характера, произошедшие в китайском обществе в течение 30 лет (с 1949 по 1979 год). Автор уделяет особое внимание историческим событиям и социальным институтам, связанным с трансформацией структуры общества, и отдельно говорит о системе прописки, которая сыграла огромную роль в жизни городских и сельских жителей Китая.

Ключевые слова: социальная структура, стратификация, Китай, крестьяне, рабочие, аграрная реформа, национализация, система прописки.

Wu Yao

Social stratification after the founding of the PRC. Since the foundation of the People's Republic of China in 1949 social structure of this country has been totally reconstructed. Old classes disappeared, at the same time new types of classes were shaped. In article we are talking about the changes of social stratification in Chinese society in 30 years (from 1949 to 1979). The author devoted separate attention on historical events and social institutes, which lead to transformation of the Chinese social structure. Besides, the author specially stops on discuss of the hukou system, which greatly affects the lives of Chinese urban and rural residents.

Key words: social structure, stratification, China peasants, workers, and reform, joint state-private ownership, hukou system.

Принято считать, что в китайской социологии проблема социальной стратификации после образования КНР прошла 5 различных этапов: первый этап (1949-1957 годы) – господство марксизма; второй этап (1957-1978 годы) – классификация по политическим критериям; третий этап (1978-1980 годы) – переходный период; четвёртый этап (1985-1990 годы) – появление огромного разрыва в доходах между богатыми и бедными и пятый этап (с середины 1990-х годов прошлого века) – формирование более устойчивой социальной структуры. Так что при исследовании вопроса классификации китайского общества в первую очередь следует определить классовые характеристики каждого периода в соответствии с историческими событиями.

До 1949 г. в Китае существовали следующие элементы высшего класса: государственные служащие и чиновники, капиталисты и помещики (в деревнях). Но после образования КНР ситуация резко изменилась: изначально бывшие помещики и капиталисты вошли в слой чиновников, которые стали единственной составной частью высшего класса. После 1949 г. в городе главные социальные классы включают в себя рабочий класс, национальную буржуазию и мелкую буржуазию. Предприятия (в том числе 2800 промышленных и переработки ресурсов, и около 2400 финансовых предприятий), которые раньше принадлежали национальной буржуазии, были переданы в собственность новому

Таблица 1
Владение землей до аграрной реформы [5]

Классы	Численность населения (млн.)	Доля в численности населения (%)	Общая площадь земли (млн.)	Владение землей (%)	Площадь земли на душу населения (му)
Бедняки	241,2	52,37	215	14,28	0,89
Средняки	152,6	33,13	465,8	30,94	3,05
Кулаки	21,4	4,66	205,7	13,66	9,59
Помещики	21,9	4,75	575,9	38,26	26,32
остальные	23,4	5,09	43	2,86	1,83
Итого	460,5	100	1,505	100	3,27

Таблица 2
Данные о процентном соотношении населения владевшего землей после аграрной реформы [5].

Классы	Численность населения (%)	Владение землей (%)	Площадь земли на 1 семью (му)
Бедняки	52,2	47,1	12,5
Средняки	39,9	44,3	19,0
Кулаки	5,3	6,4	25,1
Помещики	2,6	2,2	12,2
Итого	100	100	25,3

правительству. Вместе с тем в развитии рабочего класса произошла дифференциация, в результате сформировались новые классы: рабочие государственных предприятий, рабочие частных предприятий и чиновники. Учёные считают, что изменения были связаны с двумя историческими событиями: аграрной реформой и национализацией.

Аграрная реформа (1950-1953 годы) – это система законодательных и организационных мер, направленных на коренное преобразование земельных отношений. Реформа через глубокую социальную революцию искоренила эксплуатацию, ликвидировала феодальные производственные отношения и класс помещиков. В процессе реформации конфискованную землю у помещиков безвозмездно передали безземельным и малоземельным крестьянам. После окончания реформы в стране 300 млн. крестьяне получили около 700 млн. му (мера площади в Китае, равная 1/15 гектара) земли и большое количество производственных средств [15].

В 1949 г. численность китайского населения составила 542 мл. человек, среди них зарегистрированное сельское население занимало большую долю - 89,4% [10]. Эти данные показывают, что в то время структура китайского общества носила следующий характер: в стране

90% экономики занимала частная аграрная экономика и кустарно-промышленная экономика [1, с. 155]. Судя по этим данным, развитие китайской экономики сильно отставало от темпов развития других государств, и в особенности - от социалистических стран. В старом Китае помещики, составлявшие менее 10% сельского населения, владели почти 70%-80% земли; по сравнению с этим, бедняки и середняки, составлявшие свыше 90% населения деревни, владели всего лишь 20 – 30% земли [3, с. 133-186]. 24-ого января 1950 г. ЦК КПК постановил начало подготовительных работ в новых освобожденных районах. В июне 1950 г. на третьем пленуме ЦК КПК 7-го созыва обсудили реформу земельных институтов в этих районах. Позже заместитель председателя ЦК КПК Лю Шаоци на 2-ом пленуме НПКСК первого созыва выступил с докладом «О проблеме аграрной реформы» [14]. На пленуме обсудили доклад Лю Шаоци и приняли резолюцию закона «Об аграрной реформе». В том же году Центральное народное правительство опубликовало закон «Об аграрной реформе», в котором ЦК решил постепенно проводить земельную реформу в Китае. После того как Центральный народный правительственный совет Китая принял закон о земельной реформе, помещичья собственность на зем-

лю была ликвидирована: 300 млн. малоземельных и безземельных крестьян получили конфискованные 47 млн. га земли у помещиков [4, с. 112]. В результате феодальная собственность на землю уступила место единоличной частной крестьянской собственности.

Так, в провинции Чжэцзян до реформы было проведено исследование по социальным классам: в исследуемых 64 деревнях социальная структура состояла из следующих элементов: помещиков (3,4%), кулаков (4%), середняков (30,7%), бедняков (45,3%), батраков (7,5%), остальных (9,1%). После окончания реформы по учёту помещики занимали 2,8% от общего сельского населения; кулаки – 2,01%; середняки – 30%; бедняки – 53,16%; остальные (включающие в себя арендаторов земли, сельских капиталистов т.д.) – 12,03% [6, с. 637].

После реформы в деревнях появились две новые тенденции. Во-первых, получив землю, безземельные крестьяне активно участвовали в сельском производстве, благодаря чему разрушенное войной сельское хозяйство было быстро восстановлено. Тем не менее, в связи с тем, что середняки, бедняки и батраки, представляющие собой главную составную часть сельского населения (80-90%) улучшили уровень жизни, в обществе наблюдалась новая тенденция – «осереднячение» крестьянства. Во-вторых, в то время реальная производительность сельского хозяйства была не очень высокой, в условиях незрелой рыночной экономики крестьяне не могли противостоять влиянию стихийных бедствий и рыночных колебаний, поэтому наблюдалась ещё одна тенденция: неравенство в деревнях привело к значительному расслоению даже внутри одного слоя. Например, некоторые крестьяне продавали свою землю, чтобы восполнить потерю сельских пособий, и стали крайне бедными; другие умело занимались хозяйством и обогатились. Поэтому в короткое время в деревенской социальной структуре произошло новое изменение. По данным на 1953 г., процент бедняков и батраков упал с 70% до 30%, а доля середняков выросла с 20% до 60% [15].

Хотя после земельной реформы в китайских деревнях были проведены другие проекты, связанные с решением появившихся проблем (в том числе проект кооперации труда в сельском хозяйстве), но считается, что на сельскую струк-

туру самое значительное воздействие оказала земельная реформа. Дальше под воздействием институтов народной коммуны, единого централизованного планирования покупки и продажи и жесткой прописки по месту жительства, была сформирована плановая экономика и дуальная структура в городах и деревнях, которая сильно сказалась на социальной структуре общества китайских деревень.

Вторым знаменитым историческим событием считается появление совместной частно-государственной собственности (joint state-private ownership). Это понятие относится к взаимодействию государственного и частного сектора для повышения производительных сил труда и решения общественных проблем.

В 1956 г. китайское правительство начало осуществлять социалистическую реконструкцию предприятий с национальным капиталом, используя различные виды государственного капитализма, процесс перешел ко второму этапу – национализации (перевод частных предприятий в государственные). На самом же деле в этом процессе китайское правительство принудительно ограничило экономическую монополию рынка: отсутствие контроля и справедливости сильно сказалось на предпринимателях.

В 1958 г. национализация в основном завершила свою задачу, все частные предприятия стали государственными. Хотя предприниматели потеряли собственность, они сохранили свое место в высшем управленческом классе и стали частью класса чиновников. Рабочие государственных предприятий в социальной структуре занимали малую долю, но они представляли собой единственных «аристократов» среди рабочих, так как они сильно отличались от обычных рабочих (бывших крестьян): у них была по тем временам высокая зарплата и множество привилегий. Но по сравнению с чиновниками, которые стабильно получали самую высокую зарплату, рабочие не имели таких явных преимуществ. Поэтому в то время они, будучи не средним классом, занимали промежуточное место в социальной структуре. Низший слой – самый бедный, малообразованный и незащищенный слой в китайском обществе – включал крестьянство. Слабая производительность труда в сельском хозяйстве и строгий контроль над свободным передвижением населения привели к еще большему обеднению крестьян.

В 1950-х годах в китайской социальной структуре чиновники находились в высшем иерархическом слое. Долгое время в стране наблюдалось не только постоянное увеличение числа чиновников, но и заметное изменение в их составе: доля государственных служащих сократилась, вместо этого увеличился процент чиновников из государственных предприятий и учреждений. Все технические специалисты в то время были чиновниками. С 1952 г. по 1959 г. число технических специалистов увеличилось с 360 тыс. до 1,6 млн. Из них большинство – это учителя, инженеры, медицинские работники и т.д. [7, с. 1].

Китайский социолог Ли И считает, что в период с 1959 по 1979 г. для китайской социальной структуры характерен трехслойный иерархический порядок: в 1959 г. 10 млн. государственных чиновников находились в высшем слое; 35 млн. рабочих государственных предприятий занимали промежуточное положение; 200 млн. крестьян представляли собой низший слой [12, с. 74].

Существует еще одна очень влиятельная система, которая с 1950-х годов начала воздействовать на китайское общество. Это – система прописки, которая институционально разделила китайское общество на две подсистемы и создала «скрытую стену» между городскими и сельскими областями. С рождения человек получал прописку (вид которой зависел от вида прописки его матери) и сохранял её на всю жизнь (за редким исключением). В прошлом веке, если человек имел городскую прописку, он по рождению приобретал такие социальные блага, как продуктовое обеспечение, жилье, образование, медицинское страхование, пенсию, гарантированную работу и т.д. Однако люди, прописанные в сёлах, как правило, пользовались либо частью вышеперечисленных льгот, либо вообще не пользовались никакими социальными благами, доступными горожанам.

Таким образом, городская прописка предлагала человеку значительные льготные условия, на основе чего возникали два типа людей, различающихся доходами и образом жизни. Даже если человек с городской пропиской живет в деревне, он пользуется городскими правами и связанными с ними привилегиями, в отличие от изначально сельского жителя. Проявившиеся различия между горожанином и крестья-

нином невозможно объяснить только различиями между городскими и сельскими областями. Нужно отметить, что система прописки и связанные с ней административные ограничения защищали жителей с городской пропиской, чтобы их не затронул процесс вертикальной мобильности при переезде из города в деревню.

В 1955 г. в связи с усилением административного контроля китайское правительство издало приказ об установлении системы прописки, которая всё ещё в различных вариациях действует в нынешнее время. Все члены общества по месту жительства были разделены на два вида: городские и сельские жители. Введение системы контроля прописки свидетельствовало о том, что правительство заметило проблему демографического давления, являющуюся побочным эффектом быстрого развития индустриализации в Китае. После окончания второй гражданской войны (1946-1949 гг.) и краткосрочного восстановления экономики (1950-1952 гг.) по решению правительства миллионы крестьян были мобилизованы для работы в городах, где строились новые промышленные заводы и фабрики. Вместе с тем, большинство крестьян сами переехали в город для поиска работы. Чтобы сократить количество приехавших, правительство впервые использовало систему прописки для классификации населения и ограничения миграции из сельских областей. Также это позволяло вернуть нелегально приехавших назад в деревню.

Более строгое ограничение миграционного движения было во время большого скачка (1958-1960 гг.). По официальным данным, в связи с растущей индустриализацией и развитием города доля горожан от общей численности населения страны выросла с 16,2% в 1958 г. до 19,7% в 1960 г. [11]. Потом правительство зафиксировало, что производственная мощность сельского хозяйства не столь высока, чтобы кормить городских жителей (особенно во время большого скачка – тогда производительность сельского хозяйства резко уменьшилась). Так что, с начала 1959 г. правительство приняло ряд мер для осуществления контроля над миграцией, в том числе и систему прописки. В результате с 1961 по 1963 г. почти 18 млн. городских рабочих было отправлено обратно по месту жительства – деревню [9, с. 39]. Кроме того, чтобы решить проблему безработицы и нехват-

ки образовательных учреждений, более 20 млн. школьников и студентов направили в деревни во время Культурной революции (1967-1977 гг.) [8].

Считалось, что успешное продвижение системы прописки в управлении внутренними мигрантами найдет опору в двух административных системах: с одной стороны, в деревнях «коммунализация» приведет к усилению связи крестьянина с землей. Все члены коммуны были вынуждены участвовать в сельском производстве, иначе их не обеспечивали продуктами. Однако по распоряжению народной коммуны продуктивное снабжение не полагалось тому, кто по личному намерению переехал в город работать. С другой стороны, для большинства городских жителей основной административной единицей являлись места их работы (work unit), которые предлагали социальные услуги только своим рабочим. Без места работы человеку невозможно жить в городе, потому что на рынке все необходимые жизненные блага (в том числе жилье, продукты и другие социальные услуги) не продаются. Тем не менее, уйдя из деревни, даже если сельские жители были готовы рисковать потерять продуктивное обеспечение, им было всё равно трудно найти работу в городе в связи с тем, что правительство управляет системой квот на работы. Так что строгий административный контроль с обеих сторон (городской и сельской) фактически ограничивали недовольную миграцию из сельской в городскую область.

Экономическая реформа 1980-х годов ослабила административный контроль системы прописки. Официальная отмена системы коммун в 1978 г. освободила крестьян от земли, и разрешила свободное перемещение в городские области. В то же время чтобы восстановить разрушенную Культурной Революцией экономику, обе стороны (городская и сельская) создали более выгодные условия для увеличения миграции из деревень в города.

Во-первых, в деревнях ввели новую экономическую систему — систему семейной подрядной ответственности, которая позволила крестьянам арендовать землю и продавать избыток хлеба на открытом рынке. Эта политика в значительной степени увеличила производительность сельского хозяйства, дала возможность рабочим заниматься не только сельскими обязанностями и создала необходимые условия для миграции сельских жителей.

Во-вторых, со временем институт рабочих квот в городах стал не очень строгим, это расширило перечень потенциальных рабочих возможностей для сельских мигрантов. С целью стимулирования развития сферы услуг, правительство поощряло участие мигрантов в малом бизнесе (как например, услуги по ремонту обуви, парикмахерские услуги и ресторанный бизнес). Дальше миллионы мигрантов из деревень нашли работу в городе в связи с бурным развитием рыночной экономики. Некоторые государственные предприятия и учреждения при найме работников предпочитали мигрантов, так как мигранты не требуют от работодателя жилья и других социальных льгот, к тому же, некоторые виды работы не интересуют городских жителей. В конце 1990-х годов число «плавающего населения» достигло 70 млн. (хотя некоторые учёные настаивают на том, что до конца XX века число сельских мигрантов достигло 90 млн.) [13].

Несмотря на то, что после начала проведения экономической реформы социальная мобильность и характер работ в городе стал сравнительно облегченным, система прописки, тем не менее, сохранила свое влияние. Для мигрантов-рабочих из деревень без городской прописки определялся «второй класс», который не имел равных прав на работу и социальных льгот, как городские рабочие. Китайский ученый Бянь Яньцзе указывает, что на самом деле реформа социализма в Китае производит значительное по масштабам количество горожан «второго класса» без городской прописки [16].

Кроме несправедливости в сфере работы система прописки оказывает влияние на жизненный мир человека. Становится очевидным тот факт, что уникальные навыки и образование являются ключом к приобщению к творческим или же креативным профессиям и, следовательно, к вхождению в высший класс общества [2]. Например, теоретически все имеют равное право на получение образования. Но в реальном мире ситуация немного сложнее. По сравнению с городскими жителями, человек с сельской пропиской получает неравноценное образование, так как в деревнях не хватает образовательных ресурсов. Для мигрантов, даже когда они живут в городе, их возможность получения образования ограничивается в таких ситуациях, как поступление в школу (вуз), по-

лучение профессиональной подготовки и т.п. Возможность участия в политической жизни в Китае также неравная у людей с разными прописками. Большинство жителей в деревнях обладает наименьшими шансами вступить в политическую сферу для реализации своей активной позиции.

Таким образом, система прописки создала институциональную границу между городскими и сельскими жителями, и эта разница приобретает иные институциональные различия в китайском обществе. Продолжение действия этой системы свидетельствует о том, что она в значительной степени формирует социально-экономическое положение страны и влияет на стиль жизни современных китайцев.

Принимая во внимание все вышесказанное, мы приходим к выводу: до экономической реформы 1980-х годов социальная стратификация в Китае прошла два периода, в которых часть элементов социальной структуры изменилась. Этот процесс находился под сильным влиянием нескольких реформ. Во-первых - аграрная реформа. Она предложила возможность безземельным крестьянам получить средства производства и сильно воздействовала на изменение социальной структуры в селах. Во-вторых - национализация, которая в основном действовала в городах. С одной стороны, национализация привела к тому, что больше рабочих вошли в промежуточный слой социальной структуры, а с другой стороны, бывшие капиталисты (предприниматели) вошли в управленческий класс. В-третьих - система прописки. Несмотря на то, что эта система благоприятствовала укреплению социального управления, но она также строго запретила свободную социальную мобильность и стала коренной причиной большого разрыва в доходах между городскими и сельскими жителями. Влияние этих институтов сохранялось до тех пор, пока в Китае не начали проводить политику «реформ и открытости». После 1980-х годов в связи с тем, что правительство приняло новые управленческие меры, эти институты ослабили свое влияние на общество. Однако система прописки всё-таки сохраняет большое значение для формирования социальной структуры в современном Китае.

Литература

1. Ван Ц. Мао Цзэдун и китайская индустриализация. Фучжоу, 2001.
2. Мамедов А.К. Информационное общество: новая онтология социального неравенства. // Вестн. Моск. Уни-та. Сер.18. Социология и политология. 2014. № 1
3. Мао Цзэдун. Китайская революция и Коммунистическая партия Китая // Избранные произведения. Том 3. — М., Издательство иностранной литературы, 1953.
4. Островитянов К.В. Шепилов Д.Т. Леонтьев Л.А. Лаптев И.Д. Кузьминов И.И. Гатовский Л.М. Политическая экономия. Москва, 1954.
5. Сельское хозяйство Китая в течение 30 лет (1949-1979). Государственное статистическое управление КНР, 1980.
6. Справочник по городу Шаосин, Т.2. Чжэцян, 1996.
7. Статистический подсчет китайских чиновников (1949-1998). Отдел ЦК КПК по организационной работе, 1999.
8. Bernstein, T. P. Up to the Mountains and Down to the Villages: The Transfer of Youth from Urban to Rural China. New Haven: Yale University Press, 1977.
9. Chan, K. W. Cities with Invisible Walls. Hong Kong, 1994.
10. Demographic growth in China. Beijing, national bureau of statistics of China, 2009. URL: http://www.stats.gov.cn/zjtj/zftx/qzxyzg_60zn/200909/t20090911_68637.htm . (accessed: 11.09.2009)
11. Industrial Output, Non-agricultural Employment, and Urbanization: China 1952-1999. National Bureau of statistics of China, 1998, 1999.
12. Yi. The Structure and Evolution of Chinese Social Stratification. University Press of America, 2005.
13. Ma, Z. Temporary Migration and Regional Development in China. // Environment and Planning, A 31. 1999.
14. Problems of Reform. Liu Shaoqi, 1950. URL: <http://www.xiexingcun.com/lushaoqi/xj042.htm>
15. The social structure of Chinese rural area before and after the land reform. Beijing, 2002. URL: <http://www.china.com.cn/chinese/PI-c/105068.htm>. (assessed: 04.2014)
16. Yanjie Bian. Work and Inequality in Urban China. Albany: State University of New York Press, 1994.

Профессиональная идентичность молодых врачей и формирование профессиональной идентичности на индивидуальном уровне: зарубежный опыт исследований

Галкин К.А.

В данной статье рассматриваются зарубежная литература по изучению формирования профессиональной идентичности молодых врачей. В статье делается упор на литературу, по индивидуальному уровню, формирования идентичности. Основная цель статьи проанализировать зарубежную литературу и исследования по формированию профессиональной идентичности молодых врачей определить ключевые факторы профессиональной жизни молодого врача, влияющие на формирование индивидуальной профессиональной идентичности.

Ключевые слова:

индивидуальная профессиональная идентичность, молодые врачи, формирование профессиональной идентичности, зарубежный опыт исследований профессиональной идентичности врачей

Professional identity of young doctors and the formation of professional identity at the individual level: foreign experience research

Galkin K.A.

National Research University «Higher School of Economics»

This article focuses on foreign literature on the study of the formation of professional identity of young doctors. The article focuses on the literature and on an individual level, identity formation. The main purpose of the article to analyze the foreign literature and research on the formation of a professional to determine the key factors of the professional life of a young doctor, affecting the formation of the individual professional identity.

Keywords: Individual professional identity, young doctors, the formation of professional identity, foreign experience of research of professional identity of doctors

Сегодня медицина, как поле профессиональных взаимодействий и конструирования идентичностей, претерпевает существенные изменения. Формирование профессиональной идентичности врачей становится неотъемлемой частью современных исследований социологии профессий и социологии медицины. В работах, посвященных исследованиям профессиональной идентичности врачей, идентичность часто рассматривается, как сформированный конструкт. Изучается профессиональная идентификация специалистов, которые давно пришли в профессию. Профессиональная идентичность, в данном случае, рассматривается как элемент формирования определенного сообщества с устоявшимися нормами и принципами. Однако, основные проблемы построения профессиональной идентификации, как и основные проблемы профессионального взаимодействия, часто выявляются, как раз на начальном этапе построения идентичности. Следовательно, исследование механизмов построения профессиональной идентичности молодых врачей, является стимулом к пониманию трудностей и проблем, возможных вариантов интеграции молодых врачей в профессию. Трудно представить формирование профессиональной идентичности молодого врача в отрыве от повседневных взаимодействий на работе и личных планов и карьерных траекторий, молодых врачей. Профессиональная жизнь современных врачей находится сразу в двух плоскостях социального

действия: заяцевидной и барсукообразной социальной коммуникации и социальной интеракции. Личная жизнь, карьерные стратегии, отношения на работе, реализация полученных знаний на практике, вот основные компоненты повседневной жизни современного медицинского работника. Индивидуальные практики взаимодействия и коммуникации молодых врачей в рабочей среде заслуживают особого внимания в качестве объекта изучения. Цель данной статьи проанализировать теоретические подходы к исследованию формирования профессиональной идентичности молодых врачей на индивидуальном уровне и определить ключевые факторы профессиональной жизни молодого врача, влияющие на формирование индивидуальной профессиональной идентичности.

Профессиональная идентичность является частью, социальной идентичности и важным аспектом формирования индивидуальной идентификации. Профессиональная идентичность, выстраивается на основании практик, коммуникации и взаимодействия в профессиональной сфере, и того, как индивид видит себя в контексте организации. [Wenger, 1998] [Arker and Eggly, 2004] Современное понимание концепта, профессиональной идентичности строится на основании, исследований повседневных практик индивидуума, куда включены профессиональное взаимодействие и интеракция в рабочей среде. Айзенберг, утверждает, что для того, чтобы понять процесс построения профессиональной идентичности молодых врачей, мы должны рассматривать идентичность, как «динамичный, множественный и постоянно развивающийся конструкт, который не возможен в отрыве от социальных практик врача и постоянных взаимодействий» [Eisenber 2001, p. 281] Для понимания, профессиональной идентичности молодых врачей в данном случае необходимо рассматривать все нюансы, касающиеся профессиональной коммуникации и взаимодействий в рабочей среде. Часто, в исследованиях профессиональной идентичности процесс построения идентификации молодыми врачами, рассматривается через аспекты образования и социализацию, процессы социализации в данном случае выступают структурообразующими элементами профессиональной идентичности молодых врачей. [Moprouhe, 2010] [Ruunanen, 2001] Используя такой подход, авторы часто приравнивают

процесс социализации молодых врачей, к процессу построения профессиональной идентичности, при этом связь между медицинской социализацией и построением профессиональной идентичности индивидуума, остается не ясной. Социализация в медицине, это процесс, который определен, получением профессионального образования и последующей интеграцией в профессию, как правило, процесс социализации молодого врача обусловлен, принятием определенных практик, принятых в медицинском сообществе и усвоением профессиональных, этических кодексов и норм. [Moprouhe, 2010] [Ruunanen, 2001] Профессиональную социализацию, часто характеризуют, как кратковременный процесс. Построение профессиональной идентичности- длительный процесс, который может, происходить в течении всей жизни, и если в процессе социализации молодых врачей основными агентами выступают преподаватели, коллеги, пир группы, [Ruunanen, 2001] то для процесса построения профессиональной идентичности характерна индивидуальность. Сам индивид, молодой врач, выступает в качестве главного актора своей профессиональной идентичности, профессиональная идентичность, в данном случае это то, как индивид видит себя в своем профессиональном поле. [Arker and Eggly, 2004]

В современной литературе, по формированию профессиональной идентичности в медицине был выделен целый ряд факторов, который является структурообразующим в процессе формирования профессиональной идентичности, как во время обучения медицинских работников, так и во время первых лет практики: Эти факторы включают в себя индивидуальные особенности [Adams et al., 2006], [Arker and Eggly, 2004] особенности внешней среды, такие как дефицит, времени [Niemi, 1997] коммуникацию и взаимодействие с коллегами [Arker and Eggly, 2004], знание терминов и профессионального языка [Lingard et al., 2002], [Arker and Eggly, 2004] участие в работе, полная интеграция в рабочий процесс [Niemi, 1997] [Wenger, 1998] образовательный опыт и возможность применения навыков полученных во время образования на практике, а также переосмысление образовательного опыта. [Bleakley, 2006]

Дискурс относительно становления профессиональной идентичности, молодых врачей ча-

сто рассматривает профессиональную идентичность с точки зрения идеализации профессии медика. Классическое представление медицинской профессии по Парсонсу - состоит из нескольких структурных компонентов. Специфичность, экспертность, профессионализм - высокий уровень профессионализма, хорошая техническая подготовка и постоянное самосовершенствование в профессии. Нейтральность-подход к проблематике заболеваний и болезней, исключительно с профессиональной точки зрения, отсутствие чувственного и эмоционального переживания. Коллективное взаимодействие-ориентир на коллективную, профессиональную коммуникацию, коллегиальность. Этические обязательства перед пациентом - поставит жизнь, здоровье, благополучие пациента, выше своих индивидуальных потребностей. [Parsons, 1951]

Однако, существуют явные различия, между идеализированной версией профессии врача и представлением о медицинской профессии у практикующих молодых специалистов, которые сталкиваются с проблемами, практиками, взаимодействием и коммуникацией в «реальной профессиональной жизни» [Melia, 1987] Поэтому процесс формирования профессиональной идентичности в медицине не возможно представить без изучения, индивидуального представления, о том, что значит быть врачом, и как индивидуумы видят для себя медицинскую профессию. [Cohen, 1981]

Индивид, является важным элементом, понимания процесса профессиональной идентичности с одной стороны, а с другой стороны именно индивидуумы выступают «ключом», к пониманию как с какими трудностями, сталкиваются молодые специалисты, во время интеграции в профессию, и взаимодействиям в профессиональной сфере. Именно нарративные истории, способствуют раскрытию всех механизмов формирования идентичности и понимания, профессиональной идентификации, с точки зрения главного актора- молодого врача. Использование, качественной методологии в контексте изучения формирования профессиональной идентичности молодых врачей в данном случае выступает приоритетной базой к пониманию механизмов личной профессиональной идентификации. [Clandinin, 2008]

Венгер, в своих работах определяет профессиональную идентичность, как повседнев-

ные практики взаимодействия и интеграции в профессиональной среде. Венгер, отмечает, что наилучший способ представления профессиональной идентичности, это описание данного термина, как жизненной траектории, что позволяет обеспечить согласованность, процесса профессиональной идентификации в будущем, прошлом и настоящем. [Hall et al., 2008] [Wenger, 1998] Венгер, определяет ряд, траекторий, профессиональной идентичности в медицине, по которым следуют индивидуумы.

Периферийные траектории- индивидуумы которые находятся на периферийной траектории, не полностью включены в медицинское сообщество, периферийные траектории, часто присущи, студентам, которые еще не вошли в профессиональное сообщество, но постепенно начинают перенимать практики и стили поведения принятые в сообществе.

Прибывающие траектории- характерны, для новичков, которые только вступают в профессиональное врачебное сообщество и еще не знакомому с его практиками по большей части, однако готовы к интеграции в сообщество и принятию принятых в сообществе норм поведения.

Инсайдерские траектории- характерны для профессионалов, которые давно работают в медицине и как правило принадлежат, к определенному профессиональному сообществу. Инсайдерские траектории, профессиональной идентичности, свидетельствуют о наличии у индивидуума определенной власти и полномочий.

Пограничные траектории- характерны для индивидуумов, которые по мимо медицинской профессии, занимаются фрилансом, в других профессиях или, хотят перейти из медицинской профессии в другую профессию, при этом это новое профессиональное поле, все равно остается, связанным с медициной, например переход молодого врача из остеопатов в массажисты.

Аутсайдерские траектории- характерны, для индивидуумов, которые полностью покидают профессию и занимаются совершенно отличным от медицины, ремеслом.

Венгер, полагает, что формирование индивидуальной профессиональной идентичности молодого врача, проходит через, множество различных формаций, и выбор одной траектории

формирования идентичности, может сменяться другой траекторией на протяжении всей жизни. [Wenger, 1998] Формирование профессиональной идентичности в медицине, таким образом, представляется, как сложный и многоуровневый конструкт, который основывается на различных индивидуальных и личностных факторах.

Повседневность и повседневные практики, оказывают влияние на формирование профессиональной идентичности молодых врачей. Повседневность взаимодействий и коммуникации в профессиональном пространстве индивидуума, играет решающее значение в контексте определения и формирования профессиональной идентичности. [Winslade, 2002]

В контексте повседневных практик идентичность молодых врачей рассматривается как, жизненная стратегия, то есть процесс, который обусловлен протяженностью жизни и оказывающий влияние на формирование профессиональной идентичности молодых врачей.

Последние исследования формирования профессиональной идентичности показывают, что процесс интеграции в профессию начинается еще до поступления в специальные учебные заведения, профессионального образования. [Skorikov, 2011] [Baernstein, 2009] Исследователи, отмечают, что молодые врачи закладывают определенные основы медицинского знания и медицинской культуры, до начала своего образования. Это могут быть интерес и тяга к профессии, также это могут быть расширенные знания относительно анатомии человеческого тела и его основных функций. Немаловажным фактором интеграции в профессию индивидуума является семья. Как показано в исследовании студенты медики, которые имеют хотя бы одного родственника, который специализируется на медицине, гораздо раньше начинают процесс интеграции в профессию и стараются выбрать медицину в качестве, поля своей профессиональной деятельности [Mann, 2011] [Baernstein, 2009]

Период обучения, - важный период формирования профессиональной идентичности молодых врачей. В процессе обучения у индивидуумов, формируется представление о медицинской профессии и о том, чем они будут заниматься в будущем. Научится взаимодействию и профессиональной коммуникации не возможно в рамках университетских курсов, однако индивидуальные цели и представления о буду-

ющей профессии позволяют индивидууму выбрать определенные поведенческие модели для интеграции в профессиональное поле. [Beaulieu, 2008] [Clandinin, 2008]

Взаимодействие с контекстом организации, где работает индивид, важный элемент построения индивидуальной профессиональной идентичности молодого врача. В начале такой организацией выступает университет, как место где концентрируется профессиональное сообщество, далее подобными организацией выступают клиники и больницы, где также присутствуют профессиональные практики и взаимодействие в профессиональном врачебном сообществе. [Berry, 2011] [Mann, 2011] Интеграция в профессиональное сообщество, усиливает развитие у индивидуума чувства ответственности за пациента, этические обязательства и нормы, а также культуру профессиональных взаимодействий и принятых сообществе норм и кодексов. [Mann, 2011] [Vegan, 2009] Интеграция в профессиональное сообщество, усиливает значимость «community practice», которые являются структурными элементами формирования профессиональной идентичности и интеграции в профессию. [Mann, 2011] [Borgstrom, 2010] Молодой врач, обычно движется от края профессионального сообщества (момент вступления в сообщество) к центру профессионального сообщества и принятия его практик, культуры общения в сообществе). Молодые врачи отмечали, что на начальном этапе обучения и интеграцию в профессию, они не ощущали себя частью профессионального сообщества, так как не ощущали «своей полезности» в профессиональном сообществе, однако в процессе постепенной интеграции в профессиональную сферу, они постепенно входили в сообщество в качестве профессионалов, которые могли быть полезными, и это являлось частью формирования профессиональной идентичности у и молодых врачей. [Berry, 2011] Поддержка со стороны, членов профессионального сообщества, которая заключается в личной поддержки и поддержки, профессиональной, это важнейший элемент укрепления профессиональной идентичности молодого врача. Взаимодействие с пациентами, также влияет на формирование профессиональной идентичности молодых врачей. Последние исследования

показывают, что у молодых врачей коммуникация с пациентами это довольно сложный процесс. В основном основные проблемы коммуникации и взаимодействия с пациентами это отсутствие практических навыков интеракции. Здесь, важную роль играет фактор, теоретического обучения, которое сильно отличается от практического и не способствует развитию практических навыков в коммуникационной системе врач-пациент. Коммуникационные проблемы в общении с пациентами могут затруднить процессы интеграции в профессию и формирование профессиональной идентичности у молодых врачей. [Lazzaro-Salazar, 2015] Важный компонент построения профессиональной идентичности молодых врачей, это взаимодействия с коллегами. В процессе, взаимодействия с коллегами, происходит интеграция в культуру и контекст организации, с одной стороны [Mann, 2011] с другой стороны, общение и взаимодействие с коллегами усиливает развитие чувства принадлежности (sense of belongings) к конкретному врачебному сообществу. Молодой врач, интегрируется в профессиональное сообщество, по средствам взаимодействия с его членами и развития ощущения себя внутри профессионального сообщества и его практик. [Bleakley, 2006]

В контексте, формирования профессиональной идентичности молодых врачей, следует отметить важность личной жизни и карьерных стратегий. Профессиональная идентичность, не может быть рассмотрена в отрыве от индивидуальных планов и взглядов индивидуума. Планируя стратегию, интеграции в профессиональную сферу, индивидуумы после завершения своего образования, стараются определить наилучшую модель построения своей карьеры в условиях современного рынка труда и личной материальной составляющей. Индивидуальные предпочтения, такие как основная профессия, фриланс, изменения профессии, также неотъемлемые элементы формирования профессиональной идентичности молодого врача. [Mann, 2011]

Заключение

В современной социологии медицины, все чаще при исследовании профессиональной идентичности молодых врачей применяется институциональный подход. Институциональные исследования профессиональной идентич-

ности молодых врачей, базируется на организационном уровне, в то время как индивидуальный уровень построения профессиональной идентичности врачей остается малоизученным. Однако, работа врача сопряжена не только с институциональными изменениями но и с работой и взаимодействиями с пациентами, персоналом больниц и вышестоящим начальством следовательно изучение профессиональной идентичности на индивидуальном уровне проектирования, является приоритетной областью социальных исследований. В работах, посвященных исследованиям, профессиональной идентичности врачей, идентичность часто рассматривается, как сформированный конструкт, изучается профессиональная идентификация специалистов, которые уже давно пришли в профессию. Однако основные проблемы построения профессиональной идентификации, как и основные проблемы профессионального взаимодействия часто выявляются как раз на начальном этапе построения профессиональной идентичности, следовательно исследование механизмов построения профессиональной идентичности молодых врачей, является стимулом к пониманию понимания трудностей, проблем, и возможных вариантов интеграции молодых врачей в профессию. Профессиональная идентичность, это сложное и комплексное понятие, следовательно для изучения профессиональной идентичности молодых врачей, необходимо исследование не только основных компонентов, влияющих на формирование, профессиональной идентификации, но и изучение личных, паттернов формирования профессиональной идентичности и исследование того как индивид видит себя в медицинской профессии. Следовательно, изучение профессиональной идентичности исходя из концепта жизненных стратегий молодых врачей позволяет рассмотреть построение профессиональной идентификации как элемент жизненного планирования и конструирования индивидуальных стратегий, это позволяет, говорить о профессиональной идентичности и маркерах профессиональной идентичности молодого врача, как части повседневной жизни современной российской молодежи.

Литература

1. Adams, K., Hean, S., Sturgis, P., & Macleod Clark, J. Investigating the factors influencing

professional identity of first-year health and social care students // *Learning in Health and Social Care*-2006-5, (2): 55-68.

2. Apker, J., & Eggy, S. Communicating Professional Identity in Medical Socialization: Considering the Ideological Discourse of Morning Report // *Qualitative Health Research*- 2004- (14): 411-429.

3. Baernstein A, Oelschlager AM, Amies E, Chang TA, Wenrich M. Learning Professionalism: Perspectives of Preclinical Medical Students. // *Acad Med*. 2009-84(5):574-581.

4. Berry LE. Creating community: strengthening education and practice partnerships through Communities of Practice. // *Int J Nurs Educ Scholarsh*.- 2011- 8(1):1-18.

5. Beaulieu MD, Rioux M, Rocher G, Samson L, Boucher L. Family practice: Professional identity in transition. A case study of family medicine in Canada. // *Soc Sci Med*.- 2008- 67(7)- 1153-1163.

6. Bleakley, A. Broadening conceptions of learning in medical education: the message from teamworking // *Medical Education*-2006- (40):150-157.

7. Borgstrom E, Cohn S, Barclay S. Medical Professionalism: Conflicting Values for Tomorrow's Doctors // *J Gen Intern Med*.- 2010- 25(12): 1330-1336.

8. Berry LE. Creating community: strengthening education and practice partnerships through Communities of Practice // *Int J Nurs Educ Scholarsh* - 2011- 8(1):1-18.

9. Clandinin, D.J., & Cave, M-T. Creating pedagogical spaces for developing doctor professional identity // *Medical Education*- 2008. 42: 765-770.

10. Cohen, H. *The Nurses Quest for a Professional Identity* / California, Addison-Wesley 1981.

11. Eisenberg, E. Building a mystery: Toward a new theory of communication and identity // *Journal of Communication*. 2001.- 51: 534-552.

12. Hall, K., Murphy, P., & Soler, J. (Eds) *Pedagogy and Practice –Culture and identities*. 2008- London- Sage.

13. Lazzaro-Salazar, M. Investigating Nurses' Professional Identity Construction in Two Health Settings in New Zealand. // Victoria University of Wellington. New Zealand. 2013.

14. Lingard, L., Reznick, P., DeVito, I. & Espin P Forming professional identities on the health care team: discursive construction of the "other" in the operating room // *Medical Education*.- 2002.-36 (8):728-734.

15. Mann KV. Theoretical perspectives in medical education: past experience and future possibilities. *Med Educ*.- 2011- 45(1): 60-68.

16. Melia, K. *Learning and Working: The Occupational Socialization of Nurses* / London.- 1987- Tavistock Publications Ltd.

17. Monrouxe, L. Identity, identification and medical education: why should we care? // *Medical Education*- 2010- 44 (1): 40-49.

18. Niemi, P. Medical students' professional identity: self-reflection during the preclinical years / *Medical Education*- 1997- 31:408-415.

19. Parsons, T. *The Social System* / Routledge and Kegan Paul. London. 1951.

20. Ryyanen, K *Constructing Physician's Professional Identity—Explorations of Students' Critical Experiences in Medical Education* [doctoral dissertation]- 2001.

21. Skorikov, V.,B, Vondracek, F.,W Occupational Identity. In Schwartz SJ, Luyckx K Vignoles VL, editors. *Handbook of Identity Theory and Research* / New York: Springer- 2011- p. 693-714.

22. Wenger, E. *Communities of practice: Learning, meaning and identity* / Cambridge 1998. Cambridge University Press.

23. Winslade, J. *Storying Professional Identity: From an Interview with John Winslade*, *International Journal of Narrative Therapy & Community Work*- 2002 4: 33-38.

Проблема управляемости спонтанных социальных процессов на глобальном, региональном и локальном уровне

Корнилович В.А

Проблема достижения социально-значимых результатов с использованием методов стратегического управления, проявленная в практике Организации Объединенных Наций, рассматривается автором с точки зрения соответствия этих методов знанию о социальной реальности. Внимание сосредоточено на выявлении эвристических возможностей социологических подходов к разработке Целей развития тысячелетия и Концепции устойчивого развития, в том числе: получение знания и информации о социальной действительности; определение мер контролируемого вмешательства в естественные процессы жизнедеятельности общества; конструирование новых практик управления общественным развитием.

Показано, что селекция знания, информации о социальной реальности и производство международными организациями стратегических документов уже содержат волевой момент и определенные представления о будущем и о том, какие социальные процессы должны быть активированы с их помощью. Вводимые посредством стратегий, концепций и целевых программ новые причинно-следственные связи в отношении социальных субъектов должны быть реализованы в естественных процессах жизнедеятельности общества. Постулируется, что стратегические документы выполняют регулятивную функцию, если корреспондируют с социальным проектированием.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, Концепция устойчивого развития, стратегическое управление, социальное стратегирование, формула управления, жизненные планы, спонтанные социальные процессы.

Problem of controllability of spontaneous social processes at the global, regional and local level

Kornilovich V.A

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
The problem of achievement of socially significant results with use of methods of strategic management shown in practice of the United Nations is considered by the author from the point of view of compliance of these methods to knowledge of social reality. The attention is concentrated on identification of heuristic opportunities of sociological approaches to development of the Millennium development goals and the Concept of a sustainable development, including: receiving knowledge and information on social reality; definition of measures of controlled intervention in natural processes of activity of society; designing new practician of management of social development.

It is postulated that strategic documents carry out regulatory function if correspond to social design.

Keywords: United Nations, Concept of a sustainable development, strategic management, social strategirovaniye, formula of management, vital plans, spontaneous social processes.

Настоящий материал готовился как основа для доклада, который был озвучен автором на 53-й сессии Комиссии социального развития (ЭКОСОС ООН) в феврале 2015 года в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. Следующие уже после доклада события в Сирии и Европе мы склонны рассматривать как подтверждение верности сделанных выводов.

В 2015 году практически все заседания Комиссий ЭКОСОС Организации Объединенных Наций были посвящены обсуждению итогового доклада Генерального секретаря ООН Пан Ги - Муна [1] и выработке положений нового документа – Концепции устойчивого развития. Чем вызван такой живой интерес международного экспертного и научного сообщества к докладу?

Главный вывод доклада состоит в том, что ни одна из 8 целей (ликвидация абсолютной бедности и голода, обеспечение всеобщего начального образования; содействие равноправию полов и расширению прав женщин; сокращение детской смертности; улучшение охраны материнского здоровья; борьба с ВИЧ/СПИДом, малярией и прочими заболеваниями; обеспечение экологической устойчивости; формирование всемирного партнерства в целях развития) не была достигнута. Более того, чиновниками ООН, а также представителями миссий государств-членов ООН были актуализированы проблемы осуществления Целей развития тысячелетия, дистанцирования населения от решений ООН и их реализации на региональном и локальном уровнях.

Можно с уверенностью сказать, что международные организации и правительства стран в условиях происходящих глобальных изменений и ожидаемых преобразований на региональном и локальном уровнях, существующих различиях в экономическом и социально-культурном развитии сталкиваются с качественно новыми задачами. Это задачи управления социальными изменениями. Для решения задач такого уровня сложности уже недостаточно существующих

теоретических концепций социального развития, экономического обоснования показателей роста: требуются новое специальное знание, расширяющее наше представление о явлениях планирования своего будущего индивидами и социальными группами уровня. Требуется новое знание о социальной реальности, которое будет определять повестку дня на 2016 и последующие годы.

В первом приближении, планирование людьми своего будущего — это особый тип рациональности, проявляемый на уровне обыденного сознания и поведения. Ведь в каждом из нас присутствует элемент «желаемого будущего» как интенциональная установка, которую мы называем «стратегемой». Помимо всех прочих факторов, она определяет активность и направленность индивидуального и группового поведения, наполняя смыслом и содержанием процессы взаимодействия индивида с социальной структурой и культурой общества. Жизненные планы присутствуют в повседневной деятельности людей вне зависимости от того, что думают по данному поводу органы власти, есть ли у государства стратегия или план долгосрочного развития. Априори можем сказать, что планирование людьми собственного будущего и продуктивная деятельность по реализации жизненного плана отражает феноменологические свойства спонтанных социальных процессов.

Таким образом, социальные факты, наблюдаемые в повседневной жизни позволяют нам выделить социологический факт, названный нами «социальное стратегирование», где проявляется субъектность индивидов и социальных групп в управлении процессами долгосрочного развития.

Воспользовавшись утверждением Г. Зиммеля о том, что «открытость общества целям-проектам, которые намечает для себя человек (то есть ещё не случившемуся, но уже помысленному) отражает «податливость» социального мира» [2, 513], мы постулируем: феномен социального стратегирования содержит потенциальность для решения проблем: контролируемого вмешательства в естественные процессы жизнедеятельности общества и управляемости процессов развития общественной системы.

Отсюда логически вытекает ряд вопросов. Под влиянием каких факторов — управляемых переменных складывается и развивается прак-

тика планирования и реализации людьми собственных жизненных планов? Являются ли эти факторы имманентными индивидуальным и коллективным социальным субъектам (логическими и эпистемологическими) или внешними, заданными «значимыми» другими, нормативно-ценностными конструктами конкретного общества? Вполне вероятно, что действуют обе группы факторов и социальные условия, тогда каковы их отношения?

С другой стороны, нельзя не признать, что разработка и реализация стратегий является высшей функцией государства: посредством концепций, прогнозов, стратегий и целевых программ властно-управленческая вертикаль программирует процессы социального развития. То есть, государство, исходя из собственного видения проблем, имеющихся ресурсов и способности публичной власти устанавливать правила, создаёт искусственную, удобную и привлекательную для себя систему связей и отношений социальных субъектов, которая способна не обращать внимания на многие естественные процессы жизнедеятельности общества.

Попытки российских реформаторов внедрения в практику управления западных моделей стратегического планирования и «вовлечения» населения, экспертных групп, общественных организаций в процесс разработки и публичного обсуждения проектов стратегических документов не решили обозначенного противоречия. Напротив, мы можем наблюдать, что целенаправленные действия органов власти и управления по реализации стратегий, национальных приоритетных проектов, долгосрочных программ, направленных на социально-экономическое развитие российского общества, привели к непредвиденным следствиям: разбалансированности социальной системы, деградации её отдельных элементов и подструктур, «размыванию» нормативно-ценностного комплекса социального доверия, как важнейшего фактора, определяющего характер не только межличностных, но и всех социальных отношений в целом, поддерживающего устойчивость и интегрированность общества» [3, 8].

Характер проведения социально-экономических, политических и административных реформ в России заставляет нас актуализировать существующую в социальной действительности

ти закономерность: к определённой форме организации жизнедеятельности общество подходит постепенно — это есть концентрированный опыт многих поколений, она неразрывно связана с культурой народа, с природой и территорией страны, её геополитическим расположением, историческими судьбами. Вот почему, рассматривая проблему управления развитием общества или интеграционного комплекса аналогичного ЕС (или интеграционных проектов — Движение неприсоединившихся стран или Объединение американских государств, Африканский Союз), нельзя обойти существующую связь между естественными процессами жизнедеятельности и эволюции общества и искусственно созданными механизмами регуляции, в нашем случае, механизмами регуляции управленческого типа. Для ООН и других международных организаций, их системы управления — это нетривиальный вопрос.

Происходящие сегодня в мире изменения, являются глобальными вызовами для современных государств на всех континентах земного шара. Россия не исключение. Она стремится дать собственный ответ на возникающие вызовы. Российские социологи, вместе с учёными других специальностей, конечно же, вовлечены в процесс поиска механизма управления социальными изменениями и уделяют большое внимание исследованию обозначенных выше проблем, в том числе, изучению вопросов интеграции различных социальных групп в процессы подготовки и реализации государственных стратегий, долгосрочных планов социально-экономического, инновационного развития российского общества.

В рамках текущих исследований Института социологии РАН нами была изучена практика стратегического планирования в Российской Федерации, а также проанализированы эмпирические исследования, посвященные жизненным планам и траекториям развития молодёжи [4]. Это позволило нам выделить в жизнедеятельности современных обществ два феномена: «стратегическое управление» и «социальное стратегирование», как новые явления, которые играют важную роль в реализации государственных стратегий и программ долгосрочного социально-экономического и социокультурного развития общества, но остаются пока недостаточно изученными. В первую очередь нас инте-

ресовало, насколько «социальное стратегирование» укоренено в жизнедеятельности общества и как оно влияет на реальные процессы социальных изменений, а также проблема управляемости процессов общественного развития. Всё это непосредственно относится и к решению фундаментальных задач устойчивого мирового развития.

Социальное стратегирование проявляется в тенденции индивидуального и группового поведения, в процессах совместной продуктивной деятельности множества социальных субъектов, контекст которых определяется представлениями людей о собственном положении, статусе в общественной системе, которое они займут в будущем, и возможностями, предоставляемыми обществом для реализации жизненных планов. В этом смысле субъектами социального стратегирования являются все граждане страны, в том числе работающие в органах власти и управления, в научных и консалтинговых организациях, как граждане, реализующие свои личные жизненные планы.

Масштаб феномена соотносится с локальными, региональными и глобальными проблемами сохранения целостности, самости обществ и локальных общностей в условиях множества вызовов их существованию.

Введение нового понятия «социальное стратегирование» в научный оборот и в практику управления социальным развитием, вызвано необходимостью снятия противоречия между обществом с его формальными структурами власти и управления и социальными общностями с их повседневными стремлениями к реализации личных жизненных планов.

Объясним, в чём суть этого противоречия.

Все решения ООН по достижению Целей развития тысячелетия и активность национальных правительств по реализации специальных проектов и программ определяются благими намерениями повышения условий жизни населения, социальной интеграции, искоренения нищеты, обеспечения полной занятости и достойного труда для всех, гармонизации процессов социального развития на региональном и глобальном уровне. Однако ни у кого из тех, кто разрабатывал эти стратегии, не было данных о том, каковы реальные жизненные планы и установки на их реализацию у рядовых граждан конкретных стран.

Поэтому действия, предпринимаемые международными организациями, правительствами и НКО, не достигают поставленных целей. Даже наоборот, они порой вызывают множество спонтанных социальных процессов, которые авторами программ и проектов не предусматривались.

Приведу несколько примеров. Мощный поток миграции в Европу из страны Африки, стран Варшавского договора и стран бывшего Советского Союза, вызванный распадом региональных интеграционных комплексов.

Можно сказать, что, начиная с 2001 года, практическая реализация инициатив ЮНЕСКО и Европейской Комиссии по формированию общеевропейского культурного пространства и устойчивого развития принесла больше разочарований для стран-членов ЕС и России, чем оправдало надежды на интеграцию народов, этнокультурных групп в процессе социокультурного развития европейского континента. Яркой демонстрацией ограниченности предлагаемых мер и масштабов социального разочарования является череда акций протеста во Франции, Италии и других странах.

Такие результаты получить никто не планировал.

Особый пример – это революции конца 20 и начала 21 века, вызванные, в числе прочих, мерами целенаправленного стимулирования социально-экономического и политического развития. Как можно наблюдать, часть стран достаточно быстро осуществляет переход от одной общественной системы к другой (Россия, Польша, страны Балтии). Некоторые страны на Европейском континенте, а также Ближнего Востока, Азии и Северной Африки, напротив, длительное время находятся в состоянии гражданской войны, где требуются усилия всего мирового сообщества для разрешения конфликта и координации процессов постконфликтного урегулирования, формирования переходного законодательства и т.д.

Вывод, который мы можем сделать из этих наблюдений, состоит в том, что особенности социокультурного и экономического развития, географическое положение отдельных стран, ценностные установки населения и его жизненные планы, являются существенными факторами успешного или неуспешного осуществления глобальных инициатив ООН.

Односторонне ориентированные действия ООН и правительств с высокой степенью регулярности будут сталкиваться с непредвиденными следствиями реализуемых мер и появлением новых, непредсказуемых социальных проблем в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Именно это противоречие и позволяют нам обратить внимание международного сообщества на необходимость поиска нового научного обоснования принципов устойчивого развития, новой формулы управления процессами консолидированного социального развития.

Мы выделяем три вопроса, решение которых, на наш взгляд, позволит продвинуться вперед в обеспечении управляемости и предсказуемости глобальных процессов устойчивого развития.

– Какие политические и институциональные договоренности государств-участниц ООН могут способствовать позитивным социальным изменениям и повышению благосостояния населения?

– Каковы условия оптимизации взаимодействий государств-участниц ООН и обеспечения участия населения в процессах социального развития?

– Как следует организовать стратегическое планирование и реализацию программ, чтобы ООН наиболее полно выполняла функцию регулирования совместной деятельности по достижению целей устойчивого развития?

Первое. Следует признать, что реализации мегапроектов, типа Целей развития тысячелетия ООН всегда сопутствуют масштабные социальные процессы. Событийность любой программы действий влияет на сознание и поведение миллионов людей, определяет активность различных народностей и целых народов, включенных в её орбиту.

Использование ООН программ, мегапроектов, социальных инвестиций в качестве инструмента реализации Целей устойчивого развития требует основательной проработки таких факторов как: состояние модернизированной, социально-стратификационные, социально-организационные и ценностно-мотивационные характеристики региональных и локальных сообществ.

На глобальном уровне эти факторы проявляются как соотношение цивилизаций, культуры и социального времени.

На региональном – как типичность и своеобразие в проявлении выделенных факторов.

На локальном уровне они проявляются как особенности социального, культурного и экономического развития, нормы, ценности, жизненные планы и модели поведения, свойственные конкретной локальной общности.

Подчеркну, что естественные процессы социального стратегирования незримо сопутствуют реализации глобальных целей устойчивого развития, они определяют контекст, при котором индивиды и социальные группы будут участвовать в достижении Целей.

Отказ от учёта этих факторов создаёт опасность того, что в результате целенаправленной программы действий будут активизированы неуправляемые спонтанные социальные процессы или анти-процессы. В ходе реализации программ декларируемое «солидарное участие» может приобрести форму социальной эксклюзии локальных сообществ и целых регионов, а, в конечном итоге, создать угрозу для сохранения целостности конкретной страны или целостности региональных интеграционных комплексов, например, ЕС, БРИКС и т.п.

Суть концепции социального стратегирования состоит в том, что достижение значимых результатов социального развития на глобальном уровне зависит не просто от учёта ожиданий и установок на будущее основной массы населения отдельных стран и региональных интеграционных комплексов, а возможно лишь при совпадении Целей устойчивого развития, приоритетов государственных программ и «социального стратегирования». Кроме того, в социальном стратегировании происходит трансформация механизма регуляции совместной деятельности различных социальных субъектов, в котором присутствуют как процессы самоорганизации, так и управляемые социальные процессы.

Таким образом, переосмысление устойчивого развития (прогресса) состоит в признании закономерности, что глобальные Цели устойчивого развития выполняют регулятивную роль, если корреспондируются с социальным стратегированием. Экспликация ожиданий индивидуальных и коллективных социальных субъектов в стратегические документы требует разработки и использования специального социологического инструментария.

Второе. Отношения между различными социальными субъектами, складывающиеся в процессе реализации жизненных планов, обуславливают постановку вопроса об условиях достижения организованности процессов долгосрочного развития. К таковым условиям мы относим.

Условие 1. Взаимозависимость развития, которая проявляется как:

а) допустимость для конкретного локального сообщества внедрения тех или иных новаций,

б) достижимость проектируемых результатов на территории конкретного государства и региона,

в) их геополитические следствия для конкретной страны и мирового сообщества.

Условие 2. Асинхронность развития конкретных обществ и социальных общностей больше не рассматривается как проблема, на преодоление которой направлены усилия мирового сообщества. Это исходное основание последовательного консолидированного развития стран и народов в масштабе мировой системы.

Условие 3. Сохранение культурного пространства и локального, и регионального является залогом восприимчивости конкретного общества к внешним стимулам, возможности оптимизации и целенаправленного упорядочения совместной продуктивной деятельности множества коллективных социальных субъектов по достижению Целей устойчивого развития.

Перечисленные нами условия могут и должны стать предметом политических и институциональных договорённостей государств-членов ООН, а также критериями для концентрации специального знания в Комиссии по социальному развитию.

Третье. Положение о том, что для социальной организации общества рынок – это естественный феномен и выбирается априори для определения показателей роста, разработки долгосрочных проектов и программ, считается ошибочным с позиций концепции социального стратегирования.

Неадекватность экономической методологии в решении задач долгосрочного развития выражается в том, что глобальные институциональные изменения и государственные политики осуществляются вне контекста системных трансформаций конкретного общества или групп

пы стран, а также не учитывается изменение в научном знании об управлении как механизме регуляции.

Мы можем оценить потенциальные возможности целенаправленного упорядочения совместной деятельности множества коллективных социальных субъектов по достижению стратегических целей устойчивого развития, если понимаем:

- какова система общественных отношений, складывающаяся по поводу долгосрочного развития конкретного общества или региональных интеграционных комплексов,

- каким образом общество или его отдельные подсистемы приходят в движение,

- насколько инициативы международных организаций и правительств поддерживаются населением, насколько оно готово нести даже временные социальные, экономические или политические издержки для достижения предполагаемых в будущем улучшений.

Теоретические дискуссии экономистов не привели к постановке проблемы управления социальными изменениями, к пониманию сущности механизмов, генерирующих социальные явления и процессы общественного развития. Информация и знания такого рода могут быть получены только с использованием социологического, точнее социолого-управленческого знания и проведения, соответствующих мультидисциплинарных исследований на локальном, региональном и глобальном уровне.

Описанный нами с позиции социологической науки феномен социального стратегирования даёт возможность представить управление социальными изменениями как формулу:

- Переход к представлению социальной реальности как процессов-потоков изменяет и сам подход к управлению социальным развитием.

- Упорядочение и обеспечение направленности процессов социального развития отражается в проблеме «управляемости».

- Управление сосредоточено на поддержании баланса между социальным порядком и развитием.

- Достижение требуемого качества, объема и масштаба глобальных процессов социального развития обеспечивается посредством проектирования (Форсайт) и целенаправленного изменения связей и отношений коллективных социальных субъектов.

- Социальный процесс становится объектом проектирования и целенаправленного регулирования.

Исходя из данной формулы, выстраивается и алгоритм синхронизации Целей устойчивого развития и государственных политик относительно социального развития.

Глобальный уровень - проектирование институциональных систем, нормативно-ценностного механизма, социальных макротехнологий, посредством которых формируются тенденции процессов самоорганизации, обеспечивается интеграция социального целого.

Региональный уровень – уточнение и конкретизация вариантов реализации глобальных целей устойчивого развития с учетом региональных особенностей и ограничений мобильности ресурсов, а также обеспечение рациональных способов выявления и использования скрытых потенциалов региона в целях получения оптимального социального результата.

Локальный уровень – охват факторов пространственного развития территории, условий жизни человека, ориентированных на изменение форм социальности локального сообщества, жизненных планов людей.

На первый план выходят задачи обеспечения комфортных условий социализации для новых поколений, формирования и развития потенциала человека, его включение в социальную, политическую, духовную и экономическую сферы жизнедеятельности общества.

В заключении подчеркнём, что наши исследования подтверждают эвристический потенциал социолого-управленческого знания в решении задач долгосрочного развития, в том числе, организация социально-технологического сопровождения стратегических проектов и программ на всех этапах их осуществления: от технического задания до реализации конкретных мероприятий на глобальном, региональном и локальном уровне.

Описанный нами феномен социального стратегирования открывает новое направление научных исследований проблемы управляемости процессов общественного развития.

Литература

1. Записка секретариата для обсуждения. [Текст]. Режим доступа. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=E/CN.5/2015/

6&referer=http://www.un.org/press/en/2015/soc4830.doc.htm&Lang=R

2. Зиммель Г. Как возможно общество? / пер. с нем. А. Филиппова // Г. Зиммель. Избранное. Т. 2. – М.: Юность, 1996.

3. Горшков М.К. Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики / М.К. Горшков // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник // отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2012.

4. См. например: Астафьева И. Н. Виды жизненных планов и их индивидуально-психологические детерминанты у студентов-выпускников. Автореф. на соиск. уч. ст. канд. псих. н. – Ростов-на-Дону, 2011. Режим доступа. URL: <http://www.dissercat.com/content/vidy-zhiznennykh-planov-i-ikh-individualno-psikhologicheskie-determinanty-u-studentov-vypusk#ixzz3im3hh6W> (дата обращения: 10.03.2014); Васильева О. С., Демченко Е. А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопросы психологии. – 2001. – №2. – С. 74-85; Наумова Н. Ф. Жизненные стратегии человека в переходном обществе // Социологический журнал. – 1995. – №2. – С. 5-22; Дудник О. В. Жизненные стратегии северян в условиях трансформации российского общества. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2002; Константиновский Д. Л., Шубкин В. Н. Молодежь и образование: Методологические вопросы и опыт социального прогнозирования на материалах соци-

ологических обследований в Новосибирской области. – М.: Изд-во «Наука», 1977. – 159 с.; Кузнецова С. А. Исследование жизненных стратегий населения региона в современной социально-экономической ситуации // Вестник Северо-Восточного государственного университета. № 13. Спецвыпуск. – Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. – С. 14-18; Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Составление, общая редакция Н. И. Лагин, Л. А. Беляева. – М.: «Academia». 2013. – 416 с.; Резник Т. Е. Стратегии жизни молодежи в обществе риска: проблемы социальной безопасности // Ломоносовские чтения в 2004 году. Сборник научных докладов в 2-х томах. Т. 2. 2004. – С. 135-139; Резник Ю.М., Смирнов Е. А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). – М.: Институт человека РАН, Независимый институт гражданского общества, 2002. – 260 с.; Серкин В. П. Образ мира и образ жизни. – Магадан 2005. – 331 с.; Терборн Г. Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие: объяснение в социологии и социальной науке // Теория общества: Фундаментальные проблемы / Под ред. А.Ф. - Филиппова. – М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 1999. – С. 28-41; Федорова Е. П. Жизненные стратегии человека как проявление ценностного отношения к жизни // Гуманитарный вектор. – 2008. – № 4. – С. 48-55; Чавчавадзе Н. З. Культура и ценности. – Тбилиси, 1984. – 171 с.

Современные тенденции развития социально-профессиональной группы педагогов дошкольных воспитательно-образовательных учреждений России и ее регионов

Решетова С.Г.

В статье актуализируется одна из приоритетных проблем современных дошкольных учреждений - динамика развития социально-профессиональной сферы деятельности педагогов дошкольного воспитания и образования. Повышение социально-правового статуса этой группы педагогов, их авторитета, улучшение качественного состава - все эти проблемы находятся в центре внимания педагогического сообщества России. Особое значение в статье уделяется социальному портрету педагога ДВОУ, таким тенденциям, характеризующим сферу деятельности педагога, как рост их численности, уровень профессиональной подготовки, оплата труда кадров.

Ключевые слова: сфера дошкольного образования, дошкольные воспитательно-образовательные учреждения (ДВОУ), социально-профессиональная группа, современные тенденции социально- профессиональной деятельности ДВОУ, рост численности педагогов, оплата труда.

Modern trends in the development of socio-professional group teachers of preschool educational institutions of Russia and its regions
Reshetova S.G.

Ufa State Petroleum Technological University

The article actualizares one of the priority problems of modern preschool institutions - the dynamics socio-professional sphere of teachers preschool upbringing and education. The improvement of socio-legal status this group of teachers and their authority, improvement of qualitative structure - all these problems are the center of attention of the pedagogical community of Russia. Of particular importance is paid to the social portrait of the teacher, such trends characterizing the sphere of activity of the teacher as population growth, level of training, remuneration of personnel.

Key words: sphere of preschool education, preschool educational institutions, socio-professional group, modern trends in socio-professional activity of preschool institutions, the growth in the number of teachers, wages.

Социально-трансформационные процессы 1990-х гг. привели к существенным изменениям в системе дошкольных воспитательно-образовательных учреждений (ДВОУ) [1, с. 156-164]. Данные изменения затронули не только институциональные характеристики дошкольных учреждений, характер оказываемых ими услуг, но и во многом сказались на социальном портрете педагогов, динамике развития этой социально-профессиональной группы.

Прежде всего необходимо отметить, что в новом Законе об образовании в Российской Федерации [2] и на подзаконном уровне, в разделе «Участники образовательного процесса» Типового положения о дошкольном образовательном учреждении [3], впервые прописан социально-правовой статус педагогических работников дошкольных воспитательно-образовательных учреждений и меры социальной поддержки, направленные на обеспечение их высокого профессионального уровня, условий для эффективного выполнения профессиональных задач, повышения социальной значимости, престижа труда педагогических кадров дошкольного образования.

Как наглядно свидетельствуют статистические данные, численность социально-профессиональной группы педагогов ДВОУ с 2000 по 2014 год ежегодно растет как по Российской Федерации в целом, так и по ее регионам, в частности Республике Башкортостан [4,5].

С учетом внешних совместителей на конец 2014 г. насчитывалось 530,2 тыс. воспитателей и старших воспитателей в Российской Федерации и 15,2 тыс. в республике Башкортостан. По состоянию на конец 2014 г. 99,7% воспитателей и старших воспитателей составляли женщины, 18,0% - лица в возрасте до 30 лет, 23,4% - в возрасте 55 лет и старше.

В настоящее время можно выделить следующие тенденции, характеризующие сферу деятельности педагогов дошкольных воспитательно-образовательных учреждений:

- Ежегодное увеличение численности воспитателей в расчете на 1 педагогического работ-

Таблица 1

Динамика численности педагогов дошкольных организаций в Российской Федерации и Республике Башкортостан (включая старших воспитателей; без внешних совместителей и работавших по договорам гражданско-правового характера; на конец года)

год	2000	2005	2010	2012	2013	2014
Численность воспитателей в РФ	439,1	446,7	485,2	505,7	526,8	530,2
Численность воспитателей в РБ	12,6	13,1	13,6	14,4	15,1	15,2

Таблица 2

Численность воспитанников ДВОУ в расчете на одного педагогического работника в России и Республики Башкортостан

Год	2000	2005	2010	2012	2013	2014
Численность воспитанников ДВОУ в расчете на 1 педагогического работника в РФ	10	10	11	12	12	13
Численность воспитанников ДВОУ в расчете на 1 педагогического работника в РБ	11,4	12,0	12,1	13,1	13,4	14,1

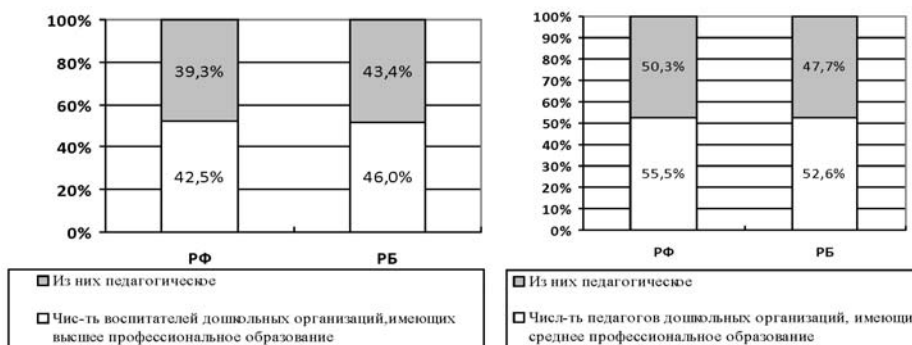

Рис. 1 - Распределение педагогов дошкольного образования по профилю базового образования в Российской Федерации и Республике Башкортостан

ника, что свидетельствует о превышении нормативов. Так, согласно установленным Нормативам [6], с учетом обеспечения нормальных условий для всестороннего развития и воспитания детей и рекомендованным для применения в дошкольных учреждениях независимо от ведомственной подчиненности, форм собственности и хозяйствования, численность воспитанников на 1 педагогического работника ДВОУ должна составлять не более 10. Вместе с тем мы наблюдаем рост численности воспитанников в расчете на одного педагогического работника (таблица 2).

По гендерной структуре воспитателей и старших воспитателей в дошкольных учреждениях практически абсолютно составляют женщины (в Российской Федерации - 99, 7%, в Республике Башкортостан - 99,9%).

Все более многочисленной в социально-профессиональной группе педагогов становит-

ся та ее часть, возраст которой превышает 30 лет (18,0% - лица в возрасте до 30 лет, 23.4% - пенсионеры).

Педагоги в своем большинстве имеют значительный стаж работы (по состоянию на 1 января 2015 г. стаж до 3 лет имели 10,7%, от 3 до 5 лет - 6,9%; от 10 до 15 - 13,0%, 15 и более лет - 55,9%) [7].

В соответствии с возросшими требованиями, в нормативных документах среди требований к знаниям и квалификации педагога дошкольного воспитания и образования зафиксирована необходимость наличия высшего профессионального образования по направлениям специальной дошкольной подготовки [8]. На основе статистических материалов нами составлен рисунок 1 (информация представлена в разрезе распределения педагогов дошкольного образования по профилю базового образова-

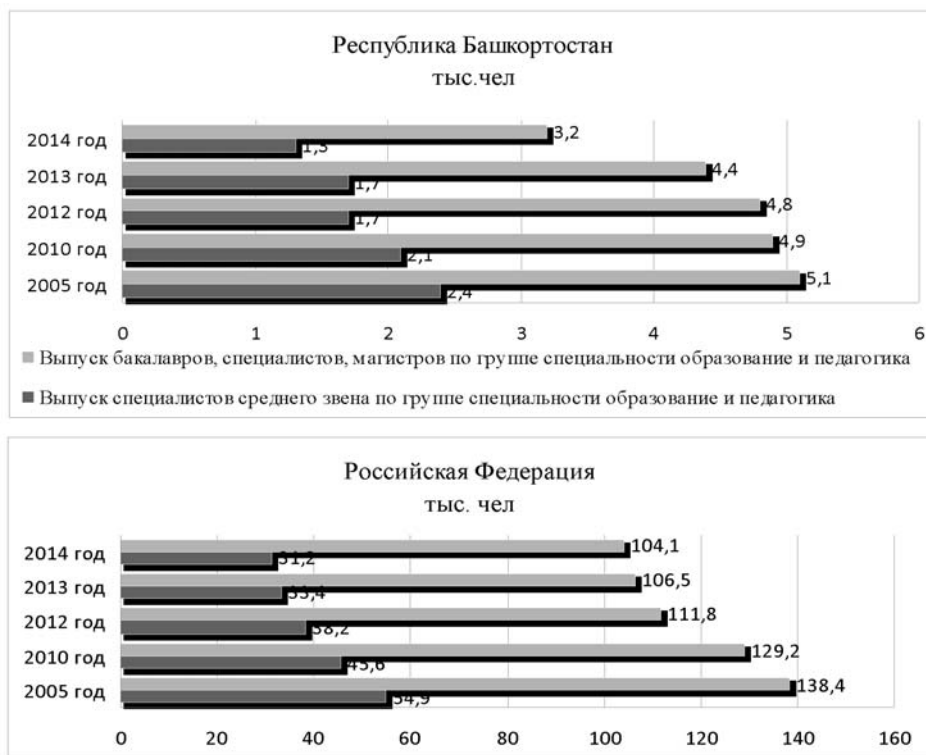

Рис.2 - Динамика выпуска специалистов ВУЗами и Ссузами по группе специальности образование и педагогика

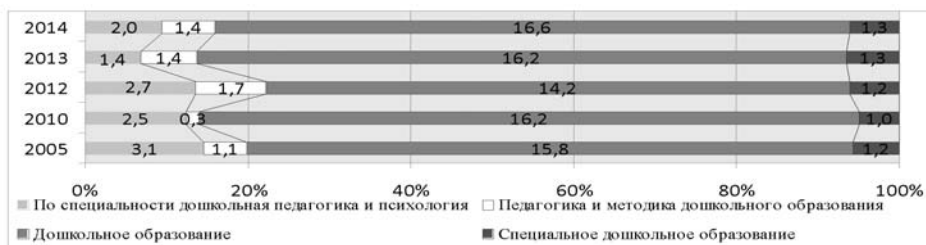

Рис.3 - Динамика выпуска специалистов по профилю дошкольного образования в РБ

ния в Российской Федерации и Республики Башкортостан).

Как мы видим, большая часть педагогов дошкольных организаций как в России так и в Республике Башкортостан сегодня имеют среднее образование. При этом выявляется значительная доля педагогов ДВОУ с базовым профессиональным образованием, но отличным от непосредственного «профиля» деятельности дошкольных организаций. За последние годы отметилась тенденция к снижению подготовки специалистов по профилю дошкольного образования (рисунок 2,3).

По данным рисунка 3, всего с 2005 года общая численность выпуска специалистов по

специальностям «Дошкольное образование» сократилась на 50% в ВУЗах Республики Башкортостан, и на 61% в Ссузах.

В последние годы наблюдаются существенные изменения в статусе педагогов, что находит свое отражение в уровне их заработной платы. В 2012 году вышел указ Президента РФ «О мерах по реализации государственной социальной политики» [9]. О необходимости доведения зарплат воспитателей до уровня не ниже средней по территории стали говорить как средства массовой информации, так и руководители государственных и муниципальных органов. В итоге удалось повысить зарплату педагоги-

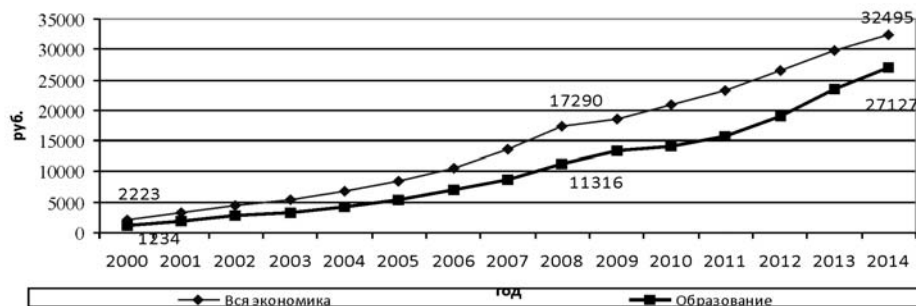

Рис. 4 - Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников образования и в целом по экономике в Российской Федерации за 2000-2014гг. [10]

ческого состава образовательных учреждений в целом в системе образования. Так, с 2001 года наблюдается существенный рост заработной платы. По сравнению с 2008 годом, когда новая система оплаты сменила Единую тарифную сетку средняя заработная плата в образовании составила 11316 руб., в 2014 году данный показатель достиг 27127 рублей. То есть рост за данный период составил 239,7%, тогда как в целом по экономике средняя заработная плата выросла на 187,9% (рисунок 4).

Представленные на рис.4 данные наглядно демонстрируют приближение зарплаты в отрасли образования к средней по экономике. Однако средняя заработная плата по экономике в целом выше заработной платы в отрасли образования на 5368 рублей. Единственная отрасль, где средняя номинальная начисленная заработная плата ниже, чем в отрасли образования - это сельское хозяйство (в 2014 году составила 19872 рубля).

Процесс реформирования системы оплаты труда работников образования внес существенные коррективы в дифференциацию регионов по уровню заработной платы педагогов. В Республике Башкортостан на конец 2014 года средняя заработная плата педагогических работников образования составила 20343 (это ниже среднероссийского показателя в отрасли образования на 6784 рублей). В тоже время средняя заработная плата педагогических работников дошкольных образовательных учреждений в России составило 27127, а в Республике Башкортостан - 19955 рублей. Это ниже среднероссийского показателя на 7172 рубля (рисунок 5).

Сравнение данных, которые представлены в иллюстрированной форме на рисунке 5, наглядно демонстрируют:

Во-первых, то, что в 2008 году регионы столкнулись с серьезными сложностями при введении новой системы оплаты труда до 4430 руб-

лей [11]. Дополнительное финансирование, которое было введено на введение новой системы оплаты труда для создания фонда стимулирования, более чем на половину было использовано для «подтягивания» до минимального размера оплаты труда (МРОТ) зарплаты педагогических работников в сфере дошкольного образования. Так, МРОТ 2014 года исчислялся суммой в 5965 рублей года, что на 6,89% (в денежном выражении – на 411 руб.) меньше, чем такой же минимум оплаты труда в 2015 году. Годом ранее (в 2013-м) утвержденный минимум был меньше МРОТ-2014 на 6,28% (в денежном выражении – на 349 руб.). Это свидетельствует об увеличении темпов ежегодного роста минимального размера оплаты труда.

Во вторых, новые системы оплаты труда стали вводиться по всем бюджетным отраслям, и везде должны были предусматриваться стимулирующие выплаты. Размер базового оклада труда воспитателей муниципальных ДВОУ в 2014 году в г. Уфа составил 7939 рублей, помощника воспитателя - 4147 рублей, тогда как в отрасли «образования» педагогических работников школы - 8129 рублей [12]. Таким образом, оплата труда в системе дошкольного образования на 129 рублей ниже по окладу и на 0,1 по размеру повышающего коэффициента квалификационного уровня (соответственно- 2,139 и 2,039).

Все вышеуказанное свидетельствует о динамичности процессов в социально-профессиональной сфере деятельности педагогов дошкольных воспитательно-образовательных учреждений: повышается их правовой статус, профессиональная подготовка, оплата труда. Однако в то же время увеличивается численность воспитанников в расчете на одного педагогического работника, что свидетельствует о превышении установленных нормативов. Есть своя специфика в развитии социально-профессио-

Рис. 5 - Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата педагогических работников дошкольного образования и в целом по образованию в Республике Башкортостан за 2008-2014 гг.

нальной сферы педагогов дошкольных учреждений в различных регионах. Это говорит о неоднозначности и противоречивости процессов, происходящих в области дошкольного воспитания и образования, что требует дальнейших углубленных исследований.

Литература

1. Решетова С.Г. Трансформация дошкольных воспитательно-образовательных учреждений в современном российском обществе (на примере Республики Башкортостан)//Вестник ВЭГУ. Серия Социально- экономические и общественные науки, 2015. №4 (78). С. 156-164.
2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015; с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015). Ст. 49//Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч.2. ст.23).
3. Об утверждении Типового положения о дошкольном образовательном учреждении: Приказ Минобрнауки РФ от 27.10.2011 N 2562/Российская газета (19) от 26.01.2012 № 5688.
4. Контингент воспитателей дошкольных образовательных организаций// Образование в цифрах: 2015: краткий статистический сборник. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2015. 80с.
5. Об оплате труда работников государственных учреждений образования Республики Башкортостан»: утверждено постановлениями Главы Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан от 24.03.2014 года № 1063, нормативными правовыми актами Российской Федерации и Республики Башкортостан.
6. Об утверждении нормативов по определению численности персонала, занятого обслуживанием дошкольных учреждений [Электронный ресурс]: утв. Приказом Минобрнауки России от 11.06.2014 (зар. В Минюсте России

13.08.2014 № 33570). URL: www.consultant.ru (дата обращения 02.03.2016).

7. Статистическая информация, сформированная Министерством образования и науки Российской Федерации в соответствии с Федеральным планом статистических работ, за 2014 год[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://минобрнауки.рф/министерство/24/файл/2554/Статистические_данные_2014.pdf.

8. Об утверждении профессионального стандарта. Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель): Приказ Минтруда России № 544н от 18.10.2013 (Зарегистрировано в Минюсте России .№ 30550 от 06.12.2013 [Электронный ресурс] URL: www.consultant.ru (дата обращения 02.03.2016).

9. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. №597. URL: www.rg.ru/2012/05/09/soc-polit-dok.htm (дата обращения 12.01.2016).

10. Рынок труда, занятость и заработная плата//Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] URL: <http://www.gks.ru>.

11. Об оплате труда работников государственных учреждений образования Республики Башкортостан: Постановление правительства РБ от 27.10.2008 № 374 (в ред. от 21.12.2009 № 463, от 08.08.2012 № 277, от 23.10.2012 № 384).

12. Об оплате труда работников государственных учреждений образования Республики Башкортостан»: утверждено постановлениями Главы Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан от 24.03.2014 года № 1063, нормативными правовыми актами Российской Федерации и Республики Башкортостан.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Исаев А.А.

ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ (СПб., 1906)

От редакции: Мы продолжаем публикацию книги известного отечественного социолога начала XX века А.А.Исаева «Вопросы социологии» (1906). Она не переиздавалась более 100 лет и практически не известна нынешнему поколению социологов.

В этом номере мы размещаем Очерк третий из указанной книги. Нумерация ссылок в круглых скобках, с пропусками, дана по оригиналу.

Материал подготовил проф. А.И.Кравченко

ОЧЕРК ТРЕТИЙ.

Борьба общественных групп.

I.

Борьба национальная и борьба социальная — вот что наполняет историю человечества. Мы разумеем под первой ту борьбу, которую ведут между собой отдельные группы людей, обособившиеся в самостоятельные политические тела; вторая же идет непрерывно между отдельными группами, входящими в состав данного общества. Как бы ни было просто общество по строению, в его состав входят разные группы с различными и, частью, противоположными интересами. В основании общественной жизни лежат материальные заботы, поглощающие наибольший запас человеческих сил; экономические интересы, соответствующие этим заботам, и образуют самый важный факт, который делит общество на несходные и враждебные группы. Экономические интересы несходны, прежде всего, по различию в количестве благ, которыми располагают отдельные члены общества; ближайшим выводом из этого является необходимость деления членов общества на богатых и бедных. В первый класс отойдут все, кто может без труда или с затратой небольших усилий удовлетворять потребности, которые превышают среднюю норму потребления для данного времени и места; все остальные, огромное большинство, относятся к бедным. Этот класс обни-

мают всех граждан, которые только ценой целожизненного труда удовлетворяют необходимые потребности; в редких случаях они могут доставить себе небольшие удобства, а обыкновенно не приобретают и того, что поддерживает здоровье и предохраняет от преждевременного одряхления и смерти.

Какое общество мы бы ни взяли, мы найдем его, прежде всего разделенным на эти два основных класса — богатых и бедных. Особенности, отличающие членов отдельных общественных групп, чрезвычайно разнообразны. Но по отношению к имуществу индусский судра представляет такую же противоположность трем высшим классам древней Индии, как римские плебеи первого периода — патрициям, средневековые крепостные и подмастерья — землевладельцам и высшим слоям городского населения, русские крестьяне-общинники — дворянам-землевладельцам, а английские, американские, германские пролетарии — капиталистам. «Принято говорить, что в доселешней истории человечества между богатыми и бедными классами был многочисленный средний класс, равно далекий от одних и других; однако, средний класс растворяется в массе богатых и бедных. Его высшие группы, при значительном имуществе и сравнительно небольшом количестве труда, необходимым для них, тяготеют к богатым, тогда как низшие естественно примыкают к бедным. Сохранить свое владение не уменьшенным, увеличить его, удержать всю совокупность политических прав, опирающихся на владение, расширить их, оградить себя от опасностей, которые угрожают со стороны бедных — вот основная забота представителей первого класса. Приобрести имущество, которого нет, или увеличить микроскопическое владение, которое не обеспечивает даже скромного достатка, и — так как в обществе, вышедшем из состояния первобытной дикости нет вещей ничьих — приобрести достаток посредством возможно более выгодного труда на богатых или посредством принудительных мер относительно имущества богатых, — таково основное желание бедных. Напряженны или слабы желанья первых и вторых, — их интересы противоположны, и самый факт противоположности содержит побудительные мотивы к борьбе, делает ее неизбежной.

Однако, общества даже ранних периодов культуры настолько сложны, что борьба клас-

сов не имеет вида просто борьбы между богатыми и бедными. «Когда историческое развитие сводится на борьбу классов, то есть склонность предполагать, что в обществе есть только два лагеря, два класса, которые борются друг с другом, революционная масса и реакционная. Будь это действительно так, писание истории было бы делом довольно легким. Но в действительности отношения не так просты. Общество есть и всегда будет чрезвычайно сложный организм с различными классами и различными интересами, которые, сообразно с условиями, могут группироваться в самые разнообразные партии».80). Виды имущества не одинаковы; условия, благоприятствующие возрастанию имущества различных видов, различны; совокупность прав, которыми пользуются отдельные слои различных классов, не одна и та же. Поэтому, история дает нам многочисленные примеры борьбы между отдельными группами имущества класса. Отдельные группы неимущего класса живут также не в одной и той же обстановке. Город и деревня, сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность, владение небольшим имуществом и полное отсутствие такового порождают различия между отдельными группами бедных людей и нередко ведут к борьбе между этими группами. Наблюдая жизнь какой-либо страны, получаешь, прежде всего, то впечатление, что борьба идет непрерывно, причём борются между собой имущие и неимущие и что она происходит внутри каждой из этих групп. Более внимательное изучение дает другую картину. Хозяйственные интересы всех членов общества так переплетаются между собой, способность огромного большинства людей заглядывать в сколько-нибудь далекое будущее так ограничена, что отдельные общественные группы, принадлежащие одна к богатым, другие к бедным, образуют по временам одну сплоченную массу. Эти группы считают свои интересы тождественными, но, при более внимательном отношении к настоящему и большей проницательности относительно будущего, не трудно понять, что, в действительности, они различны. Периоды бурных революционных движений дают для этого особенно поучительный материал. Ванзейские помещики прошлого века не меньше угнетали крестьян, чем феодалы других местностей Франции. И, однако, крестьяне Вандей сомкнулись вокруг господ и пытались

остановить поток революции, когда он дошел до этих отдаленных округов. С другой стороны мы находим деятелями великой революции горожан от очень состоятельных до бедных. Цеховые подмастерья и рабочие мануфактур тесно примкнули к высшим слоям горожан и совместно произвели переворот. Эта обширная группа, состоявшая из богатых и бедных, образовала одно целое не только потому, что все ее члены увлеклись перспективой расширения прав городского сословия, но и потому, что беднейшие, рабочие ремесла и мануфактуры, забыли на время о несходстве своих интересов с интересами высших групп горожан, забыли о том, что источником гнета, который давил их, были не только общие условия государственного строя Франции XVIII века, но и специальные условия промышленной жизни, выгодные для высших групп промышленного и торгового классов и тягостные для низших. Не трудно понять, что горожане Парижа, распределявшиеся по всем ступеням имущественной лестницы, дружно действовали в интересах революции: необходимость и привлекательность борьбы с общим врагом — государственным строем Франции — позволяли забыть о розни, разделявшей их в сфере ближайших экономических интересов. Поход же вандейских крестьян бок о бок с дворянами на защиту старого порядка представляется мало понятным, пока мы не припомним, как велико было невежество населения: только на этой почве могло вырасти убеждение, что революция несет с собой ужасы, что нужно, в виду неизвестного чудовища, примириться с тяжелым настоящим, с исконным наследственным врагом — дворянством.

II.

Разнообразие интересов, вызывающих борьбу, и пестрота в сочетании борющихся групп, что мы находим в настоящем и даже далеком прошлом, заставляют отказаться от шаблонного деления людей на богатых и бедных и подняться до деления общества на классы по центральному пункту, вокруг которого и из-за которого происходит борьба. Такой центральной точкой служит владение орудиями производства и разнообразные выгоды, которые оно доставляет прямо или косвенно.

Мы можем наметить в классе имущих такие подразделения: А) Владельцы сельской недви-

жимости и крупные и средние фермеры. Б) Промышленный и торговый классы и владельцы городской недвижимости. В) Церковь и Г) Государство. По этим четырем классам распределяются представители, так называемых, свободных профессий, — науки, искусства, врачебной, адвокатской и других.

Выгоды, доставляемые владением, могут быть обобщены таким образом: 1) Даже при небольших размерах оно обеспечивает человеку известную самостоятельность, не ставит его ежедневно в необходимость продавать свой труд и только тем снискивать себе пропитание. 2) Значительные размеры владения служат для владельца условием продолжительного и прочного благосостояния, передаваемого детям и даже отдаленным потомкам. 3) В государствах, где владение является основанием для политических прав, оно приближает человека к участию в законодательной и правительственной деятельности и делает его гораздо более господином положения, нежели то доступно людям неимущих классов. Хотя в этих странах все граждане юридически пользуются равными правами, владение, и именно, владение крупное дает человеку фактически большую возможность влиять на определение воли и цели государства: владение ставит к услугам человека огромные толпы неимущих, которые служат ему не только наемниками в процессе производства, но и усердными агентами в политической жизни. Крупный землевладелец или капиталовладелец, покупая на рынке труд пролетария, очень часто приобретает с тем вместе и избирательный листок, который будет положен рабочим в урну при ближайших выборах в парламент или орган местного управления. Великая сила знания ясна людям даже при невысоком уровне развития. А потому человек пользуется своими материальными средствами, дабы приобрести, в качестве послушных орудий, людей, которые, своими знаниями служили бы интересам владения, поддерживали бы в обществе убеждение, что совокупность выгод и прав, которыми располагают владельцы, не только желательна для них, но соответствует нуждам и пользам всего населения. И, вот, на защиту владельца выступают многочисленные идеологи. Юристы, со ссылками на бесчисленные тексты римского права, доказывают священность и неприкосновенность права частной собственности. Эконо-

мисты приводят груды цифр, что производство и накопление богатства замедлятся и даже совсем остановятся, как скоро владение землей и капиталом перейдет от частных лиц ко всему обществу. Школа, от начального училища до университета, внедряет в своих питомцев убеждение, что современный общественный порядок, требующий тех или иных частичных поправок, прекрасен и благодетелен в своем основании. И проповедники с церковных кафедр красноречиво излагают пастве все те тексты священного писания, которые обязывают слуг повиноваться господам, гражданам – властям, которые внушают людям покорность судьбе, смирение, безропотное несение нищеты и утешают загробным блаженством за все невзгоды, выпадающие человеку на долю в этой юдоли плача. Ежедневная печать, обращая многотомные трактаты и неудобоваримые статистические сборники в разменную монету, разносит по всему земному шару песнопения в честь современного порядка вещей. Мудрено ли, что способы воздействия на человеческую душу приносят обильные плоды! Бесчисленный хор ученых, художников, актеров, педагогов, священнослужителей привлекают к подножию владения и миллионы людей, интересы которых только кажущимся образом связаны с расчетами владельцев. Все это создается владельцами; все это служит для них источником силы, и все это побуждает их удерживать за собой занимаемое положение.

Итак, общество распадается на два основных класса: владеющих орудиями производства и лишенных такого владения. Но это деление еще не вполне приближает нас к картинке, которую дает действительность. Мы видим в первом ряду людей, которые не принадлежат к имущим классам: ученый, пишущий диссертацию о том, что прибыль капиталиста есть плод его трудов и талантов, и священник, возносящий молитвы о сохранении современного порядка вещей, глубоко несправедливого и отвратительного с точки зрения истинно гуманного человека, сами по себе стоят очень далеко от землевладения и капиталовладения. Далеко от них стоят также фабричные или сельские рабочие, подающие на выборах в рейхстаг голоса за богатого помещика или фабриканта, или же почтальон, голосующий за кандидата консервативной партии и в то же время крупного зем-

левладельца. С другой стороны, если мы находим в рядах неимущих классов Фридриха Энгельса, который состоял крупным акционером одной манчестерской фабрики, некоторых ученых с десятками тысяч ежегодного дохода, владельца обширной типографии и крупного книгопродавческого дела, то отнюдь не можем объяснить их присутствие в этом стане материальным положением, ибо они принадлежат к людям большого или, по крайней мере, значительного владения. То же следует сказать о случаях, когда ремесленник или крестьянин, еще самостоятельные, идут рука об руку с пролетариями. А потому мы поймем классовую борьбу только под условием, что оценим площадь, на которую владение оказывает влияние, примем в расчет пружины, посредством которых оно умножает свои ряды, и причины, побуждающие выйти из этого лагеря большее или меньшее число членов данного класса.

Представители владения, от крупных до самых мелких, образуют в этих рядах главную массу. Трудно сделать точный подсчет владельцам земли и капитала, которые стоят за неприкосновенность владения и всего, покоящегося на нем общественного порядка. Но важные факты, вполне доступные наблюдению, позволяют и без всякого учета утверждать, что огромное большинство этих людей чувствуют и сознают себя, как класс со своими особыми интересами, отличными от интересов неимущих. Когда в России происходили подготовительные работы по освобождению крепостных, то огромное большинство помещиков (вопреки русскому добросердечию и нежности славянской души, о которых говорят так часто и с таким пафосом) высказывалось против освобождения: государственная необходимость перейти от крепостного труда к наемному и от натурального хозяйства к денежному не была понятна большинству этих людей уже в силу их низкого умственного развития, а отмена крепостного состояния чувствовалась и сознавалась, как удар, наносимый классу помещиков и именно в центральном пункте – владении. Парламентские выборы в любой из стран западной Европы позволяют наблюдать группировку партий, соответственно с интересами владения: землевладельцы, от богатого барина до крестьянина где-нибудь в баварских Альпах или Бретани, и промышленники, от креза до владельца крохотной

мастерской, посылают в представительные учреждения людей, которые входят в состав одной из консервативных партий. Какое название ни носила бы эта партия – консервативной, либеральной, антисемитской – черта, их сближающая, та, что все они стоят за непоколебимое охранение основ современного общественного порядка. Все лица, примыкающие к группе владельцев, если размеры владения обеспечивают человеку хотя скромную самостоятельность, прямо заинтересованы в охране общественного строя нашего времени, ибо своими главными особенностями он благоприятен для имущего класса.

Сюда примыкают, далее, все те, кто не входит в состав имущих классов, но имеет надежду раньше или позднее вступить в этот круг. Изучая состав крупных промышленных предприятий, мы видим в них, наряду с многочисленными рабочими, директоров, надсмотрщиков отдельных частей, приказчиков. Они в том отношении сходны с рабочими, что представляют наемный труд и резко отделены от хозяев предприятия. Но между ними и рабочими проходит раздельная черта: доход последних не покрывает необходимых потребностей или едва покрывает их, а потому оставляет их на всю жизнь пролетариями. А заработок первых нередко позволяет им делать сбережения и поддерживает надежду, что 15 – 20 лет такого занятия откроет им возможность стать акционерами предприятия, в котором они служат по найму, т. е. перейти в ряды имущих. 81) Духовное приобщение людей, начальствующих в предприятиях, к хозяевам и отчужденность от рабочей массы особенно ярко выражаются в стачках. Если стачки и забастовки протекают бурно, то директора, надсмотрщики и мастера оказываются обыкновенно на стороне хозяев и нередко вызывают со стороны стачечников ярость и насилие. Многие из этих людей, по своему происхождению, принадлежат к пролетариату; но возможность подняться на высшую ступень общественной лестницы и приобщить детей к имущему классу делает их в массе горячими сторонниками земле- и капиталовладения.

В странах, где самостоятельное положение государства расшатано, сюда тяготеет все высшее и среднее чиновничество; оно является таковым и по чувству и, частью, по ясному сознанию. Это, разумеется, само собой, поскольку

чиновник рождением принадлежит к имущему классу. Не трудно понять, что он примыкает сюда, если даже вышел из рядов бедных людей. Жалованье позволяет крупному чиновнику делать сбережения; иногда это доступно и для среднего. К возможности войти этим путем в состав имущих классов присоединяется и возможность, открываемая другими способами: женитьбой на приданом, высоким вознаграждением за специальные административные услуги, оказываемые лицам имущего класса, знакомствами в среде биржевых деятелей. Последние вовлекают чиновников в биржевую игру и помогают им на каждое сбережение в тысячу рублей получить не 4%, приносимые государственными бумагами, а десятки, иной раз даже сотни процентов в немного месяцев. К какой среде ни принадлежал бы высший и средний чиновник по рождению и воспитанию, служебная деятельность заставляет его быстро усвоить обиход, привычки, вкусы, стремления имущего класса. У более развитых представителей бюрократии к этому присоединяется отчетливое сознание, что сложность государственного механизма, многочисленность должностей, крупное вознаграждение высших, почести, связанные со службой правительству, возможны только в общественном строе, покоящемся на резких противоположностях – от царского владения до крайнего убожества. Судья, скольконибудь проникательный, понимает, что в условиях, приближающихся к идеалам социализма, будет бесконечно меньше тяжб и преступлений, бесконечно меньше прокуроров, судей и тюрем, чем ныне. Проницательный чиновник финансового ведомства понимает, что в государстве будущего, как его рисуют социалисты, не нужны будут бесчисленные чины надзора по сахарному или табачному акцизу, так как и самих этих акцизов не будет. Наконец, каждый чиновник с многотысячным окладом понимает, что в обществе, осуществляющем начала равенства, труд директора департамента или дипломата не может считаться достойным в 20, 30 раз большего вознаграждения, чем служба народного учителя и что только там, где есть многомиллионные частные имущества, приобретенные присвоением чужого труда – рабского, крепостного, вольнонаемного – предьявляется запрос на таких представителей государственной службы, которые всем своим жизненным обиходом принад-

лежат к богатым классам. Поэтому, высшее и среднее чиновничество, в своей массе, часто сознательно, а главное безотчетно, горой стоит за интересы владения. Отстаивая владение, оно охраняет выгоды своего служебного положения и наследственную передачу этих выгод своим потомкам.

Личные выгоды побуждают огромное большинство людей, так называемых, свободных профессий идти за одно с представителями владения. Врач лучше кормится от практики у фабрикантов, торговцев или помещиков, чем у рабочих. Сотрудник реакционной газеты, называй она себя консервативной или либеральной, официозной или независимой, имеет гораздо лучший заработок, чем журналист демократического издания. Живописец находит покупателей на свои картины исключительно среди богатых меценатов. Актер получает десятки и сотни тысяч в год только потому, что неравенство состояний устанавливает очень резкую разницу в оплате месте при театральных зрелищах. И священник, если труд его оплачивается преимущественно требованиями, находит выгодным поддерживать владение; члены имущих классов являются его наиболее желанными клиентами. Даже там, где труд духовенства оплачивается определенным жалованьем, священник прямо заинтересован в том, чтобы стоять на стороне имущих. Рост просвещения увеличивает число людей, равнодушных к религии и уменьшает нужду в духовенстве. Умственное развитие одинаково влияет на все общественные слои; но люди неимущих классов легче и резче выражают свое равнодушие к церкви. Проникаясь убеждением, что церковь и духовенство являются, прежде всего, орудиями для поддержания существующего порядка, что защита, которую они оказывают слабым и обездоленным, является только красивой фразой, умственно развитые члены неимущих классов легче, нежели имущие, оканчивают все свои счета с церковью. Люди состоятельных классов, при полном равнодушии к религии и церкви, сознают или, по крайней мере, чувствуют, что последняя поддерживает их интересы, а потому остаются в общении с ней, исполняют ее обряды и не отказывают ей в известной части своих материальных средств; при этом они уверены, что церковь приложит все старания, дабы они со спокойной совестью пользовались главной частью своего имущества.

А потому, как чиновник душой и телом предан имущим классам, этой основе бюрократии, так священник не щадит сил для защиты владения от его противников, ибо демократизация общества все более делает религию делом индивидуального настроения, а церковь и духовенство — все менее нужными. Заметим также, что многие члены этих групп, если даже принадлежат рождением к неимущему классу, имеют возможность делать сбережения, помещать их в государственные и частные процентные бумаги и прилепляться к современному порядку, т. е., в конечном итоге, к владению.

Помимо всех этих людей, материально связанных с имущим классом, мы находим в его лагере людей, истинные интересы которых не связаны с ним; но связь устанавливается под влиянием страха или невежества. Возьмем многомиллионную массу неимущих, которые живут только трудом своих рук. В настоящем весь склад жизни резко отделяет их от имущего класса. Вероятнее, что в будущем для многих условия сложатся гораздо более благоприятно, раскроют перед ними ряды имущего класса, бесконечно мало. А потому, все направляет их на то, чтобы вести классовую борьбу с имущими. Но эти стремления парализуются чувством страха перед могуществом господ, которые могут лишить их заработка. Страх действует на эту массу тем с большей силой, чем более она своими историческими судьбами приучена к повиновению, чем реже она имела случай сопротивляться и чем ниже уровень ее умственного развития и способность к организации в тесно сплоченные союзы. Пока каждый отдельный член этой массы уловляет отношение только себя одного к своему хозяину, пока он не возвышается до понимания, что тесная солидарность с товарищами по занятию дела делает его более стойким и затрудняет для хозяина лишение его заработка, до тех пор он всецело подчинен чувству страха. Нетрудно, поэтому, объяснить, что на стороне имущего класса всего легче удерживаются сельские рабочие, соединенные по отдельным хозяйствам обыкновенно небольшими группами, и рабочие в мелких промышленных заведениях: невозможность соединения в большие массы лишает их противовеса чувству страха перед хозяевами или перед государственной властью.

Многие члены этой массы остаются на стороне имущего класса вследствие своего невеже-

ства. Полуграмотные, далекие от литературных движений, они лишены досуга, который позволил бы приобрести хотя слабое понимание строя общественной жизни. Укрепляемые школой и церковью в самых грубых предрассудках, эти члены неимущего класса, если даже не находятся во власти страха, стоят на стороне имущих потому, что привыкли считать существующий порядок наилучшим. Умственная тьма делает этих людей восприимчивыми к самым нелепым предсказаниям и предположениям относительно того, например, что даст человечеству полное уравнение общественных групп, венец истинно демократических стремлений. Состояние всеобщей войны, полный хаос, застой в хозяйственной жизни, исчезновение даже тех скромных удобств, которыми располагает теперь человек, живущий изо дня в день – вот картина, которую имущий класс, с помощью разных способов, запечатлевает в уме довольно многих членов пролетариата.

Не будем, наконец, отрицать, что на стороне имущего класса есть люди достаточного ума и образования, отстаивавшие с полным бескорытием его интересы и основы современного порядка вещей. Как ни мало таких людей, их можно найти в рядах обоих классов – имущего и неимущего. Личные качества, равнодушие к богатству, малая заботливость об увеличении материального благосостояния, независимость характера заставляют считать их совершенно бескорыстными сторонниками тех или иных воззрений. Иногда их ученая или общественная деятельность обнаруживает значительную, даже большую умственную силу. Как ни различны эти люди, их связывают такие общие черты: 1) Преувеличение культурных успехов человечества. 2) Одностороннее объяснение этих успехов. 3) Недостаточное понимание движения, которое исходит от неимущего класса, непонимание его причин, характера, целей. Привычка так оценивать общественные явления есть следствие умственной отсталости. Станем на место этих людей и постараемся понять умственную работу, которая в них происходит.

История культуры представляется, прежде всего, как процесс, происходивший при наличности двух классов – имущего и неимущего. Формы владения изменились: на смену рабского и крепостного труда явился труд, юридически свободный; но самый факт распада об-

щества на имущих и неимущих остается непоколебленным в течение тысячелетий. Этот факт не мешал до сих пор культурным успехам. Культурные успехи выражались не только в возрастании власти человека над природой, в усовершенствовании техники, но и в отношениях между людьми: смягчаются наказания, благосостояние массы поднимается, вырастает народная школа. Раз исследование прошлого и настоящего не довольно глубоко, то делается вывод, что все стороны культуры развиваются гармонически. А такое заключение ошибочно: усовершенствования техники несравненно более велики, нежели перемены в отношениях между людьми; рост богатств гораздо более велик, чем движение неимущего класса в материальном благосостоянии и духовном развитии. Во-вторых, очень часто наблюдается склонность давать успехам культуры одностороннее объяснение. Так как среди деятелей по общественным реформам представители имущего и властвующего класса занимают особенно видное место, то легко признают их главными и даже исключительными виновниками всех улучшений, которые совершаются в общественной жизни. При этом забывают, что люди имущего класса, взятые в целом, только неумолимой силой обстоятельств толкались на ту или другую реформу, благоприятную для беднейших. Наконец, к этому присоединяется и недостаточное понимание движения, идущего снизу. В одних случаях оно представляется, как процесс, развитый талантливыми и честолюбивыми демагогами, которые намеренно преувеличивают несовершенства современного строя и пользуются массами, как орудиями для своих личных целей. В других случаях движение представляется слепым, хаотическим, направленным только на разрушение упрочившегося порядка, но неспособным что-либо создать. Неудивительно, если люди бескорыстные и не лишенные дарований, иногда настоящие люди науки, раз такая односторонность или умственная отсталость сделали их уделом, по искреннему убеждению находят в лагере сторонников имущего класса, с неподдельной страстностью защищают его положение и ратуют за его права.

Таков состав имущих классов в современном обществе. Мы уже разбили их на четыре основных группы. Чем же оправдывается это деление?

Весь общественный доход, за исключением заработной платы, образует, одну сплошную массу, которая направляется в распоряжение одной из четырех названных групп. Чем более велика доля одной, тем более урезаются доли всех остальных, причем ущерб одного из пострадавших классов может быть более значителен, чем других. Наблюдение какого-либо периода в жизни любого народа убеждает нас, что интересы этих четырех классов часто совсем несходны. Обратимся, например, к 16 столетию в истории Европы, когда начали слагаться целые системы покровительственных таможенных налогов. От того времени и вплоть до наших дней таможенные налоги на фабрикаты были выгодны для двух классов – представителей промышленности и торговли и государства, невыгодны для землевладельцев и почти безразличны для церкви. Или возьмем все государственные меры, которыми затрудняется ввоз в страну продуктов сельского хозяйства: от этого выигрывают представители сельского хозяйства и государства, и теряет торгово-промышленный класс. Акты, посредством которых устанавливаются налоги, падающие на все виды имущества и дохода – добывающую и обрабатывающую промышленность, торговлю, доходы духовенства представляют выгоды, прежде всего для государства. Можно возразить на это, что рост доходов государства и увеличение его затрат приносит пользу всему населению или какой-либо отдельной общественной группе. Однако, мы доходим до этого конечного итога чрез целый ряд посредствующих звеньев, всех действий, предпринимаемых для сооружения новых дорог, устройства новых школ и т. п. Непосредственным же следствием возросших доходов государства является увеличенное содержание должностных лиц, уже состоявших на службе государства, и привлечение на эту службу новых людей. Наоборот, отказ народного представительства увеличить доходы государства, до какой бы статьи государственной росписи это ни относилось, – войска, флота, содержания двора, – а тем более сокращение государственных доходов, причиняет государству ущерб и служит к выгоде остальных классов. – Можно привести примеры и того, что церковь является самостоятельным звеном в ряду имущих групп. Католическая церковь доброго старого времени облагала свою паству большими

поборами. Чем более значительны были эти поборы, тем меньшая доля оставалась в распоряжении землевладельцев, капиталистов и государства.

Согласно с установленным делением владельцы городской недвижимости оказались в одном классе с представителями промышленности и торговли. Соединение их в одну группу может быть вполне оправдано: им служит на пользу все то, что способствует возрастанию городов и поднимает ценность и доходность участков городской земли. Развитие промышленности и торговли является главным условием для роста городов: а потому все, что способствует возникновению новых отраслей промышленности и расширению старых, служит к выгоде владельцев городской недвижимости. Высокий таможенный налог на фабричные изделия иноземного производства причиняет хозяйству земледельца или фермера существенный минус, который не может быть восполнен из условий сельскохозяйственного промысла; если же, вследствие этого таможенного налога, возникла новая отрасль промышленности – и как то обыкновенно бывает – возникла в городе, то возрастание ренты городских участков земли с избытком вознаграждает владельцев за то, что они переплачивают на товар, обложенном таможенной пошлиной. Распределение людей, так называемых, свободных профессий по четырем основным классам имущих нуждается в дополнительном пояснении. Конечно, каждая из этих групп имеет свои замкнутые интересы, которые она и отстаивает с энергией там, где что-нибудь угрожает нарушить их: когда поднимается речь об установлении таксы за труды врачей, адвокатов, то последние требуют возможно более высокой таксы и борются против всех, стремящихся понизить ее. Но в общем эти группы проникаются расчетами тех, на чей счет они кормятся. При могущественном влиянии церкви, значительная часть представителей свободных профессий, особенно, «люди науки», кормятся на счет церкви и проникаются ее интересами. В государстве со слабо развитой общественной жизнью, с деспотическим правительством, которое ведает всех и все, огромное число людей, принадлежащих к свободным профессиям, зависит от государственной службы и, так или иначе, представляет интересы своего начальства. Где общественная жизнь развита, сфера деятель-

ности государства уже, интересы землевладения или капиталовладения выступают на первое место, там люди свободных профессий примыкают, главным образом, к наиболее могущественной общественной группе. В западной Европе большая часть этих людей стоит в рядах буржуазии, ибо интересы промышленного и торгового класса заметно выделяются на первенствующее место.

III.

Можно ли говорить о государстве, как особой группе в классе имущих? Принято думать, что государство есть только представитель имущего класса, наиболее совершенная организация для того, чтобы имущие классы властвовали над большинством, причем оно резко выражает в ранее исторические периоды интересы только землевладения, а позднее — и капиталовладения 82). Это положение верно относительно стран, где широко развилась политическая свобода, где сфера деятельности государства ограничена. Но это неприменимо к периодам в жизни страны, когда деспотизм тяготеет над всеми общественными группами. Читая описание борьбы, которую во время второй французской республики легитимисты вели с орлеанистами, мы понимаем, что победа первых выражала торжество такого порядка вещей, когда государство, созданное представителями землевладения, служило бы преимущественно его интересам. Наоборот, победа орлеанистов завершилась бы созданием такого государственного порядка, при котором на первое место были бы выдвинуты интересы промышленного и торгового класса и государство было бы выразителем именно их воли. Или, когда мы изучаем, как в Англии консервативное и либеральное министерства сменяли друг друга, мы знаем, что эта смена выражает победу в первом случае землевладельцев, а во втором — капиталовладельцев, т. е. в этих сменах выражается служение государства интересам преимущественно одной из названных групп 83).

До тех же пор, пока общественная жизнь мало развита, государство настолько сильно, что представляет особую, самостоятельную группу внутри класса имущих. Эта группа имеет свои особые расчеты; государство и в этом периоде заботится об интересах земледельческого и торгово-промышленного классов,

однако, делает это не потому, чтобы один из них направлял его волю, а только потому, что такое направление законодательства наиболее соответствует его целям. В этом периоде первенствующей группой имущих являются все, кто служит государству, т. е. бюрократия.

Оглядываясь в истории Европы на то время, когда господствовало полицейское государство, мы убеждаемся, что бюрократия была наиболее могущественной группой среди имущих. Припомним политику французских королей относительно дворянства: их привлекали ко двору не только для того, чтобы увеличить блеск королевской власти, но и для того, чтобы ослабить их влияние на местное население. Интересы дворянства, как землевладельческого класса, охранялись бы тем, чтобы дворяне прочно сидели на местах, поддерживали тесную связь с населением. Напротив, целям государства, как представителя бюрократии, соответствовало порвание связи между дворянами и крестьянством и принижение авторитета землевладельцев. Когда, позднее, во Франции сложилась целая система мер, направленных на развитие промышленности и внешней торговли, то поднятие промышленного и торгового классов, как таковых, вовсе не входило в виды правительства: целью всех этих мероприятий было усиленное приложение народного труда в тех областях, которые давали наибольшее ручательство, что государственная казна не будет пуста. Кольбер, при котором система покровительства промышленности и торговли получила особенно яркое выражение, имел перед собой неисчерпаемый материал для выводов, что богатство страны, обеспечивающее богатство и силу государства, возрастает всего быстрее там, где развиваются промышленность и торговля: мелкие цветущие республики Италии, славные своей торговлей города Фландрии представляли столь резкую противоположность со странами, исключительно земледельческими, что государственному человеку была очевидна невозможность обогатить казну без того, чтобы приложить усиленные заботы к развитию промышленности и торговли. Самостоятельность интересов государства видна также из той опеки, которая тяготела над всеми сторонами жизни. Наивно видеть в основании этой опеки стремление обеспечить наибольшее благосостояние опекаемым общественным группам; наивно ду-

мать, что чиновники, обходившие промышленные заведения, дабы исследовать ширину и цвет тканей, посылались правительством в силу его заботе о владельцах этих промышленных заведений. Создавая эти функции, государство руководствовалось двойным соображением: оно знало, что забота о приготовлении товаров известного достоинства обеспечивает развитие внешней торговли и возрастание доходов казны, а также, что государство тем более сильно, чем большее число людей зависит от него непосредственно. Вот почему в его интересы входило создание возможно большего числа правительственных функций и содержание наибольшего числа чиновников. От половины 17 до конца 18 века Франция служит живым доказательством того, что, при таком строе, государство является представителем именно своих интересов. Все отрасли народного хозяйства пришли в полное расстройство; расходы государства, возросшие, поглощали все большую часть народного дохода и не делалось ничего, чтобы хотя скольнибудь ослабить этот процесс. Слова Людовика XIV «государство — это я» красноречиво выражают положение дел во Франции 17 и 18 веков: нужно видеть в этих словах не столько похвалу неограниченного монарха, опьяненного лестью придворных, сколько ту верную, обобщающую мысль, что государство стояло господином над интересами всех общественных групп и заботилось преимущественно о той, заботиться о которой было для него в данное время наиболее выгодно.

Было бы большим заблуждением думать, что этот порядок неизвестен современной Европе. Россия служила до настоящего времени самым поучительным примером того, что государство образует в ряду имущих классов особую, самостоятельную, наиболее властную группу, что оно представляет, прежде всего, интересы бюрократии и что меры, направленные на заботы о других общественных группах, принимаются лишь в той степени, в какой это нужно для поддержания и упрочения чиновничества. Какой области русской государственной жизни мы бы ни коснулись, везде это обнаруживается с полной очевидностью.

Преобладание бюрократии, имеющее в России многовековую историю, сказывалось за самое последнее время в стремлении увеличить число должностных лиц, служащих государству.

Уровень народного образования поднимается; число людей, подготовленных к разным отраслям деятельности, возрастает, а потому государству, «во имя общественного блага», не было бы надобности усиленно расширять свои функции. А между тем возникали новые отрасли управления, прежде всего, винная монополия. Все улучшения, которые были желательны в торговле вином, могли быть достигнуты только усилением правительственного надзора над торговлей. Казенный доход из этого источника мог быть увеличен повышением налога. Но правительство вводит монополии потому, что она увеличивает ряды бюрократии на несколько десятков тысяч людей. Наблюдение показывает, что в России казенное управление железными дорогами ничуть не лучше частного; однако, выкуп частных дорог государством совершался очень быстро. И здесь государством руководило сознание, что сила правительства тем более возрастает, чем большими материальными богатствами владеет казна и чем больше людей служит государству. Не нужно особого глубокомыслия, дабы понять, что мероприятия государства, направленные в России к поддержке отдельных общественных групп, проводились прежде всего для укрепления бюрократии. По первому впечатлению может казаться, что усиленная и широко разветвленная таможенная политика делает государство представителем буржуазии. Ничуть не бывало: как в период господства меркантилистических учений высокие таможи воздвигались, дабы создать наиболее легкий способ пополнения государственной казны, так и в современной России высокие таможенные налоги устанавливались, прежде всего, потому, что они являются наиболее доступным средством для увеличения доходов государства. Если бы в основании этой политики лежали интересы возникающих отраслей промышленности, то русское правительство не разрешило бы так легко открытия промышленных заведений, охотнее поддерживало бы колеблющиеся предприятия, было бы осторожнее в переходе к золотой валюте, который явился причиной большого стеснения денежного рынка и затрудненного положения многих промышленных единиц. Если бы, проводя покровительственную политику, русское правительство представляло интересы промышленно-торгового класса, а не казны, то оно не построило бы в 1898 году про-

мыслового налога так, как он был построен, т. е. с обременением многих плательщиков.

Может быть, государство являлось в России представителем дворянства, как землевладельческого класса? И это предположение не соответствует действительности. Весь землевладельческий класс России — а дворянство занимает в группе землевладельцев первое место — важен для государства прежде всего, как поставщик, сельскохозяйственных продуктов на иностранные рынки. Чем более вывозится этих продуктов, тем больше расчетный баланс склоняется к выгоде России, тем лучше поставлен русский государственный кредит, тем более благоприятно положение государственных финансов. А потому, правительство, во имя своих же бюрократических интересов, вынуждено поддерживать землевладельцев. Поддержание землевладельцев-дворян, всего ярче выразившееся в учреждении дворянского земельного банка не должно быть истолковано так, что, будто бы, государство хотело оказать дворянам особую, исключительную услугу и выделить их, как класс, предпочтительно представляемый государством. Если принять в расчет, что землевладельцы не дворяне составляют меньшинство, что это меньшинство обладает гораздо большей привычкой к хозяйствованию и что оно имеет из частных земельных банков кредит только на 1/5 дороже, чем дворяне из дворянского, то льгота, полученная привилегированным сословием, представится совсем незначительной, не способной сохранить за ним владение землей. Полное пренебрежение в России дворянами, как дворянами, видно из переделки, которой подверглись земские учреждения по закону 1890 г. Земские собрания и управы состояли преимущественно из дворян. По-видимому, было полное основание сохранить за привилегированным сословием некоторую свободу самоуправления, предоставленную земству по закону 1864 года. А между тем обновленные земства были целиком подчинены правительственной опеке. То же скажем мы о дворянском самоуправлении; предводители дворянства, стоящие во главе этих собраний — чиновники, трепещущие пред губернаторами; они жаждут чисто бюрократических отличий и радуются каждому случаю, когда могут доказать правительству свою угодливость. Наконец, каждому, сколько-нибудь знакомому с русской жизнью,

известно, что дворянин среднего достатка, хотя бы старинного рода, не значит ровно ничего, что он съезживается перед каждым чиновником, занимающим даже умеренный пост, и добивается хоть какого-нибудь места на государственной службе. Преобладающее значение государства в России, длящееся до сих пор, закреплено Петром Первым и последующими правителями в узаконениях, которые обуславливают получение потомственного дворянского звания чинами и орденами. Как бы деятельность человека ни была ничтожна, за многолетнюю службу государству человек легко приобретает к потомственному дворянству.

Итак, в России нет группы имущих, которую представляло бы государство. Смешно говорить, что оно является представителем неимущих. Оно образует особую группу имущих, наиболее сильную и властную; оно охватывает и представляет свои интересы, т. е. интересы бюрократии. Выражая именно эти интересы, оно стремится присвоить возможно большую часть народного дохода и наиболее увеличить число людей, которые зависят от него непосредственно. Полная самостоятельность русской бюрократии, как класса, ярко выражается в русских государственных финансах. Все старания финансового управления клонились к тому, чтобы представить роспись без дефицита, с возможно большим превышением доходов над расходами. Вовсе не принимались до сих пор в расчет, чего это стоит народу. Во многих местностях страны накапливались огромные недоимки; многие отрасли хозяйства находились в угнетенном положении; но раз роспись государственных доходов и расходов заключалась с остатком, то со всех сторон слышались отзывы о блестящем положении дел. Таким образом, государство обособляется от вех общественных групп, резко отграничивает от них свои собственные интересы.

Из европейских государств только Россия и Турция представляют картину вполне самостоятельного государства, давящего все общественные группы. В других странах мы находим некоторые, иногда значительные пережитки старины. В Германии они сохранились еще довольно заметно. Самостоятельность интересов государства в Германии сказывается, например, в том старании, с которым казна удерживает за собой железные дороги. Наука выдвигает ряд сообра-

жений о предпочтительности государственной собственности на железные дороги пред частной; многие из этих доводов правильны. Но современное государство — в частности Германия — руководствуется вовсе не этими соображениями: оно стоит за казенные железные дороги, так как они обеспечивают ему армию в несколько сот тысяч человек, всегда готовую к услугам правительства. Эта черта сказывается в дисциплине, которой подчинены должностные лица не только на службе, но и в частной жизни. Это видно из затруднений, которые ставятся участию должностных лиц в политических союзах, хотя бы очень далеких от радикализма. Обособленность государства от общества в Германии сказалась, например, весной 1899 года, при внесении правительством законопроекта об усилении наказания стачечникам за препятствия работ тех, кто не желает примкнуть к стачке. Проект встретил отпор даже со стороны партий, представляющих интересы капитала. Было ясно, что принятие этого закона только даст возможность посадить каждый год несколько сот человек в тюрьму, но не уменьшит стачек и не помешает стачечникам пользоваться для отвлечения других от работы такими способами, которые устраняют возможность преследования со стороны закона. Все это было ясно и членам высшего правительства. И если все союзные правительства в Германии настаивали на проведении этого проекта, то лишь потому, что он расширял сферу правительственного вмешательства в общественную жизнь. А каждое расширение правительственной деятельности усиливает правительство подобно тому, как упражнения укрепляют тело человека. Эти же вождедения германской бюрократии читаем мы между строками во всех проектах увеличения войска и флота. По поводу первого еще можно сказать, что Германия, втиснутая между сильными военными державами, нуждается в многочисленном войске; но для увеличения флота в тех размерах, которые уже намечены, нельзя найти никаких оправданий. Внешняя торговля для своего дальнейшего развития, не нуждается в большом военном флоте. Разве вывозят много те страны, которые имеют большой военный флот? Нет, вывозят те, которые имеют усовершенствованную промышленность или изобилие продуктов сельского хозяйства: это доказывают и Бразилия, и Аргентина, и Бельгия, и сама Германия,

завоевавшая, при скромном флоте, столь большую часть мирового рынка. Для приобретения же колоний Германии не поможет и самый большой военный флот: лучшие части земного шара уже заняты, а для всех мест, которые еще могут быть привлекательными, Германии придется столкнуться с англичанами и американцами, народами, уже географически поставленными для развития флота в гораздо более благоприятное положение, чем Германия. Вот почему, как бы германское правительство, требуя новых и крупных ассигнований на военный флот, ни соблазняло общество перспективой новых колоний, в основании лежит уверенность правительства, что новые корабли, пушки, верфи, тысячи моряков, завися от государства и обособляясь от других общественных интересов, увеличивают силу бюрократии.

Франция вступила в тот период общественного развития, когда государство расшатано, когда оно не может быть самостоятельной группой среди имущих классов; оно является их орудием. Однако в процессе Дрейфуса обнаружилось, что государство напрягает все силы, дабы сохранить за собой самостоятельное положение. В ожесточенной борьбе, которая была вызвана осуждением Дрейфуса, по одну сторону стояло все лучшее, чем располагает французское общество: рабочие классы и члены среднего класса, не утратившие идеалов. По другую сторону было все, что есть во Франции наиболее отрицательная: дворянство, являющееся в этой стране жалким анахронизмом, все слои буржуазии, утонувшие в материальных расчетах, духовенство, чиновничество, войско. Центральной точкой всего дела был вопрос о пересмотре процесса. Когда окрепло убеждение, что Дрейфус осужден безвинно, то все лучшие люди Франции стали требовать пересмотра. А все худшее, чем располагает эта страна — все националисты, антисемиты, квасные патриоты, представляя более или менее самостоятельные общественные группы, вовсе не были заинтересованы в том, чтобы дело не было пересмотрено¹. Пересмотр сам по себе не наносил ни одной из этих групп ни малейшего ущерба: его последствиями могли быть только оправдание Дрейфуса, восстановление его доброго имени и привлечение к суду некоторых офицеров и генералов. Такой исход не причинял имущим классам никаких существенных невыгод ни при-

мо, ни косвенно: наказание десятка высокопоставленных военных людей способствовало бы только поднятию репутации войска и отнюдь не нарушило бы общественного порядка, которым так дорожат имущие классы. Для войска же, с точки зрения замкнутых военных интересов, обособленных от интересов всех общественных групп, было выгодно не допускать до пересмотра, дабы не обнаружить испорченности, которая насквозь проела французскую армию. Прячется от дневного света, подольше скрывать злоупотребления и даже ошибки, твердо помнить, что рука руку моет — таковы начала, руководящие деятельностью властного правительства. И эти начала, не могущие быть удержанными во всем французском государственном строе, ибо республика расшатала его, сохранились почти неприкосновенными в войске. От монархий Бурбонов и Наполеонов, которые были самостоятельными и властными единицами во французском обществе, удержалась одна часть — войско; оно и явилось выразительницей идеи государства, господствующего над обществом. Самостоятельность войска, как надобщественной силы, не могла бы выступить так ярко, если бы оно прямо не было заинтересовано в деле Дрейфуса. Но так как это дело было исключительно его делом, то оно и обнаружало всю энергию, на какую было способно. Военное ведомство давало отпор общественным группам, которые требовали пересмотра дела. Когда начала разгораться борьба, то все реакционные группы естественно должны были стать на сторону войска. Такой группой, прежде всего, оказалось правительство. Министерство Мелина, считая себя не только частью государственного механизма, но частью властного государства, сознавало тождественность своих интересов с интересами войска, а потому безоговорочно, вместе с президентом Фором было противником пересмотра. В следующих министерствах готовность примкнуть к войску ослабла, но отдельные члены держались этого направления. Все реакционные группы присоединились к войску именно потому, что борьба, начатая прогрессивными силами за пересмотр дела Дрейфуса, внушала людям реакции мысль, что идет волна чего-то свежего, неприятного буржуазии и дворянству, опасного для них, что в виду этой опасности нужно соединиться, что лучшим ядром этого союза может служить сила,

которая наилучше организована, т. е. войско. Лагардель дал правдивый очерк дела Дрейфуса, но же выделил в этой борьбе самостоятельных интересов войска, как силы, которая еще уцелела от времен монархии и представляет независимое властное государство: против лучшей части либеральной буржуазии, говорит Лагардель, собрались все элементы реакции: войско, церковь, двойная демагогия антисемитизма и цезаризма; войско — преторианская гвардия капитала, самое тяжелое из исторических пережитков, власть над которым делят между собой Иезуиты, остатки старого дворянства и класс земельных собственников 84). Вполне соглашаясь с характеристикой сил, действовавших в процессе Дрейфуса, мы с удивлением говорим лишь о том, что войско, самый тягостный для страны «исторический пережиток», был в данном случае представителем интересов не капитала, а своих, государства, отождествленных с интересами войска. Кто познакомился с бесчисленными злоупотреблениями во французской армии, с расхищением казенных денег, силой кумовства, которая усыпает розами путь наименее достойных, с полным пренебрежением к чисто военным обязанностям, с растлевающим духом казармы, тот поддержит мнение французского писателя 85), что французское войско — противник нации в ее целом, т. е. образует в населении особую группу, враждебную всей стране и лежащую на ней тяжелым бременем.

Я нахожу, что даже в Англии не совсем изгладились следы того, что государство образует самостоятельную группу. Война с Трансваалем дает живое тому доказательство. Возникновение войны обыкновенно получает со стороны лучших людей английского общества такое объяснение. До открытия алмазных копей в Кимберлее англичане относились к Южной Африке совершенно равнодушно. В 1889 году было учреждено, по почину Родса, предприятие для эксплуатации Южной Африки; королевская хартия дала этому обществу обширные полномочия. Около этого же времени усилилось добывание золота в Трансваале, и главные деятели Африки стали проникаться убеждением, что барыши от добывания золота будут еще более велики, нежели от алмазов. В Кимберлее все подпало под власть Родса; постепенно он стал стремиться к упрочению своего господства и в

Трансваале. Родс и его помощники вычислили, что исполнение в Трансваале их требований относительно эксплуатации туземцев, как работников увеличит ежегодную прибыль компании на 25 миллиона фунтов. Но правительство южно-африканской республики не хотело допустить этого. Отказ правительства Крюгера отдать туземцев в руки эксплуататоров и был признан тяжкой, обидой, которую нанесли уитлендерам. И вот, побуждаемые ненасытной алчностью, Родс и его товарищи решили ввести в заблуждение английское общество. В этих видах и была предпринята цельная, законченная система действий. Подкупается большая часть южно-африканских газет; затрачиваются огромные деньги, дабы ежедневно телеграфировать в Англию ложные, сенсационные известия о невзгодах пришельцев в Трансваале. Должностные лица в южной Африке, отказывавшиеся поддерживать этот обман, увольняются. Правильно организованный подкуп дал Родсу возможность исказить телеграммы, которые из Африки посылались в Англию разными лицами, а находившиеся в Африке корреспонденты почти всех лондонских газет были взяты Родсом на жалованье. Деятельность Родса встретила большую поддержку в высших лондонских кругах. Министр колонии Чемберлен тем более готов был стоять на стороне этого движения, что его побуждали некоторые члены королевской фамилии, заинтересованные в барышах от южно-африканских золотых россыпей. Постепенно английское общественное мнение было обмануто, и началась война, которая не могла принести Англии никаких выгод, а была способна только послужить на пользу шайки финансистов. И на стороне этой войны оказалась вся Англия, за исключением рабочего класса, особенно тех групп его, которые тесно примыкают к социализму 86).

Я нахожу такое объяснение неполным. Конечно, Сесиль Родс и другие алчные люди, наживающие деньги в южной Африке, совершали всякие беззакония и темные дела, чтобы увеличить свое богатство. Если бы неограниченное пользование рабочей силой туземцев обещало повышение дохода этих людей не на миллионы фунтов ежегодно, а на суммы, несравненно меньшие, и тогда они были бы способны на самый беззастенчивый обман, подкупы, насилия. Однако это одно не привело бы еще к войне. Имущий класс Англии, взятый в целом, может получить от завладения южно-африканскими республиками только незначительные выгоды. Английский капитал выигрывает оттого, что Англия владеет обширными колониями; потеря одной из них была бы существенным ущербом для английского промышленного класса. Но Трансвааль не был колонией; пользуясь самостоятельностью, он служил местом сбыта английских товаров и выгодного применения английских капиталов. Обращение этого маленького государства в колонию, т. е. предположительное извлечение из него еще больших выгод могло быть достигнуто только войной. Первоначально война не обещала столько трудностей, как было встречено; однако, она грозила большими расходами и напряжением сил; нельзя было надеяться, что материальный выигрыш, который доставит присоединение южно-африканских республик, покроет этот ущерб. А потому, война была начата не только из-за выгод для имущего класса Англии, но в значительной степени из-за вопроса о власти. Родс мог обмануть многих, но невероятно, чтобы он мог обмануть всех, ставших сторонниками войны. В кругах, далеких от операций южно-африканских бандитов, поднимался такой вопрос: не пострадает ли слава Англии, не поколеблется ли вера в ее могущество, если она не заставит африканских республик исполнить свои требования? Не предписывает ли политическая мудрость вести войну для поддержания своего авторитета в глазах миллионов и миллионов, населяющих обширные английские колонии? И правительство Англии, начав войну, представляло интересы не только финансовых дельцов, но и властвования, т. е. государства в тесном смысле слова.

Стоит внимательно присмотреться к функциям государства в прошлом и настоящем, и представится ребяческой мысль Лоренца Штейна, что будущность Европы до тех пор, пока есть классы, группы, сословия, общественные противоположности, покоятся на монархическом начале, ибо только это начало примиряет все противоречия 87). Так же странно звучит навеянное философией права, которая выросла под сенью полицейского государства, утверждение Лассалля, что целью государства является бесконечное совершенствование природы человека и что государство, исполняя это тре-

124

бование своей нравственной сущности, даже бессознательно, даже против воли своих вождей, более или менее было верно этому назначению 88). Нет, государство, пока оно сильно, образует особую, самостоятельную группу; оно стоит над всеми общественными классами и пользуется ими для своих целей. Оно делает для каждой из общественных групп (иногда и для неимущих) то, что в данное время и данном месте наиболее выгодно для него, т. е. для охранения и укрепления бюрократических интересов. Лабриола выражает верную мысль, когда говорит: «государство уже тем фактом, что оно возникло . . . создает вокруг себя группу людей, прямо заинтересованных в его существовании» 89). По мере же того, как слабеет государственная власть и крепнут общественные группы, государство имеет все менее возможности отстаивать свои интересы и все более становится орудием класса имущих в его целом или же отдельной группы класса имущих, представителей землевладения или капиталовладения.

IV.

В противном стане мы находим, прежде всего, представителей неимущего класса. Его ядром являются рабочие, занятые в крупном производстве и именно в промышленности. Весь их быт складывается так, что они должны выносить на своих плечах главную тягость классовой борьбы. Разделяя со всеми членами рабочего класса, занятыми физическим трудом, 90) низкое вознаграждение, необеспеченность заработка и неуверенность в завтрашнем дне, рабочие крупных промышленных заведений имеют некоторые особенности, делающие их передовыми бойцами в этом движении. Работники мелкого промышленного заведения в тех странах, которые еще не вступили целиком в период машинного и крупного производства, стоят к орудиям производства, а потому и к интересам владения гораздо ближе, чем первые: они видят, как в их ближайшем соседстве люди, недавно бывшие работниками, стали во главе мастерских, и считают такой переход возможным и для себя, хотя бы незначительность доходов и не позволяла им делать сбережения. От подобных предположений относительно будущего подчас не вполне свободен и сельский рабочий в самом крупном имении. Как ни сложны и дороги машины, применяемые в крупном сель-

ском хозяйстве, работник при них знает, что повсюду и почти в каждой отрасли сельского хозяйства сохранились много крестьян, сидящих господами на собственных участках. Работник хозяйства во много тысяч десятин отделен бездонной пропастью от его владельца; но интересы землевладения не противны ему, так как 15 – 20 лет усердной работы позволяют ему сделать такое сбережение, чтобы приобрести клочок земли. Рабочий машиностроительного, сахароваренного завода, каменноугольных копей, бумагопрядильной фабрики не имеет этих надежд или имеет их в бесконечно слабейшей степени. Средние размеры промышленного предприятия в этих и многих других отраслях стали исполинскими. Работник отделен глубокой пропастью от хозяев, а владение последних орудиями производства и отчужденность первых от орудий именно здесь выделяются в своей наиболее резкой форме. Вот первое обстоятельство, которое делает этих людей главными деятелями в борьбе, направленной против частного владения. Другим благоприятным условием служит соединение работников в многочисленные массы, возможность непрерывного общения, возможность развития чувства солидарности и образования то временных, то постоянных союзов. Только в такой массе легко упрочивается связь с сотоварищами, а эта связь освобождает работника от чувства страха, которое держит его в рабском повиновении хозяину. Обозревая рабочую армию на своем заводе, каждый отдельный работник понимает, что хозяину не так легко запугать 3 – 4000 человек, если они дружно стоят за одни и те же требования; он понимает, что увольнение с завода 5 – 10 человек, которые в одиночку ведут борьбу, не представляет для хозяина ничего затруднительного, увольнение же 2 – 3000 связано с большими трудностями; иногда оно может серьезно потрясти все предприятие. Наконец, все меры, просветляющие рабочих, воспитывающие их классовое сознание, действуют в крупных промышленных заведениях особенно могущественно. Газета, проникающая в избу крестьянина или кустаря, читается в одиночку; многое из прочитанного забывается. В деревнях или, вообще, вне крупных промышленных заведений, редко бывает случай обсудить прочитанное в многолюдном собрании, которое все с интересом относилось бы к данному вопросу. Каждый

листок, попадающий к одному из фабричных работников, сразу находит большое число читателей; поднятый вопрос не замирает в голове одного, а вследствие непрерывного общения между работниками тотчас же находит много собеседников и истолкователей. То же можно сказать и обо всех других способах воздействия на ум работника: лекции, агитационные меры имеют здесь большую среду, особенно отзывчивую уже потому, что интересы ее членов одни и те же и между членами непрерывно поддерживается общение.

Около этого ядра группируются представители и других слоев населения, прежде всего, рабочие мелких промышленных заведений и одиночки-ремесленники там, где крупное производство стало господствующим типом и где ремесленник, ведущий промысел, не имеет шансов на основании значительной мастерской и может рассчитывать только на то, чтобы заниматься починкой изделий. Группа ремесленников-одиночек стоит на рубеже между ремесленниками, которые имеют мастерские с 2 – 3 постоянными работниками и пользуются некоторой хозяйственной самостоятельностью, и рабочими крупных промышленных заведений. Эти группы, насчитывающие своих представителей сотнями тысяч (91) по техническим особенностям своего промысла входят в состав класса ремесленников. Но социально, по всему своему жизненному обиходу они стоят гораздо ближе к фабричному пролетариату: их владение ограничивается немногими и недорогими орудиями, на будущее нет сколько-нибудь обоснованных надежд, и из их рядов гораздо легче выйдут сторонники неимущего класса, нежели защитники интересов владения.

Сюда же тяготеют и многочисленные массы людей, занятых в торговле. Большое разделение труда в торговом промысле, упрощение занятий низводят работу тысяч и тысяч торговых служащих к простейшим операциям, а вознаграждение — к самым скромным цифрам. Как работник бумагопрядильни имеет мало шансов стать хозяином, так мало имеет их подручный приказчик в оптовой торговле хлебом или конторщик, в страховом обществе. Вот почему эти люди имеют естественную связь с неимущим классом и примыкают к нему, если только их не удерживает на стороне владения чувство страха или полное невежество.

Сюда же естественно примыкает и низшее чиновничество; оно занимает, среднюю ступень между рабочими и чиновниками в тесном смысле. Почтовый, железнодорожный служащий разных наименований, канцелярские служители и другие несут служебные обязанности, весьма сходные с разными видами труда, которые лежат на рабочих в промышленных предприятиях. Их подготовка, уровень умственного развития, их жалованье обыкновенно не выше, чем рабочих в промышленности, по крайней мере, высших разрядов этого класса. Требования к их внешности таковы, что иногда они должны тратить на одежду больше, нежели фабричные работники. А переход их в ряды чиновников и приобщение к имущему классу или чрезвычайно трудно или прямо невозможно. Современное государство дает этим низшим должностным лицам лишь столько, чтобы они не умерли с голоду. И те из них, которые сколько-нибудь задумываются о будущем, могут понять, что демократизация общества даст им крупный выигрыш; чем полнее будет осуществляться начало равенства, тем более будет обеспечено возрастание заработка людей, получающих теперь очень низкое вознаграждение за труд; среди последних будут и столь необходимые для общества работники, как почтовые чиновники, железнодорожные служащие и многие другие. Поэтому весь склад жизни заставляет их примкнуть к неимущему классу, и только страх перед начальством нередко парализует это стремление.

Неимущий класс должен бы, казалось, привлекать в свой лагерь многочисленные массы из сельского населения, прежде всего сельских рабочих, а затем и самых мелких крестьян-собственников, надел которых не дает семье поселянина даже скудного обеспечения. Нет надобности пояснять, что интересы сельских рабочих стоят очень далеко от интересов владения. Очевидно далее, что интересы самых мелких крестьян-собственников гораздо ближе к расчетам неимущего класса, нежели представителей владения. Крестьянская семья, владеющая 1–3 десятинами, если она не занимается на всей этой площади садоводством или виноделием, поставлена не лучше, чем семья среднего фабричного работника. Неблагоприятное состояние рынка, неурожай, низкие цены, повергая первую в нищету, не лишают ее крова. Но большой заработок на фабрике позволяет работнику делать

некоторые сбережения, преимущественно в виде взносов в союзы рабочих, которые поддерживают членов в случаях крайней нужды. И если мелкие поселяне не стараются переходить в лагерь неимущего класса, то следует объяснить это отнюдь не размерами их материальных средств, а чувством страха, которое властвует над одними, и невежеством, которое держит в своей власти других. Безземельные сельские рабочие, скопляясь только в очень немногих хозяйствах большими массами, живут под влиянием страха, что, уволенные хозяином, они не скоро найдут занятие в другом месте. Потеря занятия и куска хлеба, нищета в случае строптивости возможны тем более, чем более обеспечены способы выписки рабочих из заграницы из менее культурных, стран, где заработная плата низка, откуда могут быть без труда привлекаемы многотысячные рабочие армии. Во многих местах Германии, особенно северной и восточной, покорность и безропотность должны быть объясняемы не столько чувством страха пред возможностью лишиться заработка, сколько усвоенной по наследству привычкой повиноваться не забудем, что в этих местах крепостное право, тяготевшее над деревней несколько столетий, официально отменено в первой четверти XIX века, а в действительности — в 50-х годах. Вторая группа — мелкие крестьяне-собственники — часто стоят на стороне владения вследствие неясного представления об условиях своей жизни и иллюзии относительно будущего. Соперничество заокеанских стран и удары, которые оно наносит сельскому хозяйству Европы, представляются мимолетными фактами, надеются, что они пройдут бесследно и угнетенное состояние сменится благоприятными условиями. Низкий уровень знаний, которым отличается население деревень, препятствует пониманию существа заокеанского соперничества; раз оно понято, то становится ясным, что это явление не мимолетно, что оно способно еще долго угнетать сельское хозяйство Европы. Далее, крестьяне, владеющие только клочками земля, имеют в ближайшем соседстве более крупные владения людей, которые принадлежат к той же общественной группе. Клочковый собственник, сидящий господином на 2 десятинах, очень вероятно, имеет родственников и уже наверно знакомых с наделом в 8 — 10 десятин, обеспечивающих семье достаток. Переходы от

самых мелких владений к значительным крестьянским наделам так незаметны, возможность расширения клочковой собственности, при благоприятном положении хозяйства, представляется столь обычной, что крестьяне и этой группы легко держат сторону имущего класса. Все, что делает последнему жизнь соблазнительной и тягостной, более понятно такому клочковому владельцу, нежели общественный строй без права частной собственности на орудия производства, как его начертывает программа социализма. Такое мировоззрение легко поддерживается непониманием процесса, совершающегося в области производства, — процесса поглощения крупными владениями и единицами производства мелких. Так как этот процесс происходит в землевладении гораздо более медленно, чем в промышленности (92), то крестьянин имеет реже случай убедиться, что надежда на расширение мельчайшего сельского хозяйства до полной крестьянской единицы становится с каждым годом все менее обоснованной.

Из людей вольных профессия к неимущему классу всего ближе стоят те, которые занимают в своей группе низшие ступени лестницы: обыкновенно эти люди и происхождением, и заработком, и возможностью перейти в ряды имущего класса представляют много сходства с пролетариатом. Распространение общего и технического образования и все большая трудность для массы образованных людей устроиться ведут к тому, что повсюду в группах вольных профессий мы находим людей, принадлежащих к стану неимущих. Учитель начальной школы ближе к этому классу, нежели профессор университета; земский или сельский врач — ближе, чем городской с обширным кругом пациентов; рядовые журналисты — ближе тех, которые имеют высокое вознаграждение за свою литературную деятельность (93).

Остановившись довольно долго на группах, из которых слагается класс имущих, мы можем наметить в лагере неимущих два наиболее обширных отдела; между ними меньше различий, нежели между ними в совокупности и группами первого класса. Этими отделами являются: 1) работники и мелкие собственники в сельском хозяйстве; 2) работники в промышленности. Можно подметить между ними некоторую противоположность интересов: поскольку государство принимает меры, благоприятные для сель-

ского хозяйства, постольку, наряду с классом землевладельцев, выигрывают что-нибудь и сельские рабочие. Таможенные пошлины на иностранный хлеб в странах, которые получают много хлеба из заграницы, искусственно поддерживают туземное сельское хозяйство и обеспечивают в нем заработок для большего числа людей. Но вздорожание хлеба невыгодно для рабочих промышленности. Наоборот, таможенное покровительство обрабатывающей промышленности создает новое поле для рабочего класса промышленности, даже поднимает заработную плату в некоторых отраслях; а для сельских рабочих оно сказывается только вздорожанием многих предметов необходимости или общераспространенного потребления. Можно даже утверждать, что большинство государственных мер, действующих на большой круг интересов, отражается неодинаково на сельских и промышленных рабочих: если такая мера не принадлежит к тактам, прямо неблагоприятным для всех неимущих, то она может доставить одной группе большие выгоды, чем другой, или же быть выгодной для одной и причинить ущерб другой.

Есть, поэтому, основание говорить, что в состав класса неимущих входят два главных отдела: сельские и промышленные работники. Однако, по существу, различия между этими группами гораздо менее резки, нежели противоположности между ними и какой либо группой имущего класса. Невыгоды, причиняемые мероприятием государства или общественных групп одному классу неимущих, например, сельским работникам, тогда как от него выигрывают работники промышленности, ухудшают быть первых и улучшают положение вторых на величину очень малую, сравнительно с расстоянием, которое отделяет первых от землевладельцев и крупных арендаторов, а вторых — от капиталистов. Чувство или сознание противоположности интересов, порождаемое вышеупомянутыми мерами, гораздо менее глубоко, нежели чувство или сознание противоположности своих интересов — интересам той группы имущих, которая связана с ними родом занятий. Резкость этой второй противоположности позволяет рассматривать обе группы неимущих, как одно целое, как единый пролетариат, между частями которого по существу, легко может установиться солидарность.

Однако нужно выделить из неимущих особую группу; она не только не владеет имуществом, но отличается от массы пролетариата тем, что отчуждена от правильного производительного труда. Вот условие, которое ставит эту группу в большую личную зависимость от класса имущих, развращает ее, внушает ей угодливость относительно богатых и препятствует развитию чувства солидарности с пролетариатом. Пролетарий, проводящий всю жизнь в тяжелой работе, может укрепляться в чувстве собственного достоинства и любви к независимости; в нем может упрочиваться презрение к богатым празднующим и даже к тем беднякам, которые предпочитают подачки богатых напряженному труду. А эти люди, поставленные между презрением имущих, на счет которых они живут, и пролетариата, относящиеся к последнему с чувством страха. Это — чернь в тесном смысле слова. Большие города всегда изобиловали этими людьми. Как в старину эту чернь составляли массы, требовавшие от богатых хлеба и зрелищ, всегда готовые изменить своему господину, служившие тому, кто сытнее кормил и больше развлекал, так и теперь чернь набирается из профессиональных нищих, бродяг, из городского и сельского пролетариата долгое время остающегося без работы и утратившего привычку к правильному труду (94). Наконец, сюда нужно отнести большую часть домашней прислуги. Ее работа сравнительно не тяжела, а материальные условия жизни более благоприятны, чем промышленных или сельских рабочих. Вот почему она тяготеет к напряженным, истинно производительным трудом. А зависимость от личных прихотей господ развивает в ней те отрицательные свойства, которые служат отличительной особенностью черни.

Эта группа, образующая среди неимущих, хотя небольшое, но заметное, меньшинство, не дает ничего, что позволило бы пролетариату рассчитывать на нее, как единомышленников. В бурное время, когда пролетариат обнаруживает значительную силу, чернь пристает к нему; в периоды же спокойствия она представляет скорее оплот для имущих, нежели для бедняков, живущих трудами своих рук.

Но в рядах неимущего класса мы находим и людей, которые, руководствуясь материальными расчетами, должны бы стоять на стороне имущих. Нередко туда идут люди, которые про-

исхождением, воспитанием, привычками и вкусами принадлежат к господствующим классам. Все такие члены в стане неимущих являются отщепенцами своего класса. В основании их отщепенства лежат побуждения, прямо противоположные тем, которые удерживают многих неимущих в лагере имущего класса.

Если крестьяне собственники или сельские рабочие избирают в парламент депутата, принадлежащего к крупным землевладельцам или если ремесленник подает на выборах голос за фабриканта и если избранный будет представлять интересы своего класса, то избиратель окажется вольно или невольно защитником интересов владения: вольно, раз он сознавал противоположность интересов своего класса и того, к которому принадлежит избранный, и невольно, если он считал эти интересы тождественными. В первом случае избиратели действуют под влиянием страха, во втором — под влиянием невежества. Последнего упрека в смягченном виде заслуживают даже те избиратели, которые обладают достаточным умственным развитием. Мелкий землевладелец или мелкий промышленник, не понимая того, как совершится развитие общества, считают тождественными интересы крупного и мелкого землевладения. Не сознавая, что второе поглощается первым, они думают, что представители крупного могут служить и выгодам мелкого, т. е. ищут идеалов хозяйственного быта не впереди себя а позади. Их деятельность является вследствие этого противоположно истинным интересам их класса, и они теряют время для приближения к новому порядку вещей. Таким образом, отщепенство этих людей объясняется побуждениями и условиями низшего порядка. Не таковы те члены господствующих классов (представители земле и капиталовладения и высшие разряды людей свободных профессий), которые изменяют интересам своего класса: в основании их деятельности лежат альтруистическое чувство, иногда без всякой примеси, иной раз с примесью честолюбия, славолюбия. Не будем искусственно увеличивать число этих людей; нередко деятельность, чисто эгоистическая по существу, облекается в такие формы, что может быть признана противоречащей классовым интересам данного лица. Возьмем для примера предпринимателя, который сокращает чрезмерно длинный рабочий день или устанавливает прибавки к заработ-

ной плате. Если при этом он даже вовсе не руководствуется соображениями о собственных выгодах, то и не идет в разрез с интересами своего класса: такие акты имеют положительное влияние на качество труда рабочих; притом же подобные акты, благоприятные для рабочего, не усиливают в нем классового сознания, а потому не могут быть опасны для хозяев, как класса. Равным образом, если фабрикант высказывается в законодательном учреждении за умеренное сокращение рабочего дня и за некоторые меры, ограждающие работников от опасностей со стороны машин или процессов труда, то еще не противоречит интересам своего класса. Умеренное или даже значительное уменьшение рабочего дня всегда обеспечивает хозяевам рабочие руки более высокого качества, а предупредительные меры от несчастных случаев стоят совершенных пустяков и, уменьшая число несчастных случаев, делают излишними расходы на лечение увечных, пособия вдовам и сиротам; а эти расходы, правда ничтожные, признаются и невысокой моралью буржуазного общества. Мы скажем то же об адвокате: если он ведет в суде дело рабочих, которые требуют от хозяина задержанной платы, то еще не является изменником классовым интересам, ибо весь современный гражданский оборот зиждется на начале свободного договора и обязательности для каждого исполнить то, что было установлено договором. Про всех лишь, действующих в указанных направлениях, можно сказать, что они поступают или только благоразумно (таковы фабриканты в вышеприведенных примерах) или даже великодушно (адвокат, безвозмездно ведущий дело рабочих). Но такие люди являются изменниками своему классу, когда совершают акты, которые прямо пробуждают в угнетенных классах сознание их обособленности и противоположности их интересов интересам господствующего класса. Если фабрикант устраивает читальню, куда имеет доступ литература без ограничения теми или другими взглядами, где равно терпимы Адам Смит и Маркс, Гете и Гейне, Figaro, Journal des Dîbats и Vorwärts, то он является отщепенцем своего класса. Равным образом, если ученый, принадлежащий к господствующему классу по рождению, воспитанию, привычкам, может быть, вкусам, говорит не о том, чтобы богатые подавали бедным милостыню и организовали общественное презре-

ние по такой то системе, а чтобы в обществе была развита борьба и угнетенные классы настойчиво требовали для себя новых и совершенно иных условий жизни, то является изменником. Адвокат, который защищает пред судом рабочих, обвиняемых в стачке, является отщепенцем. Все эти люди совершают акты, противные интересам класса, к которому принадлежат. Все такие акты помогают развитию в поработанных слоях сознания классовых интересов и подготавливают их к борьбе. И все эти отщепенцы имеют большое значение, как сотрудники поработанных классов при их движении вперед. Обладая большим запасом умственного развития и большой привычкой к общественной деятельности, они очень полезны, так как помогают скорейшему росту сознания в угнетенных классах, ускоряют процесс объединения разрозненных сил и облегчают борьбу. Согласно со схемой, которую дают Маркс и Энгельс, в критические эпохи, когда поработанные классы обнаруживают большую силу и могут рассчитывать на победу, многие лица господствующего класса выходят из своей среды и становятся на сторону народа. Так было, напр., в великую французскую революцию, когда часть дворянства перешла на сторону революционеров. Несомненно, в такие эпохи к поработаным классам примыкает особенно много людей из среды господствующих. Но многие, пожалуй, большинство, руководствуются личными выгодами, сознанием опасности, которая может угрожать им в случае победы народа, если они останутся в своих рядах. Н в такие эпохи, скажем мы, и в обычное, спокойное время, среди господствующих классов есть люди, которые отрешаются от эгоистических расчетов действуют бескорыстно, знают, что, при всех условиях, угнетенные классы далеки от победы и что они сами, идя рука об руку с беднейшими, могут только потерять. И все-таки, они идут. Многие из этих людей действуют отчасти под влиянием честолюбия и властолюбия; однако, мы должны признать, что в основе их деятельности лежит принципиальное отрицание классовых интересов и самопожертвование. Гракхи прожили бы век гораздо спокойнее, если бы шли дружно с патрициями. Конечно, их память не сохранилась бы в потомстве так отчетливо; однако, нельзя допустить, чтобы, выступая в юные годы на защиту плебеев, они стояли за них под влиянием

надежды на то, что это всего легче даст им историческое имя. Сотни и тысячи министров и государей имеют полное основание завидовать славе Маркса или Лассаля. Однако, даже признавая в них большое честолюбие, нельзя допустить, чтобы в молодости эти люди, никому неизвестные, в расчете на великую славу, которая была уравнением только с иксами, стали на тернистый путь борьбы за угнетенные классы и с пренебрежением отвернулись от своего круга, от буржуазии. Честолюбец чистой воды всегда находит средства удовлетворить свое честолюбие в одной из многочисленных рамок, которые может дать ему современное общество. Нет, дабы человек отрешился от интересов своего господствующего класса, он должен и глубоко понимать, что этот класс переходящий, подлежит изменению, что должен наступить иной общественный строй, и стремиться к этому новому строю, как к идеалу. Отщепенцы господствующего класса, становясь на сторону угнетенных, оказывают им большие услуги. Деятельность Лассаля, длившаяся всего 15 года, имеет большое значение для организации германских рабочих. Объединение совершилось бы и без Лассаля; но его участие ускорило это дело. Именно в начале важно было то, что за дело принялся человек больших талантов, воли и красноречия. Можно утверждать, что с успехами общественной жизни поработанные группы получают из рядов господствующих классов все большее число сотрудников. И этот прирост облегчает им борьбу.

Таким образом, можно вполне присоединиться к Марксу, что лучшие, передовые представители буржуазии и, особенно, ее идеологи, становятся на сторону пролетариата; но следует, в отличие от Маркса, сказать, что присоединение совершается не только в критические эпохи, но и в спокойное время. С тем вместе, как справедливо замечает Бернштейн, буржуазия, взятая в целом, не может содействовать осуществлению социалистического строя. Но аргументация Бернштейна по этому вопросу неубедительна. Нынешнее положение буржуазии, говорит он, совершенно сходно с положением дворянства пред наступлением буржуазного периода. Дворянство, в качестве владеющего класса, получало выгоды от наступления буржуазного периода и, однако, препятствовало переходу к буржуазному обществу. Так и буржуазия проти-

вится приближению к социалистическому строю, хотя, как класс, она может только выиграть от этого перехода 95). По мнению Бернштейна, многие особенности современного общества невыгодны для буржуазии. 1) Тиф, холера и другие эпидемии, развивающиеся вследствие нужды рабочих масс, поражают и богатых; 2) политическая свобода господствующих классов не довольно обеспечена, так как армия власти, полиция — слепые силы; они все более возрастают в числе, дабы действовать, когда нужно, против массы народа; но они способны служить орудием при всяком политическом угнетении; 3) богатство буржуазии часто уменьшается конвертами государственных долгов, кризисами, банкротствами.

В этой аргументации Бернштейн преувеличивает значение невзгод, от которых, будто бы, страдает буржуазия. Хотя заразные болезни служат иногда причиной преждевременной смерти в семьях и состоятельных классов, однако, высшая и даже средняя буржуазия все легче находит способы свести эти невзгоды до наименьших размеров: в городских кварталах, где живут преимущественно состоятельные семьи, заботятся о благоустройстве, которое держит смертность на низком уровне; а понижение смертности до 19 на 1000 жителей, в целом городе, как Лондон, где миллионы живут в убожестве, укрепляет убеждение, что и при современном экономическом строе может быть сделано много санитарных улучшений. Неполная обеспеченность политической свободы может быть тягостна для отдельных представителей буржуазии, именно тех, которые поднялись над большинством своих собратьев, над золотой серединой, всецело или, по крайней мере, мыслью перешли на сторону демократии. Возрастание численности войска, полиции ненавистно этим людям только потому, что орудия угнетения могут быть направлены против неимущего класса. Буржуазии же, как классу, все эти органы современного государства не могут быть ни ненавистны, ни опасны, ибо реакционный государственный переворот, какого бы он ни был характера, может служить на пользу буржуазии или буржуазии вместе с дворянством; обыкновенно переворот суживает права только пролетариата. Это очевидно каждому, как очевидно, что большинство европейских государств управляются землевладением и капиталовладением

в интересах обоих, или с некоторым предпочтением интересов одного из них. Наконец, и третья невыгода менее существенна, чем представляется с первого взгляда. Понижение процента по государственным долгам, а за ним и вообще среднего процента, парализуется ростом производительности труда и увеличением размера средних состояний. Богатый американец или англичанин нашего времени, при 4 — 3-х процентах на капитал, превосходит имущественными силами богатого персиянина, для которого 12 годовых являются средним процентом, или своих предков 100 лет тому назад, когда и в культурных; странах процент стоял выше, чем ныне. Банкротства не должны быть признаваемы особенно грозным явлением, так как они поражают, все-таки, небольшое меньшинство промышленных или торговых людей. И чем больше развивается кредит, тем более вероятно имеет промышленник или торговец, потерпевший банкротство после продолжительного занятия промыслом, восстановить с помощью кредита разрушенное предприятие. Словом, перечисленные невзгоды не настолько велики, чтобы, под их влиянием, буржуазия, как класс, могла предпочитать неизведанный социалистический строй современному порядку, который представляет для имущего класса так много привлекательного.

V.

Перечисленные классы ведут между собою борьбу то мелкими группами, то крупными. Борьба ведется преимущественно из-за экономических интересов. Однако было бы неправильно утверждать, что борьба происходит только на этой почве. К интересам экономическим присоединяются и политические, при чем одни и другие или тесно сливаются в борьбе, или же последние примыкают к экономическим в какой-нибудь момент борьбы. Иногда политические интересы выдвигаются отдельно; группам, борющимся из-за хозяйственных интересов, точно соответствуют группы, борющиеся из-за интересов политических. Чем ниже уровень развития общества, чем проще строение, тем меньше разделение занятий, тем более экономические интересы выступают обособленно или же тесно сливаются с политическими. Наоборот, чем сложнее общество, тем более борьба получает такой характер, что одни группы

враждуют из-за экономических интересов, а другие из-за политических.

Припомним кое-что о борьбе классов, как нам дает ее история. Римские бедняки, угнетенные суровыми законами о должниках, вознегодовали против богатых и удалились на священную гору в 495 году от основания Рима. Эта бескровная борьба была начата из-за чисто экономического интереса. Исходом же ее были не только хозяйственные меры – смягчение законов о должниках и основание нескольких колоний для обеспечения земледельцев, но и создание института народных трибунов, что расширило политические права плебеев. Борьба, с которой связаны имена Гракхов, велась из-за чисто экономических интересов. Аграрный закон, предложенный Тиверием Гракхом в 621 году, был направлен к тому, чтобы сузить право римских граждан на пользование государственной землей; участки же, отобранные у граждан, которые владели площадями, превышавшими норму, должны были быть разбиты на мелкие доли, по 30 югеров каждая, и предоставлены римским гражданам и итальянским союзникам на началах наследственной аренды. Все это – дело чисто экономического характера. Вот как оценивает Моммсен эту меру: «вопрос о раздаче казенных земель не принадлежал к числу тех политических вопросов, насчет которых партии расходятся в своих убеждениях; можно было раздать все казенные земли без всяких изменений в основных законах и нисколько не расшатывая основ аристократической системы правления» (96). Выходит, таким образом, что к этой борьбе как бы не примешивалось политических элементов. Однако, оставляя в стороне законопроекты, которые хотел предложить народу Тиверий Гракх, которые могли и лучше обеспечить исполнение его аграрного закона и оградить его личную безопасность, припомним деятельность Гая Гракха; именно она вводит во все это дело политическую струю: изменение порядка подачи голосов, возвышение всаднического сословия посредством передачи функций присяжных заседателей в исключительное ведение всадников, что уменьшало влияние родовой аристократии. Или возьмем крестьянскую войну в Германии, Крестьяне восстали против помещиков, вследствие гнета, который лежал на крепостных. Не будь материального гнета, конечно, не было бы и войны. И в 12 статьях,

которые формулировали требования восставших крестьян, главное место отведено чисто экономическим интересам: крестьяне требуют, чтобы им было предоставлено право охоты и рыбной ловли на помещичьих землях, право пользования лесами, на которые помещики не могут представить доказательства законного владения, они требуют возвращения общинам пашен и лугов от тех лиц, которые приобрели их нечестным путем, уменьшения поборов и проч. Однако, мы находим здесь и политические требования: крестьяне хотят быть свободными от крепостной зависимости и хотят иметь право сами избирать священников.

Чем более приближаемся к нашему времени, тем чаще видим, что экономические и политические элементы соединяются при борьбе классов в одно целое. Это сказывается особенно ярко в революционные периоды, когда борьба ведется бурно и когда у борющихся общественных групп особенно остро сознание, что расширение политических прав является самым верным средством к тому, чтобы улучшить и экономическое положение. Но и вне революционных периодов борьба представляет движение, направленное и к обеспечению интересов и к расширению прав. Особые условия новейшей жизни объясняют, почему эти моменты борьбы разделены и в пространстве и во времени.

Борьба чисто экономического характера ведется в виде забастовок, стачек, предпринимательских lock out'ов. Охватывает ли стачка одно или несколько промышленных заведений или даже целую отрасль промышленности в данной стране, она не выходит за пределы чисто экономических расчетов: размеры и формы платы, срок выдачи, длина рабочего дня, внутренний распорядок промышленного заведения, – вот вопросы, которые в самых разнообразных сочетаниях служат предметами спора между хозяевами и работниками. Борьба не выходит за пределы экономических интересов именно потому, что стачка, выражающая эту борьбу, разыгрывается на таком поле, где сталкиваются только хозяйственные расчеты. Однако одновременно с этим идет борьба и на почве политики; парламенты служат главной ареной этой борьбы, а фракции различных партий – парламентскими представителями борющихся сторон. Стачка может быть тем более успешна, чем

более широко развито право собраний, союзов и сходок, т. е. экономические цели могут быть тем легче достигнуты, чем более развита политическая свобода. Поэтому, вопрос о развитии и укреплении коалиционного права занимает в парламентах очень видное место, при чем одни партии стоят за дальнейшее развитие этого права, другие, напротив, стремятся помешать этому. Участие неимущих классов в законодательстве является наиболее благоприятным для них условием при их борьбе на почве экономической. А потому, во всех странах Европы, еще не имеющих общего и прямого избирательного права, требование этого права надписывается на знамени пролетариата и дает самый благодарный материал для агитации неимущих классов против имущих. Чем более сознательной жизнью живет человечество, тем более к интересам экономическим, вызывающим борьбу, примешиваются и вопросы политики. При низком уровне развития неимущих у них еще нет сознания связи между хозяйственными выгодами и политическими правами: если группа рабочих, путем восстания, добилась более выгодных условий труда, то ей кажется, что в ее судьбе совершилась благоприятная перемена и при том перемена на долгое время. При более высоком умственном развитии народа, ему становится очевидным, что отдельные приобретения в области хозяйства, даже значительные, не довольно прочны, что все приобретения получают тем большую устойчивость, чем больше влияния имеет данная группа населения на законодательную деятельность государства. Чем больше это влияние, тем более вероятно, что будут выработаны нормы права, которые поставят данную общественную группу в благоприятные условия для борьбы и позволять ей легче достигать и целей хозяйства. Сознание, что власть пролагает дорогу к богатству, очень давно укрепились в имущих классах; оно лежит в основании всей борьбы из-за мест в законодательных собраниях. Пролетариат же, вследствие своего угнетенного положения и недостаточного умственного развития, не умел до последнего времени ставить эти требования. Рост же социализма повел к тому, что требование политических прав и борьба из-за политических прав составляет важнейшую часть практической программы социализма, той программы, которая в своих главных основаниях осуще-

ствима даже в современном государстве. Еще в первой четверти нынешнего века Коббет пламенно взывал к английскому пролетариату, что он должен требовать «не ростбифа, а прав, которые дадут возможность добыть и ростбифы». «Если необходимо заниматься социальной реформой, читаем мы у Л. Блана, не менее необходимо подвинуться и реформе политической. Если первая цель, то вторая — средство. Недостаточно открыть научный процесс, сплосканный освятив начала ассоциации и организовать труд согласно с требованиями разума, справедливости, гуманности: нужно поставить себя в положение, позволяющее осуществить принятый принцип и сделать плодотворными процессы, добытые путем изучения. Итак, власть — это организованная сила. Власть опирается на палаты, суды, солдат, т. е. на тройную силу законов, судебных приговоров и штыков. Не взята ее, как орудие, значит встретить ее, как преграду». 97) Вот положение, выдвинутое более 60 лет тому назад; с тех пор оно стало неотъемлемым достоянием неимущих классов во всех странах цивилизованного мира.

Не трудно понять, почему борьба классов может вестись на почве чистой политики. Успех в политике служит условием всех других успехов данного класса. Некоторые требования в области политики таковы, что их всеобщее значение стоит вне спора. А потому люди, памятуящие, что политическая реформа служит только средством для социальных преобразований, могут посвятить все свои силы достижению ближайшей цели — успехов данной общественной группы в политике; деятельность этих людей может быть в высокой степени производительна, если они не осложняют своих требований никакими соображениями относительно перемен в экономической жизни данного класса. Так, например, изменение выборного права в том смысле, чтобы неимущие классы имели широкий доступ к народному представительству, столь очевидно служит всем интересам пролетариата, что неимущий класс может вести борьбу только из-за этого права, не осложняя ее никакими примесями. Победа в такой борьбе составляет в широко общественном смысле гораздо более важное явление, нежели целая совокупность экономических выгод, полученных посредством борьбы в отдельных небольших группах или же дарованных свыше от государ-

ственной власти. Укажем на движение в пользу расширения женских прав, которое также может быть приравнено борьбе классов. Эта борьба ведется прежде всего на почве политики: женщина хочет приобрести права, которые поставили бы ее на один уровень с мужчинами. Сознание, что расширение прав женщины послужит источником неисчислимых выгод для женщин и всего общества, делает излишним осложнение этой чисто политической борьбы какими-либо другими элементами. Словом, в наше время борьба общественных групп ведется на чисто экономической почве только тогда, когда политически они поставлены одинаково: такovy представители землевладения и капиталовладения во многих странах. Коль скоро же в борьбе участвует угнетенная группа, не обладающая всей совокупностью прав, которыми пользуются господствующие классы, то в борьбе к экономическим началам присоединяются политические, или же борьба целиком переносится в область права.

Какое же место занимает в борьбе религиозный элемент, который часто дает борьбе свое имя? Нужно опасаться, при ответе на этот вопрос, как бы не преувеличить, согласно с господствующими воззрениями, важности религиозного начала. Религиозный элемент может быть в данной борьбе силен или слаб; но к нему всегда примыкает элемент экономический, или, шире, социальный. Основатель христианской церкви умер на кресте. Борьба, которую так страстно вели с ним старозаветные Иудеи, отрада, с которой они предали его мучительной и позорной казне, объясняются вовсе не тем, что христианство было новым религиозным учением, отличное от требований Моисеева закона. В Иудее того времени было много сект; особенности одной секты вызывали в последователях других сект лишь столько страстности и враждебности, сколько можно было внести в долгие и ожесточенные споры. Но в учении Христа был социальный элемент, который сделал его ненавистным фарисеям, т. е. представителям имущих классов 98). Создатель новой религии громит имущих, враждует с правом частной собственности, признает богатых недостойными царства Божия, словом, потрясает основы гражданского быта, угрожает условиям материального существования, которые были большин-

ству зажиточных евреев гораздо дороже Закона и Пророков. И древний Рим, объявив христианам войну на жизнь и смерть, гораздо меньше заботился о происхождении Христа, его божественности, нежели о том, что новое учение может разрушить старый порядок вещей.

Что было на заре христианства, то же проявлялось и во всей его истории, как скоро возникала борьба, по-видимому, из чисто религиозных убеждений. Вспомним ожесточенные преследования, которым в разное время подвергались еретики, хо я бы, например, альбигойцы и валденсы. Сектанты, разошедшись в своих религиозных воззрениях с католической церковью, отпали от нее. Конечно, борьбы не было бы, если бы ее не начала церковь. И церковь — профессионально она и не могла поступить иначе — начала борьбу под видом защиты догматов католицизма. В действительности же главные пружины были не те: конечно, среди людей, преследовавших сектантов, были верные католики, до самоотвержения преданные церкви. Но двигателем было высшее католическое духовенство, сердцу которого были гораздо ближе поборы с верной паствы, нежели важнейшие догматы веры; духовенство гораздо больше боялось уменьшения доходов, вследствие распространения ереси, нежели того, что часть католиков будет молиться по-своему. А французский король и французские рыцари, беспощадно истреблявшие сектантов, также рады были служить церкви, ибо она поддерживала их авторитет среди населения, освящала их власть, успокаивала их совесть при всех злоупотреблениях над слабыми и угнетенными. Преследование сектантов королем и рыцарями поддерживалось сознанием, что если эта масса, безропотная и забитая, осмелилась начать молиться не так, как молились ее господа, то она может в своей дерзости дойти до того, что будет нарушать повиновение и на других пунктах. А при этом должны были пострадать и материальные интересы господ.

Такая же оценка должна быть дана и реформации. Значение религиозной стороны в реформации не может подлежать спору. Лютер, человек религиозный и первоначально до самоотвержения преданный папе, был глубже оскорблен в своем религиозном чувстве злоупотреблениями католической церкви, нежели многие мыслящие католики его времени. И когда в Гер-

мании стали известны 95 тезисов, прибитых Лютером на дверях церкви виттенбергского замка, то многие, возмущенные испорченностью и лицемерием католицизма, обрадовались. Однако поскольку Лютер восставал против учения католической церкви, он не вызвал бы той жестокой борьбы, которая последовала за его отречением от католицизма. Только чиновные историографы могут говорить, что Лев X или его кардиналы и прелаты, утопавшие в роскоши и разврате, или германские князья, оставшиеся верными католицизму, воздвигли жестокие преследования на людей, отпавших от церкви из-за обрядов или даже догматов веры. За отрицанием догматов представлялась страшная перспектива: лишиться в пределах обширной страны дохода от индульгенции и — нечто еще более ужасное — уступить светской власти земли духовенства, а с тем вместе источник, который делал возможными царскую роскошь и утонченный разврат князей церкви. Равным образом все эти князья, курфюрсты и графы, которые восстали против папизма на защиту реформами, явились отщепенцами не потому, что почувствовали необыкновенное увлечение одним из положений протестантизма: их гораздо более привлекала возможность пожить от присвоения церковных имуществ.

Такое же толкование может быть дано и борьбе русской церкви с расколом. В основе восстания раскольников против новопечатных книг и за старые обряды лежала присущая огромному большинству людей, и; вообще, всем невежественным людям, склонность цепко держаться за то, что освящено временем. Пахать такой сохой, какой пахали отцы и деды, ткать на таком станке, на каком работали и отдаленные предки, петь те песни, которые пелись из рода в род, вступать в брак, воспитывать детей, умирать и молиться так, как то делалось издревле — вот несложный, но строго определенный кодекс малокультурного человека. На какую бы сторону его жизни новшество ни сделало натиск, — он чувствует себя выбитым из колеи, уклоняется от нововведений и хочет идти по привычному пути. Раскольники, отвернувшись от никоновщины, замкнулись бы в старых преданиях и остались бы преданными сынами России. Их оскорбленное религиозное чувство еще не вызвало бы той ожесточенной борьбы, с которой связана история русского раскола. Но

нет, их была власть, власть государства, и верная ее предначертаниям власть церкви. Государственная власть, начав дело, которое касалось только области религиозного чувства, повелело исправлять старопечатные книги и изменять обряды церкви, в непоколебимом убеждении, что ее дело, каково бы оно ни было — касается ли оно взимания налогов, постройки новых крепостей, войны с турками — должно быть принимаемо народом с той готовностью и радостью, на какую всегда рассчитывает самовластное правительство. И как подлежал суровым наказаниям тот, кто не хотел платить сборов, установленных московским царем, так был предметом гонения и тот, кто стоял за тип старого письма, или за двуперстное знамение. И здесь, как во многих других случаях, борьба велась с особым ожесточением потому, что сильнейшая сторона, преследователи, отстаивали свою освященную временем власть, а значит и всю совокупность материальных выгод, которые она доставляет. Первостепенное значение материальных выгод для преследователей раскола обозначилось особенно ярко с той поры, когда прошел острый период гонений: раскольники, разбредшись по всем концам русской земли, стали для администрации и духовенства обильным источником правильных доходов. Православное духовенство, громившее иконы старого письма и двуперстное знамение, и усердная к государевой службе администрации стали отлично примиряться с расколом, раз он имел средства откупаться от авторитета церкви и государства. Так относились к расколу и многочисленные сектам до самого последнего времени.

Сошлемся также на борьбу Германии с католической церковью. Конечно, германскому правительству не было никакого дела до догматов католической церкви, тем более до религиозного чувства католиков. Эту борьбу, чисто политическую, начали католики. Католики надеялись, что объединенная германская империя будет способствовать восстановлению светской власти папы. И когда тронная речь 1873 года совершенно ясно высказалась за невмешательство Германии во внутреннюю жизнь других государств, то партия Центра, бывшая представительницей католицизма в парламенте, голодовала против всеподданнейшего адреса рейхстага на эту речь. Ответом были майские законы

1873 и 74 годов. А эти законы посягали на гораздо большее, нежели тот или другой догмат церкви: они грозили наказанием тем членам духовенства, которые, при исполнении своих обязанностей, обсуждали государственные дела таким способом, что угрожали общественному миру; они изгоняли из Германии орден Иезуитов, вводили гражданский брак, отстраняли духовенство от школы, передавали правительству право назначать священников и епископов и учреждали в Пруссии особый королевский суд по церковным делам. Словом, вековой власти церкви наносились тяжелые удары. Нельзя по этому поводу не припомнить слов Циглера: «В общем, католицизм никогда не был более политическим, т. е. менее различным никогда более зазорным далеким от духа христианства, чем в семидесятых годах. Его епископы были дипломатами или полководцами, его священники — политиками фракции и его капелланы — агитаторами и журналистами, и даже церковными кафедрами снова и снова злоупотребляли, как местами для избирательных речей и демагогических подстрекательств, вследствие этого пострадала нравственно-религиозная задача и, особенно, благодаря духовенству» 99). Как всем этим парламентским ораторам католицизма и епископам-политикам были важны не догматы, а власть, так и германскому правительству католики были неприятны только до тех пор, пока юная империя могла опираться на национал-либералов. Но стоило этой партии оказаться недовольно прочной опорой, и правительство стало искать сближения с центром, т. е. пошло на уступки католической церкви.

Чем более удаляемся от нашего времени, чем дальше оглядываемся назад, тем более находим в религиозной борьбе элементов, которые относятся до религиозного чувства. Чем ниже уровень развития, тем более дорожит человек определенными формами для своего верования, тем более готов он стоять как за основные положения данной религии, так и за самые незначительные обряды. Чем более приближаемся к современной эпохе, тем менее религиозного элемента в борьбе, которая является религиозной по названию, тем более преобладает элемент социальный в обширном смысле. Но и в самое отдаленное от нас время жестокость борьбы была, главным образом, следствием того, что преследователи нового рели-

гиозного толка боролись для удержания своей власти во всей полноте, а также для сохранения выгод, преимущественно, материальных, которые обеспечиваются властью.

Формы борьбы стоят в тесной связи с государственным строем. Особенности форм наиболее выделяются в спокойное время, когда общественная жизнь не выходит из обычной колеи. Раз же борьба принимает характер возмущения, то нет большой разницы между странами передовыми и отсталыми. Борющиеся стороны, заключая в своих рядах людей самого утонченного развития, выходят с оружием на улицы Парижа, Берлина, Милана; население глухой русской деревни, негодуя на землевладельца соседнего имения, выходит с ружьями, топорами, лопатами против солдата, которые охраняют помещика от погрома. Свалка швейцарских и итальянских рабочих на улицах высококультурного Цюриха своим внешним видом вполне напоминает бесчинства антисемитов при парламентарном строе Австрии или еврейские погромы в Харькове, Кременчуге, Елисаветграде. Но в обычное, спокойное время замечается с этой стороны большая разница.

В странах, где общественная жизнь скована деспотизмом, формы борьбы не отличаются разнообразием. Нет арены, где могли бы свободно выражаться пожелания и требования отдельных общественных групп, а потому на поверхности заметны только некоторые проявления борьбы и даже не самые важные. В общем, печать здесь, как и в свободных странах, служит выражением программы отдельных групп. Но так как неограниченная власть монарха не подлежит обсуждению, то борьба не может быть введена из-за вопросов, связанных с политической властью. Невозможность обнаружения классовой борьбы из-за важнейших вопросов общественной жизни не исключает, однако, столкновения классовых интересов по поводу многочисленных и разнообразных явлений. Земские собрания служат в России главными местами сведения этих счетов. В состав земских собраний входят члены господствующих классов, а также, хотя в скромном меньшинстве, представители бедного населения. Последние вместе с лучшими людьми из средних и крупных землевладельцев, и выражают интересы крестьянства, сельского пролетариата, а также служат главными сторонниками общепрогрессивных мер

для всего населения губернии. Как ни скромна область интересов, подлежащая ведению земства, как ни ограничены, особенно по закону 1890 года, полномочия земства, борьба идет здесь безостановочно; именно ей и следует приписать то, что со времени учреждения земства условия сельской жизни в России несколько изменились к лучшему. Не будь в земских собраниях людей прогрессивного образа мыслей, т. е. выражающих нужды многочисленных масс, и не веди эти люди борьбы за свои убеждения, земство сделало бы меньше, чем оно успело сделать.

Можно проверить это на множестве примеров. С первого же года существования земских учреждений начинается планомерная деятельность в области земской школы и земской медицины. Эти обе отрасли, служащие, главнейшие, интересам бедных классов делают наибольшие успехи там, где земское представительство, вследствие особенностей местной жизни, демократично, как в губерниях Вятской и Пермской. Они подвигаются и там, где культурное значение местности привлекает в ряды земских деятелей лучших членов буржуазной интеллигенции (Московская губерния), которые отрешаются от выгод своего класса и становятся на страже интересов массы. Успехи земской школы постепенно приводят к тому, что ставятся на очередь обязательность и всеобщность обучения, и намечиваются способы для осуществления плана. И даже в местностях с наиболее плодотворной деятельностью земства каждый шаг вперед есть результат борьбы; учреждению каждого нового врачебного участка и открытию каждой новой школы предшествуют условия лучших демократически настроенных представителей земства и большее или меньшее сопротивление тех, которые выражают интересы господствующих классов. В тех же уездах где помещичий элемент составляет подавляющее большинство земских собраний, эти обе отрасли стоят очень низко: таковы многие уезды Пензенской, Калужской, Смоленской и других губерний с незначительным числом представителей крестьянства и помещиков, готовых стоять за интересы бедного люда. Мы сделаем такой же вывод, если припомним отношение земства к другим важным вопросам местной жизни. Одним из таковых является вопрос о расширении крестьянских наделов и о переселениях. В губер-

ниях с большим преобладанием настоящего помещичьего элемента, например, Пензенской эти вопросы даже не поднимались. Будь они поставлены на очередь, они были бы немедленно затерты. В губерниях же с менее реакционным представительством, Московской, Тверской, Ярославской, они не только пользовались со стороны земства вниманием, но и вызывали некоторые меры. Укажем еще на одно, — организацию кредита, доступного для беднейших крестьян и самых мелких промышленников. В большинстве земств говорили об этом; в разных губерниях были приняты некоторые, обыкновенно очень скромные меры для осуществления этой мысли. Наиболее широко был организован кредит в Пермской губернии, а эта губерния имеет совсем демократическое земство с ярко выраженным представительством маленьких людей. Борьба в земстве реакционных групп с прогрессивными происходит и по поводу отраслей земского хозяйства, которые охватывают все интересы местности, а не служат исключительно к выгоде беднейших: таково, напр., производство статистических исследований. Повидимому, точное знание края, опирающееся на местные исследования, должно быть делом, желанным для всего населения, так как оно вносит порядок во все земское хозяйство. Но и на истории земской статистики в России лежит печать борьбы классов. Статистика, бесстрастная и равнодушная, захватывает в круг своих исследований и такие факты, которые прикосновенные лица стараются скрыть от дневного света. Именно в быту состоятельных классов все поры напитаны такими фактами: чрезмерно высокие арендные цены, непосильные для населения, как условие процветания помещичьего хозяйства; закабаление крупными и средними сельскими хозяевами рабочих посредством снабжения задатками в голодное время года; отличное эксплуатирование помещиками отрезков от крестьянских наделных земель и другие, подобные этим явления бросают на крупное и среднее землевладение густую тень. И, вот, мы видим, что в губерниях с помещичьим, т. е. с реакционным земством, напр. Пензенской, Смоленской, Калужской для развития статистики не было сделано ничего; в других местах, например, Рязанской губернии, отличные работы, едва начавшись, были приостановлены стараниями большинства. В крестьянских же

губерниях, Вятской, Пермской, или в губерниях с заметным участием лучших сил буржуазной интеллигенции – Московской, Херсонской, Черниговской – статистика получила широкое развитие.

Мы изобразили бы условия русской жизни в слишком розовом свете, если бы утверждали, что борьба в печати, земстве и общественных собраниях имела большое влияние на течение общественных дел. Не забудем, что государство образует в России особый, самостоятельный класс, хорошо сознающий свои интересы, т. е. интересы бюрократии.

Поскольку устное и печатное слово вторило этим интересам, постольку оно могло раздаваться беспрепятственно; но в этом случае оно являлось лишь эхом правительства, не вносящим в общественную жизнь ничего нового. Раз оно резко представляло интересы какой-либо общественной группы, в данную минуту не согласные с видами правительства, на него налагался запрет. А потому плоды, получаемые хотя бы, например, в земской деятельности от напряжения сил, людьми прогресса, менее значительны, чем могло бы быть дано теми же усилиями при большей политической свободе. Вот почему борьба между общественными группами скрывалась от дневного света. Группы имущего класса искали в мертвящей тиши правительственных канцелярий людей, которые могли способствовать им в получении тех или иных выгод; этот путь тем надежнее приводит в цели, чем более интересы данной группы совпадают с выгодами правительства. Так, напр., в России правительство лично для себя считает выгодными высокие таможенные налоги. Поэтому, все ходатайства промышленного класса о возвышении таможенных пошлин и об обложении товаров, которые были, ранее свободны от налогов, встречали полное сочувствие. Таким образом, борьба между всеми потребителями и некоторыми группами промышленного класса велась в тиши министерств и канцелярий. Возьмем другой пример – развитие фабричных законов. Хотя в такой стране, как Россия, фабричные законы очень мало ограничивают, произвол хозяев, однако, они служат некоторой помехой. И, вот, капиталисты начинают в тиши министерства борьбу с рабочими, поскольку последних защищают эти законы. Борьба сводилась к тому, что негласные жалобы самых крупных и влия-

тельных предпринимателей на фабричных инспекторов вызывали негласные распоряжения правительства, чтобы должностные лица не были слишком усердны в применении этих законов. Эти приемы борьбы, запечатленные самым отвратительным подхалимством и пройдохеством, доступны только для групп имущего класса. Неимущие стоят так далеко от влиятельных должностных лиц, что только в самых редких, исключительных случаях могли восходить до вершин с заявлениями о своих нуждах. Приниженность и полная неорганизованность сельского населения вела к тому, что оно живет по отношению к своим ближайшим эксплуататорам – землевладельцам – в состоянии непрерывной партизанской войны: потравы, порубки, кража, нарушение договора о найме на работу составляют обыденные явления; эти факты гораздо меньше служат признаками безнравственности населения, как хотят уверить в том господствующие классы, чем выражением классовой неприязни со стороны бедных к состоятельным. Конечно, все эти факты не привлекательны; но как бы их ни было много, они перевешиваются притеснениями, которые выпадают на долю населения деревни со стороны землевладельцев. Промышленный пролетариат поставлен для борьбы в более выгодные условия: задавленный вековым гнетом, бесправный, невежественный, он пользуется, однако, тем преимуществом, что мануфактурное и фабричное производство соединяет работников в большие массы. А соединение дает ему иногда возможность бороться с предпринимателями в организованной стачке, которая все же позволяет легче достигнуть цели, чем непрерывная партизанская война беднейших классов вне оживленных промышленных округов.

В европейско-американском мире, вследствие широты политических прав, партизанская война и искательство в канцеляриях все более выходят из обычая. Устное и печатное слово служит главным орудием классовой борьбы; парламенты, разнообразные общества и печать являются для нее обширными аренами. Борьба ведется на виду у всех. Крупные вопросы, служащие предметом борьбы в парламентах, изучаются тысячами людей во всех концах света; важные злобы дня, обсуждаемые на страницах влиятельных газет, с жадностью читаются миллионами. Таким образом, для успешной борь-

бы пролетариату особенно важны политические права — право собраний, сходок, печати. «Они являются для пролетариата светом и воздухом и кто суживает или сдерживает их или кто хочет удержать работников от борьбы за приобретение и расширение этих вольностей, тот является злейшим врагом пролетариата, действительно ли он любит его, или лицемерит, анархист ли он или христианский социалист» 100).

VI.

Лоренц Штейн первый формулировал учение, согласно с которым борьба классов стала в 19-м столетии гораздо более напряженной, нежели то было ранее. Штейн полагает, что первой причиной этого было учение Адама Смита, по которому труд является главным создателем богатств. Это учение скоро сделалось общим достоянием, и рабочий класс стал применять его к условиям своего быта. Проверив на себе это учение, пролетарий понял противоречие общественной жизни: с одной стороны несметные богатства, созданные трудом, особенно благодаря его разделению, с другой стороны — сам рабочий класс, навсегда осужденный оставаться неимущим. Пролетариату впервые стало ясно, что общество резко разделено на два стана, имущих и неимущих, и это сознание начало укреплять в нем враждебное отношение ко владению. Другой причиной было уравнивание всех граждан в политических правах, юридически чрезвычайное возвышение личности и в то же время фактическая невозможность для огромного, большинства граждан упрочить хозяйственный быт. Так как препятствием служит частная собственность на капитал, то явилось упорное отрицание права частной собственности и требование, чтобы блага распределялись не по владению, а по личному труду. Наконец, сюда присоединилось убеждение пролетариата, что его требования являются логическим выводом их признания государством и обществом начала свободной личности, на которой они и покоятся. А это сознание служит связующим элементом между отдельными группами класса неимущих, образует из них одно целое 101).

Когда Штейн исследовал борьбу классов во Франции, научная мысль находилась под господством убеждения, что сознание является основной силой, которая направляет движения от-

дельных общественных групп. Мы знаем, что источником настроения пролетариата, толкающего его на борьбу, служат, прежде всего, условия ее хозяйственной жизни. Хотя учение Смита получило к началу нынешнего века большое распространение, однако, его влияние ограничивалось преимущественно промышленными и торговыми классами и почти не достигало до работников. Если бы оно даже очень распространилось в этой среде, то не могло бы произвести действие, на которое указывает Штейн: Адам Смит, говоря о труде, как создателе богатств, всегда разумеет труд, вооруженный капиталом, признает права капиталиста вытекающими из природы вещей и считает прибыль столь же неоспоримой, закономерной ветвью общественного дохода, как заработную плату. Вот почему учение Смита могло только укреплять убеждение, что не один труд является создателем богатств, но труд работника вместе со средствами капиталиста. Второе обстоятельство также не имело существенного значения. Сознание противоречия между совокупностью прав, которую современное государство дает всему населению, и миром фактов, препятствующих огромному большинству извлекать выгоды из этих прав, является сложным обобщением; оно могло только постепенно становиться общим достоянием. Только теперь, в странах наиболее культурных, это обобщение проникает в массы. В первой же половине 19 столетия пролетариат был не настолько развит, чтобы укрепиться в этом сознании. Притом, еще недавно мелкая промышленность имела такое распространение, что многие могли достигать самостоятельности, начав свою деятельность в рядах наемных работников. Добавим, наконец, что третья причина всего менее способна произвести действие, которого ожидает от нее Штейн: только люди, делающие свои отношения к миру предметом сосредоточенного размышления, могут укреплять свою связь с другими, родственными группами и закаляться в борьбе сознанием, что требования, выдвигаемые ими, являются логическим выводом из современного порядка вещей. Размышления этого рода отнюдь не могут быть приписаны пролетариату в целом его состав, ни даже большинству его представителей. Обобщение Штейна тем более искусственно, что требование обоснования собственности только на личном труде вовсе не составляет логически-

необходимого вывода из признания современным государством за всеми гражданами права свободной личности. Из этого признания можно с таким же правом вывести, как логическое последствие, совокупность общественных реформ, проводимых современным государством, при громких рукоплесканиях многочисленных экономистов, политиков, филантропов. На юридическом равенстве всех граждан можно построить, как «логический вывод», целую систему мероприятий, образующих, так называемую, социальную политику нашего времени, способную, будто бы, смягчить неравенства, которые причиняет частная собственность на орудия производства.

Большая напряженность классовой борьбы в 19 столетии явилась следствием того, что условия производства создали новое пролетарское общество, которое не было известно предшествующим периодам. Это общество делалось в высокой степени восприимчиво к социалистическим идеалам и к отрицанию того, что наполняло душу людей предыдущих поколений. Именно, новыми промышленные центры и рабочие кварталы больших городов представляют благодарную область для настроения, которое укрепляет классовое сознание и толкает на борьбу. «В домах-казармах, сдаваемых в наем, в огромных фабриках, говорит Зомбарт, в больших собраниях и местах для развлечения, пролетариат, покинутый Богом и людьми, опять является вместе со своими товарищами по лишениям членом исполинского нового организма. Здесь слагаются новые общежития, которые, благодаря новейшей технике, носят коммунистический отпечаток. И они развиваются, растут, крепнут по мере того, как для отдельного человека исчезают прелести индивидуальной жизни. Чем больше одиночество ощущается в каморке на чердаке, где-нибудь в предместье города, тем более привлекательны новые центры общения, где одинокий снова чувствует себя, как человек. Исчезает неделимый и возникает товарищ. Слагается однородное классовое сознание, привычка к работе сообща и коммунистическому наслаждению» 102).

Способы труда делают классовое сознание более острым и борьбу более деятельной. Посмотрим, в какой степени влияют на обострение борьбы перемены в материальном положении пролетариата.

И до сих пор не окончился спор о том, улучшилось или ухудшилось положение рабочих в течение 19 столетия. В I томе «Капитала» мы находим замечание, что с уменьшающимся числом магнатов капитала, «возрастает бедность, гнет, порабощение, унижение, эксплуатация, но также и возмущение рабочего класса». 103). Отсюда в социалистической литературе 104) сложилось направление, согласно с которым материальное положение рабочего класса изменялось к худшему по мере распространения машинного производства, что сделало и продолжает делать классовую борьбу все более напряженной.

Изучение истории экономического быта убеждает нас, что она не представляет такого развития, которое всегда бы шло одним и тем же ритмом. Под влиянием борьбы рас в обширном смысле (разумею под этим войны) уровень благосостояния понижался иногда на долгие времена. Мы видим, например, такое положение дел после падения Западной Римской империи, при переходе от древнего мира к Средним Векам. В недавнем прошлом после 30-летней войны мы видим обеднение Германии. Но, не взирая на такие перерывы в хозяйственном развитии, можно установить, как общее положение, что благосостояние всех классов населения, если сравнивать долгие периоды, повысилось и что за последнее столетие, когда войны перестали быть столь частыми и продолжительными, приостановка в росте народного богатства ограничивается более кратким сроком, нежели то было в предыдущие века.

Можно ли присоединиться к положению, что быт бедных классов абсолютно ухудшился с введением машины и что в будущем он обещает становиться все менее благоприятным? Это положение не может быть принято, хотя в переходные эпохи, когда машины усиленно вытесняют ремесленное производство, в некоторых и даже многих отраслях быт рабочих ухудшается. Так было, например, в Германии в 40-х годах 19 века, когда машинный ткацкий станок уничтожил ручное ткачество; так было в 20-х и 30-х годах нынешнего века в Англии. Ее фабричная промышленность успела уже достаточно развиться, а рынок сбыта, не особенно широкий (именно не довольно широкий иноземный рынок), препятствовал ей занимать столько рук, сколько у нее было на лицо, этот переход бро-

сил многих в ряды бедняков и был причиной низкой заработной платы.

Вообще, от 1820 до начала 40-х годов рабочий класс Англии переживал очень тяжелое время. Немудрено, если Энгельс, напечатавший в 1845 году свою книгу «о положении рабочего класса в Англии», всю жизнь остался под влиянием тяжелых впечатлений, которые были получены им в юности. Издержки на содержание бедных в Англии были особенно велики в 20-х годах. Если же отрешиться от отдельных периодов, иногда довольно продолжительных, то о переменах в материальном положении Европы можно установить такие выводы:

1) Благополучие ремесленников доброго старого времени, на которое ссылаются так часто, сильно преувеличено. Профессор Бюхер (105) доказывает, что положение ремесленников в Германии 17 и 18 столетия было очень стесненным; это наблюдалось даже и в самых богатых городах. Среди ремесленников пекаря и мясники считались наиболее зажиточными, но и эти ремесла были так переполнены, что во многих городах упрочился обычай, согласно с которым пекли хлеб и били скот поочередно, 2 – 3 раза в неделю каждый. Число подмастерий было так незначительно, что во многих городах на 6 мастеров приходился только один подмастерье. Поэтому ремесло, в лучшем случае, давало только скудное существование, застраховывало от безработицы и охраняло от соперничества сопромышленников. А если так, то прославление доброго старого времени неосновательно.

2) В течение всего 19 столетия положение рабочих классов, если исключить некоторые периоды, абсолютно улучшалось; улучшение сопутствовало росту производительности труда. Это доказывается тем, что а) положение рабочих тем лучше, чем выше производительность труда (в Англии оно лучше, чем в Германии или Франции, в Германии выше, чем в Австрии и т. д.). б) Оно прямо доказывается для отдельных стран повышением заработной платы при неизменной цене продуктов потребления или даже при их удешевлении. Между 1831 и 1880 годами заработная плата повышалась в Англии постоянно и поднялась почти вдвое в земледелии (с 11 до 18 шиллингов в неделю для работника, с 4 до 7S для работницы), слишком вдвое в хлопчатобумажной промышленности. В пряде-

нии недельный заработок семьи из 2 взрослых и 3 детей составлял в 1839 / 40 году 21 шиллинга, а в 1887 – 41, тогда как издержки такой семьи на пищу, жилище, одежду, топливо поднялись с 28 только до 34 шиллингов. Между 1860 и 1891 годами повышение заработной платы для Англии составляло: 18 – 20% среди сельских рабочих, 20 – 50% в хлопчатобумажном деле, 19 – 35% в железной промышленности и проч. Блок собрал для Франции данные о 2 отраслях промышленности: оказывается, что между 1853 и 1887 годами заработная плата поднялась в этих отраслях на 64 – 72%. То же наблюдается в других странах Запада. За последние годы для Вюртемберга собраны такие данные: средняя годовая плата, составлявшая в 1891 г. 566,3 марки на рабочего, поднималась ежегодно и достигла в 1895 году 621,1 марки. Исследование распространялось на 68,894 рабочих в 1891 году (minimum) и на 73,192 в 1895 (maximum). Для 4 австрийских городов (Вены, Граца, Триеста и Праги) собраны данные о заработной плате поденщиков от конца 30-х годов. Если приравнять 100 плату для 1839 – 47 годов, то в период 1891 – 1895 годов она составляла: 309,5; 244,4; 185,2 и 465,4. Цены же главных предметов стоят теперь на Западе ниже, чем в начале 70-х годов.

Это положение может быть доказано также статистикой потребления наиболее распространенных товаров. Возьмем сахар. Его потребление поднялось в Англии с 13,8 килограммов в 50-х годах до 35,7 в 1891 – 95. В Германии его потребление увеличилось с 2,5 килограммов в 40-х годах до 9 – 10 килограммов в 90-х. Во Франции оно составляло в 30-х годах менее 3 килограммов на душу, а в 90-х г. – 11,5 килограммов. Там же перемены находим в потреблении мяса. В Англии оно возросло от 100,51 килограмма на жителя в 1868 году до 121,7 в 1891 – 95. Во Франции потребление мяса составляло в конце 30-х годов не полных 20 килограммов на 1 жителя в 1892 году достигло 35 килограммов. То же наблюдаем относительно хлеба. Потребление пшеницы в Англии было в первой половине 50-х годов только 138,3 килограмма на душу, а в 80-х – 160. Во Франции потребление пшеницы от 162 килограммов на жителя в 40-х годах поднялось до 206 в 90-х. В Германии мы находим за этот период уменьшение в потреблении ржи и рост потребления

пшеницы. Такие же перемены произошли в потреблении и многих других товаров 106). Не следует забывать также об общих условиях жизни рабочих классов. Эти условия очень неудовлетворительны: но данные последних лет относительно, положим, Англии не позволили бы нарисовать такую мрачную картину, какую дал нам Энгельс для 40-х годов или какую представил Маркс в Капитале, для всей промышленности Англии тех десятилетий, когда фабричные законы были только в зародыше. Сошлемся также на большой доступ рабочих в начальной школе и разным способам самообразования.

Становясь в ряды тех, кто находит, что быт пролетариата изменился к лучшему, мы предостерегаем от преувеличений, которые делаются так часто при рассмотрении этого вопроса. Многие склонны не только признать факт улучшения быта рабочих, но и считать это улучшение очень крупным, чуть ли не обращая пролетария в капиталиста. Делать такие заключения соблазняет тот факт, что в акционерных предприятиях много мелких акционеров, и наибольшее число книжек, выданных сберегательными кассами, приходится на самые мелкие вклады 107). Но эти факты не должны вводить в заблуждение. Пролетарий не перестает быть таковым только потому, что за много лет скопил 2 – 3 тысячи франков, помещенных в сберегательную кассу или акции какого-нибудь предприятия. Кто проследил за напряжением сил, с которым обыкновенно связано образование этих маленьких капиталов, тот знает, что сбережение возможно только вследствие недополучения работником многого, что отвечает на важнейшие требования гигиены. Каждые 10 франков, отнесенных в сберегательную кассу, означают сокращение расходов на пищу, жилище, одежду, и без того не достигающих уровня, который был бы необходим в интересах здоровья. Нередко бывает и так, что вклады в сберегательной кассе перевешиваются долгом в лавке, где работники покупают съестные припасы. Это обнаружилось, например, весной 1899 года при стачках рабочих в бельгийских каменноугольных копях. Даже самое мелкое сбережение радует работника и его семью, а долг лавочнику, составляющий несколько сот франков, вошел в обычай: работники охотно забирают товары в долг, они знают, что продажа в кредит стала обычной и что торговец, получая от времени до времени

уплату части долга, не будет суживать кредита. Стачки, длящиеся даже не долго, показывают, как незначительны эти сбережения и как мало дают эти вклады право относить к капиталистам работников, отложивших кое-что на черный день.

И так, положение рабочего класса изменилось абсолютно к лучшему. Чему же приписать увеличение недовольства и обострение классово-вой борьбы сравнительно с прошлым? Недовольство несомненно возросло. Этот рост будет нам особенно понятен, если напомним о типах людей, которые дает история для периодов рабства или крепостного состояния: 1) Тип непокорных, готовых к возмущению, 2) тип равнодушных, спокойных, умеренно-недовольных, 3) тип людей, горячо преданных господам. Изучая условия, при которых вырабатывается каждый из названных типов, мы видим, что первый слагается тогда, когда жестокость владыки превосходит всякую меру, когда жизнь является непрерывною цепью страданий. Второй, наиболее обычный, уживается со всеми степенями гнета, от умеренного до тяжкого, пока еще не перейдена крайняя мера. И, наконец, третий тип всего чаще вырабатывается там, где гнет умеренно тяжел, где отношения мягки. Но и в последнем случае расстояние между господином и его рабами или крепостными чрезвычайно велико. Когда припоминаешь об ужасах, которые наполняют историю рабства или крепостничества у любого народа, то удивляешься не тому, что были возмущения рабов и крепостных против господ, но тому, что они были слишком редки, тому, что даже суровые господа могли иметь горячо преданных им подвластных людей. И это понятно: все умы, сознательно или безотчетно, были проникнуты убеждением, что общественный строй должен покоиться на началах господства и суровой власти с одной стороны, подчинения и бесправия – с другой. И не только раб, готовый жертвовать жизнью за господина, твердо помнил о разнице между собой и своим владыкой, но и раб возмущившийся не забывал об этих различиях: он восставал не против господина, а против невыносимых форм, в которые облекалось господство. Раз в умы людей проложило путь другое убеждение, убеждение в равенстве всех, то, ограничиваясь первоначально формой, равенством перед законом, это убеждение неудержимо ведет к требованиям, чтобы бессодержательная формула равен-

ства получила содержание, чтобы были созданы условия общественной жизни, которые помогают осуществлению идеи равенства. А эта идея может осуществиться только с разрушением устоев, на которых небольшое меньшинство создает себе богатство, т. е. в таком общественном строе, где труд фактически получит господство. Рабочие классы нашего времени знают, что их положение лучше, нежели положение их дедов; но они все чаще и чаще спрашивают себя, в какое же мере, под влиянием успехов производительности труда и перемен в народном хозяйстве, улучшилось положение имущих классов? И они видят, что усовершенствования техники принесли богатым большие выгоды не только абсолютно, но и относительно. Мы призывали еще на школьной скамье слушать рассказы о баснословных богатствах римских патрициев, такого Лукуллы, Суллы, Красса, или о богатстве некоторых вельмож в предыдущих столетиях. Но эти имущества бледнеют перед крупными состояниями нашего времени, перед богатством Вандербильта, Астора, Ротшильда и других. В древности богачи тратили тысячи, десятки и сотни тысяч на обеды, на соусы из соловьиных языков; и у богачей нашего времени уходят огромные суммы на пиршества и торжества, многие тысячи франков на одни цветы к парадным обедам. Кто захотел бы быть даже очень усердным панегиристом перемен, происшедших в быте рабочих, тот не мог бы доказать, что за 100 лет их положение улучшилось реально более, чем в полтора-два раза. Но, ведь, производительность труда возросла за этот период в большой пропорции. И главная часть избытка ценности послужила к увеличению имущества небольшого меньшинства, особенно, крупных землевладельцев и капиталистов. До пролетариата доходят сведения о повышении нормы крупных состояний; он знает, что число миллионеров увеличивается. Все это укрепляет его в сознании, что разница между ним и господствующими классами становится более велика, нежели то было ранее.

Недовольство пролетариата поддерживает еще одной особенностью, с которой в новейшее время все чаще и чаще связано образование огромных состояний. Богачи древности накапливали баснословные имущества способами, которые, большей частью, нельзя было признать закономерными. Если источником богатства не

была война, позволявшая награть у врагов несметные сокровища, то им было расхищение общественных земель, занятие таких должностей на государственной службе, которые давали должностному лицу удобный случай обложить население тяжкими поборами. Сравнительно с этими способами приобретения правильная торговля была уже менее важным источником образования больших состояний, а промышленность или сельское хозяйство вовсе не вели к тому, чтобы поставить людей, усердно занимающихся ими, в ряды богачей. А главные способы приобретения большого богатства, будучи связаны с насилиями, только терпелись, но отнюдь не пользовались защитой закона. Против них возвышали голоса люди, вовсе не склонные к преобразованию государственного строя, как, например, Тиверий Гракх, стремившийся приостановить расхищение государственных земель римскими богачами. Пролетарии нашего времени видят, что самые крупные богатства приобретаются способами, которые на всех пунктах пользуются санкцией закона. И теперь есть случаи, что должностное лицо обогащается от взяток, для которых жизнь выработала утонченные формы – вознаграждение за содействие частным лицам при получении концессии на выгодные предприятия. И теперь дипломат, вызвавший войну, или военачальник, приведший ее к благоприятному исходу, награждаются крупными суммами из контрибуции, возложенной на побежденный народ. Но эти случаи обогащения совершенно незаметны в общей массе. Закон освящает право частной собственности почти на всю внешнюю природу, доступную воздействию человека; закон освящает договор во всех его разновидностях и требует неуклонного его исполнения; закон охраняет беспрепятственное совершение кредитных сделок и вырабатывает нормы, которые приравнивают эти сделки ко всем хозяйственным актам во всем их разнообразии. И, вот, под покровом закона, А наживает миллионы от того, что ведет промышленное предприятие с тысячами вольнонаемных рабочих, эксплуатируемых не более, чем разрешает закон, Б становится миллионером потому, что скупает за бесценок огромные площади земли накануне проведения через них железной дороги, а В, пользуясь в широких размерах кредитом, скупает акции возникающего предприятия по 100 и через немно-

го времени продает по 500 – 1000 и вступает в ряды тех, кто имеет дворцы, парки, морские яхты. В наше время главные способы приобретения миллионных состояний не имеют ничего общего с грабежом и насилием. Закон возводит эти способы в целую систему. Судьи, из края в край страны славные своим беспристрастием, самые опытные и красноречивые адвокаты неусыпно блюдают за тем, чтобы ни один дерзновенный не осмелился посягнуть на эти способы приобретения имущества. Профессора, знаменитые своей ученостью и даром слова, с увлечением говорят о трудах и талантах, которые необходимы для приобретения миллионов Вандербильта или Ротшильда. И даже церковь, призывая паству повиноваться властям, установленным законами, освящает своими молитвами и все отдельные части общественного строя, которые облегчают человеку стать королем биржи, железных дорог или золотых приисков. — Сознание чудовищности противоречия между идеалом и действительностью, сознание отвратительности союза между законностью и лицемерием вызывает то резкое недовольство пролетариата, которое и поддерживает в нем готовность к непрерывной борьбе. Проникнутые сознанием, что общественная жизнь должна быть построена рано или поздно на начале равного доступа всех к материальным и духовным благам, пролетарии хотя и не только гораздо большего, чем предки, но и принципиально отличного от желаний, которыми были преисполнены рабочие классы в предыдущие века. Современный пролетариат не только хочет поднять свое материальное довольство, но и достигнуть окончательной отмены господства капитала в хозяйственной жизни. Припоминая то, что уже сделано, и познавая, на сколько относительно больше выгод доставляет богатым классам рост производительности труда, пролетариат видит, что меньшинство обладает еще большей силой, дабы сохранить в промышленности господствующее положение. Вот почему классовая борьба, ведется с энергией, которая возрастает все больше и больше. Смысл и напряженность недовольства, которыми объята неимущие классы нашего времени, не могут быть поняты, если упускать из вида новые принципы, проникающие недовольных, и цели, которые часто не называются, к которым непосредственно не стремятся в отдельных актах борь-

бы, но которые объединяют многочисленные массы. В старину борьба велась с точно определенным врагом (напр. с таким-то помещиком) и из-за ближайших, простейших интересов (дабы, напр., избавиться от его жестокости). Теперь борьба ведется против целого класса предпринимателей и нередко ради интересов не самых близких (работники требуют, например, отмены сверхурочных работ, которые увеличивают их плату, дабы иметь больший досуг для самообразования), так как обеспечение некоторых, более далеких интересов поднимает весь рабочий класс и облегчает переход к ассоциационному строю.

Остановимся еще на одном вопросе, — в какой мере к борьбе классов примешивается борьба рас. Гумплович проводит мысль, что в основании борьбы классов лежат расовые различия: так, с существом торговли связано стремление эксплуатировать иноземцев. Это выражается всего более резко в многочисленных обманах, с которыми связана продажа товаров европейскими купцами диким племенам других частей света. Гумплович так увлекается значением расового начала в борьбе, которая наполняет историю человечества, что говорит: «прекрасной особенностью человеческой природы является, по крайней мере, то, что склонность к эксплуатации обыкновенно практикуется относительно чужестранцев — иноземные племена покорялись и обращались в рабство — чужеземные племена были предметом эксплуатации для торговли и промышленности» (108).

Положение Гумпловича не может быть принято в такой общей форме. Борьба общественных групп достигает высшего напряжения, даже когда борющиеся принадлежат с незапамятных времен к одной расе. Русский помещик сплошь и рядом налагает на окрестное население, нуждающееся в земле, такие тяжелые арендные платежи, что еще более высокие, по крайней мере неспособности, не могли бы быть возложены и на арендаторов другой расы. Европейские торговцы, выменивающие у дикарей золото или слоновую кость на бусы и другие блестящие безделушки, не потому имеют чудовищные барыши от этой торговли, что находят позволительным обирать чернокожих и считают долгом действовать с согражданами по совести, а потому, что дикарь-покупатель отличается детской наивностью и делается совершенно беззащитной до-

бычей европейского купца. Набожный англичанин-фабрикант со столь же спокойной совестью, как и европейский торговец в сношениях с готтентотами, угнетает своих рабочих непосильным трудом и низкой заработной платой, раз тому нет препятствий со стороны закона. А respectable лондонский мелочный торговец пользуется необходимостью бедного населения брать в его лавке в долг и приобщает к цене товара ростовщичьи проценты. То же находим и в прошлом. Средневековой помещик жестоко мучил своих крестьян, которые принадлежали к другой расе разве в незапамятные времена. А римские богачи не пренебрегали никакими средствами, дабы поживиться насчет малоимущих граждан, принадлежавших к той же расе.

Но было бы насилием над действительностью отрицание всякого значения за различием рас. Где различия очень резки, там неприязненные отношения между группами обнаруживаются с большой силой и получают даже самостоятельное значение, не осложняемое классово-борьбой. Таково отношение белого населения Соединенных Штатов к неграм. Известна глубина презрения, с которым настоящий американец относится к чернокожим; с таким чувством выступают не только американцы имущих классов, но и многие из беднейших граждан. Сорок лет тому назад негры были рабами, и если двери американского общества настежь открываются перед эмигрантом из восточной Пруссии или России, раз такой эмигрант достиг богатства, хотя бы он был самого скромного происхождения, то для негра отрезаны пути к вступлению в это общество: в отношении американца к чернокожему сквозит убеждение, что этот человек был рабом именно потому, что сама природа наложила на него печать рабства. Богатые американцы не принимают в свои ряды негров, наживших большое состояние, а американский пролетариат чуждается негров-бедняков. В основе этого враждебного отношения лежат и расовые и культурные различья: и цвет кожи, и строение черепа, и черты лица, и привычки домашней жизни. К этому, наиболее резко, враждебному отношению, опирающемуся на расовые различия, можно приобщить и другие: в малокультурных странах антисемитизм сохранил этот оттенок. Неимущие классы малокультурных стран относятся враждебно к имущим; враждебное чувство к евреям сказыва-

ется в более резкой форме, нежели то было бы возможно относительно людей имущего класса, принадлежащих к коренному населению страны. Это выражается в еврейских погромах. Эксплуатация со стороны евреев, раз последние принадлежат к состоятельному классу, отнюдь не может быть признана более тяжелой, нежели со стороны ростовщиков-христиан. Полное тожество тех и других в этом отношении представится особенно отчетливо, если сравнить местности с большим числом евреев среди туземного населения, и те, где евреев нет почти вовсе. Если сопоставить западные губернии России, губернии царства Польского и Галицию с одной стороны и губернии средней или восточной России, то окажется, что роль, какую в местностях первой группы играют евреи, исполняется в местностях второй группы коренными русскими. С запада несутся вопли, что еврей-ростовщик давят население деревень, а точное исследование сельского кредита, произведенное земствами в губерниях Поволжья, убеждает, что по искусству эксплуатировать бедняков кулак самарской или саратовской деревни не может быть превзойден никем. Поэтому, в еврейских погромах, столь известных России, Австрии за последнее время, помимо вражды неимущих к состоятельным, можно найти многое, что должно быть отнесено на счет расовых различий. Русские и поляки производят бесчинства над евреями не только потому, что эти люди эксплуатируют их, но и потому, что они отличаются от коренного населения языком, религией, складом жизни, сторонятся от населения вне деловой сферы и являются чуждым элементом. Борьба обостряется вследствие расовых различий и тогда, когда люда другой национальности, будучи сами пролетариями, выступают соперниками туземного пролетариата. Отсюда — неприязнь американского рабочего класса к китайцам-эмигрантам, столкновения швейцарских рабочих с итальянскими в Швейцарии. Рост культуры ведет к тому, что крепнет начало международной и расовые различия имеют на борьбу классов все меньше и меньше влияния.

Здесь же следует ответить на вопрос, почему в рядах социальной демократии довольно много евреев? Это — один из главных упреков, который делают демократии многие, бессильные возразить ей что-либо по существу. К тем общим причинам, которые влекут в объятья со-

циализма одних и отталкивают других, присоединяется и расовая ненависть, под гнетом которой евреи страдают уже целые столетия. Еврей-пролетарий имеет такие же основания для преданности демократии, как и всякий другой пролетарий. Но он прилепляется к этой среде еще более страстно, чем пролетарий-немец, француз, бельгиец, так как встречает со стороны имущего класса не только то высокомерие, которое достается в удел неимущему, но и специальное пренебрежение, с которым часто и теперь относятся к евреям. Если еврей, под влиянием дружелюбия, становится на сторону демократии, то находит в этой среде полное удовлетворение своих альтруистических влечений. Богатый еврей, если он обнаруживает добросердечие многочисленными актами благотворительности и остается в рядах имущего класса, все же не считается вполне равным немцу или француз: классы, цепко держащиеся за свои привилегии, не могут отказаться от мысли, что желательное сохранение и привилегий, которые основываются на расе. Раз же такой еврей переходит к социальной демократии, то принимается, как равный: только в этой среде начала терпимости и человечности не являются пустыми звуками; только здесь совершенно сглаживается различие рас, замкнутых, враждебных друг другу народностей и вырисовывается вневещное, всемирное общество. Если еврей состоятельного класса отличается честолюбием и из этого побуждения примыкает к социальной демократии, то находит здесь наиболее благоприятную почву, дабы удовлетворить свои стремления: здесь легче воздадут должное его дарованиям, нежели среди имущих классов. Словом, примыкает ли человек к демократии потому, что его влекут к ней эгоистические мотивы, входит ли он в ее состав потому, что возвышается над интересами своего класса, он прилепляется к ней тем с большей страстностью, чем больше, помимо всего общественного строя, над ним тяготеет принадлежность к угнетаемой народности. А социализм только выигрывает от большого количества личных сил, которые приносят ему эта даровитая раса.

VII.

Пытаясь разгадать будущность борьбы классов, мы считаем возможным сделать такие предсказания: 1) В борьбу будут постепенно вовле-

чены те слои общества, которые стоят далеко от планомерного массового движения и участвуют в борьбе только отрывочно и небольшими группами. Таково население деревень даже в самых культурных, странах. 2) Привлечение к классовой борьбе всего населения страны выразится в создании обширных организаций, соответствующих интересам основных общественных групп. Таково, например, объединение союзов рабочих с представительством интересов всего пролетариата промышленности, объединение союзов сельских рабочих, большие союзы, объединяющие все интересы капиталовладения, особая группировка землевладельцев. 3) Соединение мелких групп в обширное и хорошо организованное представительство всех интересов внесет в борьбу классов ясное сознание и строго выработанный план. Возможность, благодаря этой группировке, быстро обозреть все силы, которыми располагает каждый класс, сознание, что нельзя найти приверженцев вне этого круга, поведет к упрощению приемов борьбы, т. е. к устранению из нее всего того балласта, который составляет теперь миллионы и миллионы листов бумаги и служит только для того, чтобы неясными, но соблазнительными обещаниями привлечь к себе побольше сторонников из общественных групп, не имеющих прочной организации. 4) Эта организация лишит борьбу ненужных резкостей и постепенно уменьшит ее напряженность. Последняя усиливается тем, что недостаточная организованность классов не позволяет каждому из них обозреть силы всех остальных. Законченность организации позволит каждой стороне иметь точное знание сил противника и облегчит дорогу для соглашений. Выдвигая требование, борющиеся будут иметь возможность предсказать с достаточной достоверностью, может ли их требование быть осуществлено или же оно встретит неодолимые препятствия. В первом случае класс будет настойчиво проводить свое требование, а во втором — откажется от него до более благоприятного времени. И наоборот: общественная группа, сознающая свою слабость, не будет тратить сил в бесплодном сопротивлении, а будет легко идти на уступки. Образование обширных организаций доставит именно пролетариату крупные выгоды. Какой прочностью ни отличались бы союзы земле- и капиталовладельцев, как бы ни были они близ-

ки к тому, чтобы охватить всех заинтересованных лиц, они не могут устоять перед силою организованного пролетариата.

Последнему еще далеко до этого. Английские союзы рабочих имеют в своих рядах не больше, чем всех работников; германская социальная демократия насчитывает только 3 миллиона членов; другие страны сделали еще меньше для создания обширных организаций. Но за последнее время в этом направлении делается все больше и больше. Группы французских социалистов уже слились в единую партию. К тому же заключению пришли многочисленные союзы рабочих и другие рабочие организации в Англии. Разобщенность отдельных групп рабочих в этой стране и слабое их влияние на политическую жизнь становятся все более ощутительными. С каждым годом обнаруживалось все более резко, что старые политические партии, консервативная и либеральная, не заслуживают доверия пролетариата. Но зато начало упрочиваться мнение, что группы работников, действующие до сих пор самостоятельно, социалисты, союзы рабочих и артели имеют много общих задач. Было понято, что если методы, которых держатся союзы рабочих и артели в Англии, отличаются от методов социалистических партий, то эти организации имеют задачи, которые служат целями также и для социалистов. А потому в английском пролетариате стало усиливаться стремление, не нарушая самостоятельной деятельности отдельных групп, не втискивая всех в прокрустово ложе, достигнуть единения для совместного труда, в виду целей, которые дороги всем работникам. Пусть каждый, слышится все чаще и чаще, будет проникнуть одушевлением для работы в своей партии; это обеспечит всем группам наибольший успех. А соединение социалистов с союзами рабочих и артелями вовсе не угрожает понизить идеалы чисто социалистических партий: оно только создаст условия, при которых члены этих союзов могут получить

социалистическое воспитание. Такое настроение умов, окрепнув в обширных слоях английского пролетариата, побудило созвать в начале 1900 года съезд, который представлял союзы рабочих и социалистические общества. Всего было представлено 568.177 человек. Работа над выяснением условий, каким образом желания рабочих классов могли бы быть выражены в парламенте людьми, сочувствующими пролетариату, съезд постановил такие решения: 1) Мнения рабочих классов должны быть представлены в парламенте людьми, сочувствующими работникам; кандидатура выдвигается и поддерживается какой-либо из организаций, представленных в этом съезде. 2) В парламенте должна быть образована особая рабочая группа; она должна быть готова идти рука об руку с каждой партией, которая стоит за меры, прямо служащие интересам рабочих. 3) Избирается постоянный исполнительный комитет, в который входят представители от союзов рабочих и социалистических партий. Комитет должен принимать меры для популяризации нового союза и привлечения возможно большего числа членов.

Объединение пролетариата будет делать безостановочные успехи. Организации, союзы, охватывающие весь рабочий класс главных культурных народов, представят зрелище столь величественное, силу, столь неодолимую, что классы землевладельцев и капиталистов будут все легче идти на уступки и общество будет приближаться быстрыми шагами к социалистическому строю, который, упрочившись, сделает классовую борьбу ненужной и невозможной.

Ссылки:

1 По всей видимости, в данном месте у А.А.Исаева опечатка: в конце предложения появилось лишнее отрицание. Правильно: общественные группы, вовсе не были заинтересованы в том, чтобы дело было пересмотрено. — прим. ред.

В ПОМОЩЬ

ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

Междисциплинарная матрица социологии

Добренков В.И., Кравченко А.И.

Статья посвящена изложению междисциплинарных связей в системе социального знания. Основным методологическим инструментом классификации информации служит «дисциплинарная матрица» Т. Куна, которая получила дальнейшее развитие в авторской концепции меж- и внутридисциплинарной матрицы социологического знания.

Ключевые слова: междисциплинарная матрица знаний, пирамида знаний, социальные науки, язык науки, поведенческие дисциплины.

Dobrenkov V.I., Kravchenko A.I.
Interdisciplinary matrix sociology

The article is devoted to the presentation of interdisciplinary connections in the system of social knowledge. The main methodological tool for classification of information is the «disciplinary matrix» Kuhn, which was further developed in the author's concept of inter- and intradisciplinary matrix of sociological knowledge.

Key words: interdisciplinary matrix of knowledge, pyramid of knowledge, social sciences, language of science, behavioral discipline.

Как и любая другая наука, социология обладает собственным предметом и конкретными методами исследования. Она включена в общую систему научного знания и занимает в ней строго определенное место. Социология относится к числу наук, изучающих не только общество в целом, но и отдельные его части, сферы, элементы. Общество – настолько сложный объект, что одной науке изучить его не по силам. Только объединяя усилия многих наук, можно полно и непротиворечиво описать и изучить такое сложное образование, как человеческое общество.

«Дисциплинарная матрица» Т. Куна

Для целей методологического анализа тематической связности родственных социологии наук воспользуемся понятием «дисциплинарная матрица», которое использовал Т. Кун в своей книге «Структура научных революций» для обозначения совокупности когнитивных характеристик науки, объединяющих членов того или иного научного сообщества. Понятие дисциплинарной матрицы учитывает, во-первых, принадлежность ученых к определенной дисциплине, во-вторых, систему правил научной деятельности. В состав дисциплинарной матрицы Т. Кун включил: 1) символические обобщения; 2) метафизические компоненты парадигм; 3) ценности; 4) образцы, или парадигмы решения проблем. Кун воспользовался данным понятием для анализа научного консенсуса ученых, процесса и

механизма согласования различных представлений людей по поводу фундаментальных понятий, принятых или разделяемых сообществом ученых в той или иной дисциплине.

Хорошим ключом к идентификации дисциплинарной матрицы являются ссылки на одних и тех же авторов или взаимные упоминания ученых в их статьях, книгах, интервью. Так, Г.С. Батыгин и Г.В. Градосельская¹, применив сетевой подход к анализу биографий ведущих российских социологов 1960–80-х гг., установили дисциплинарную матрицу отечественной социологии как формального, так и неформального сообщества специалистов. Структура взаимодействий в социологическом сообществе рассматривалась ими как сеть, вершинами которой являются авторы профессиональных биографий. Упоминание актора или предмета («артефакта») отражалось в матрице смежности (своего рода социоматрице), в строках которой указаны акторы, которые называют, а в столбцах — акторы, которых называют. Подсчет количества упоминаний учеными друг друга помогает установить систему научной коммуникации в социологическом сообществе.

Сходство с обычной социоматрицей ограничивается тем, что в ячейках указано количество упоминаний одним актором другого. Обычный социометрический опрос — это набор социоматриц, полученных по принципу «одна социоматрица — один вопрос», и наличие связи при ответе на один вопрос является маркером присутствия или отсутствия определенных отношений, например, симпатии, антипатии, уважения, благодарности и т.п. В этом смысле матрицу, построенную по тексту, нельзя считать «заочным» социометрическим опросом хотя бы потому, что здесь не существует признаки отношения, общих для всех интервью. Поэтому модальность связей в данном случае не имеет значения для их регистрации. Особое значение приобретает их фактологическое обоснование.

В научном сообществе чаще всего упоминают друг друга не столько в связи с лично окрашенными контактами, а в связи с совместной работой над темами. Это объясняется нормами научного этикета: даже если личные разногласия существенны, они реинтерпретируются в терминах научной дискуссии. Кроме того, со временем личные предпочтения и связи меняются. Бывшие друзья и коллеги рас-

ходятся во взглядах, возникают конфликты, образуются новые альянсы и т. д. Неизменным остается только факт — встреча, совместная работа, книга, исследование. Это снимает «оценочность» воспоминаний. Мы будем называть такие важные события, сопровождающие упоминания о связях между персонажами, артефактами. Артефакт — это своего рода дискурсивная легитимация связи, погружение ее в контекст события. Артефактом может быть институт, методологический семинар, дружеские посиделки на кухне, конференция, совместное или индивидуальное исследование (например, «Таганрог» или «Копанка»), любое событие, которое оказало воздействие на историю жизни (например, «лекции Левады» или «стажировка Ядова»), совместная работа в газете, журнале, партийном комитете, участие в кружке единомышленников, книга, над которой работали один или несколько авторов. Фактически речь идет о каталоге текстовых событий, наполняющих профессиональный биографический дискурс и, соответственно, социальный капитал сообщества. По всей вероятности, хронологически упорядоченный каталог этих событий должен соответствовать социальной истории дисциплины, в противном случае есть все основания говорить об иррелевантности данных.

«Связь между актором и артефактом отражается в ячейке матрицы смежности. Упоминания одним актором другого сопровождаются указанием на соответствующие артефакты... один актор может упомянуть другого в определенном контексте, т.е. в связи с определенным артефактом («пришел Руткевич и разогнал ИКСИ») это упоминание включается в матрицу смежности. Если просуммировать по столбцу частоту упоминания актора в связи с определенным артефактом, можно установить, какой артефакт оказал наибольшее влияние на данного актора (или с каким артефактом более или менее устойчиво ассоциируется данный актор)»².

В частности, Батыгину и Градосельской удалось выяснить, что Румянцев упомянут 123 раза, Федосеев — 55, Иовчук — 47, Бурлацкий — 43, Шубкин — 4 раза; Осипов — 1 раз, Заславская — 13 раз; Рывкина — 3 раза.

Наряду с куновской традицией сведения дисциплинарной матрицы к научному сообществу в методологии формируется другой под-

ход, в основе которого — не общение специалистов между собой, а объективное знание, продукт их труда. К примеру, Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига понимает под дисциплинарной матрицей психотерапии фундаментальную теорию психических процессов и структуры психического с высоким теоретическим и практическим потенциалом эвристики и верификации³.

Понятие «междисциплинарная матрица»

Нас не интересует проблема научного консенсуса, поэтому мы даем отличную от куновской трактовку дисциплинарной матрицы. Впервые, вместо единого термина «дисциплинарная матрица» мы будем использовать в дальнейшем два термина: «внутридисциплинарная матрица» и «междисциплинарная матрица». Вторых, этот термин будет обозначать не единство субъективных взглядов, предпочтений, симпатий или взаимных выборов ученых в рамках одной науки, а единство научных подходов, способов решения проблемы, методов и теоретических воззрений, плотность логических связей, существующих а) между родственными науками, б) между родственными отраслями внутри одной и той же науки. Таким образом, в случае междисциплинарной матрицы речь пойдет о пересечении и взаимосвязи социологии, антропологии, экономики, психологии, политологии и других наук, относящихся к отрасли социального и гуманитарного знания, а в внутридисциплинарной матрице — об отраслях внутри социологии (социология культуры, экономическая социология и т.д.).

Совокупность наук, изучающих один и тот же объект, особенно такой крупный, как общество, объединена логическими связями, общими понятиями и методами, представляя собой своего рода систему, которую можно назвать междисциплинарной матрицей.

Под междисциплинарной матрицей социологического знания подразумевается вся совокупность родственных социологии дисциплин в их взаимосвязи. В содружестве с другими, родственными ей дисциплинами — психологией, социальной психологией, экономикой, антропологией, политическими науками и этнографией — она образует подсистему системы научного знания — социальное знание. Родственные дисциплины заимствуют друг у друга

понятия и категории, обмениваются результатами исследований, методами и теоретическими выводами. В практической сфере, скажем, в области управленческого консультирования, от выпускника социологического факультета часто требуется знание основ психологии (тестирование личных и деловых качеств персонала фирмы) и экономики (определение цены рабочей силы, производительности труда, затрат на обучение персонала и др.). Чаще всего социологи считают свои исследования комплексными, смело комбинируя методы экономики, психологии и социологии.

Однако следует помнить, что комплексность никогда не подменяет специфичность. Каждая наука рассматривает мир, социальную реальность под специфическим углом зрения. Возьмем конкретное событие: дама покупает в магазине шляпку. Экономист проанализирует событие в терминах спроса и предложения, сезонного колебания цен, семейного бюджета. Психолога заинтересует, быть может, то, каким образом дама стремится выразить в покупке свое Я, не произошла ли покупка под влиянием эмоционального порыва, как на выборе шляпки сказывается характер и темперамент человека, не желает ли она подчеркнуть свою сексуальную привлекательность, выбрав именно этот фасон, и т.д. Социолог установит взаимосвязь таких переменных, как социальная принадлежность и тип покупки, престиж и демонстративное поведение, способы проявления социальной роли и нормативные ожидания.

Изучение междисциплинарной структуры знания необходимо в тех случаях, когда выделяется предмет науки, его специфика и отличие от предмета других наук.

В отличие от других наук социология, если можно так выразиться, мыслит крупными блоками. Она способна описать поведение больших масс людей, поэтому тяготеет к статистике. Но для нее закрыт внутренний мир человека — его исследует психология. Родившаяся на стыке социологии и психологии новая дисциплина — социальная психология — описывает человека в непосредственном окружении. Она изучает взаимодействие людей в малой группе. Но социальный психолог не способен предсказать смену правящих режимов или исход политической борьбы партий.

Этими проблемами занимается политическая наука (так ее именуют за рубежом, в России

же ее называют политологией; в дальнейшем будут использоваться оба термина). Политология добилась многого, но она не в силах предвидеть изменения рыночной конъюнктуры, колебания спроса и предложения на рынке, динамику цен. Эти вопросы находятся в компетенции экономики.

Место социологии среди наук

В литературе еще не сложилось окончательного мнения о том, куда именно следует зачислить социологию – в разряд социальных или гуманитарных наук.

С одной стороны, социология, психология, социальная психология, экономика, политология, а также антропология и этнография относятся к социальным наукам. У них много общего, они тесно связаны между собой и составляют своего рода научный союз.

К гуманитарным дисциплинам относят историю, философию, литературоведение, искусствознание, культурологию. Гуманитарные науки оперируют нестрогими моделями, оценочными суждениями и качественными методами, социальные науки – формализованными моделями, математическим аппаратом и опираются на количественное, или квантифицированное знание. Другой критерий разграничения двух родов наук исходит из того, что для гуманитарных наук главным является познание мира духа, культуры и ценностей, а для социальных – элиминирование от ценностей, культурных и духовных артефактов.

Однако социология имеет много общего с философией, культурологией, историей. В таком случае социологию следует зачислить в разряд гуманитарного знания, что соответствует не только отечественным, но и мировым, прежде всего европейским, традициям.

В русской традиции социология часто мыслится как наука, исследующая также и духовные проблемы общества, его духовные ценности. Поэтому социология предстает и как гуманитарное знание. По своей исторической интенции подобная интерпретация совершенно бесспорна. Вспомним работы Н. Кареева, М. Михайловского, П. Сорокина и других российских социологов. Они поражают нас не только математическими расчетами, формализованными построениями и богатством эмпирического материала, но и особым вниманием к мораль-

но-нравственным проблемам. Та же характеристика относится и к трудам Н. Бердяева и С. Булгакова.

По всей видимости, социологию следует отнести к наукам с двойным статусом: это и социальная, и гуманитарная дисциплина. Двойной статус отражается и в понимании сущности предмета социологии. Когда хотят указать на принадлежность социологии к числу социальных наук, то говорят, что она представляет собой науку о поведении людей как представителей больших социальных групп, об объективных закономерностях функционирования социальной структуры общества и входящих в нее социальных институтов. Когда же стремятся подчеркнуть принадлежность социологии к области гуманитарного знания, то указывают на то, что социология изучает социокультурную сущность человека. Это означает, что для социолога человеческое поведение обусловлено не наследственностью и не физиологией, как для генетика или медика, а культурным контекстом, т.е. традициями, обычаями, культурными нормами и символами, ценностями и идеалами.

История мировой социологии доказывает, что одинаково весомый вклад в ее развитие внесли как направления (социологические перспективы), ориентирующиеся на так называемый сциентизм (количественная методология, операционализация понятий, эмпирическая проверка гипотез, измерение и т.п.), в частности структурный функционализм и физикализм, так и направления, ориентирующиеся на так называемый гуманизм (качественная методология, признание неустраимости человеческого воздействия на процесс познания, подчеркивание главенствующей роли ценностей духовного начала и т.д.), как, например, символический интеракционизм, феноменологическая социология и др.

Кроме социальных и гуманитарных дисциплин существуют дисциплины естественные и технические. Физика, химия и биология относятся к разряду естественных фундаментальных наук, они раскрывают структуру материального мира. Радиоэлектроника, биотехнология и химия полимеров представляют собой технические дисциплины, или прикладное знание. Они опираются на фундаментальное знание и служат практическим целям.

В начале XIX в. известный французский философ-позитивист О. Конт построил пирамиду

научного знания. Все известные тогда фундаментальные области знания — математику, астрономию, физику, химию и биологию — он расположил в иерархическом порядке так, что внизу оказались самые простые и наиболее абстрактные науки. Над ними размещались более конкретные и более сложные. Самой сложной наукой оказалась биология, изучающая многообразие и законы живого мира.

Наука об обществе в то время еще не выделялась в самостоятельную дисциплину подобно математике или биологии. Общество изучали разные науки — каждая под своим углом. Часто полученные ими данные не стыковались, а иногда и вовсе противоречили друг другу. О. Конт решил, что наступило время создать некую синтезирующую науку, объединяющую разрозненные сведения в стройную систему.

Поскольку никакого специального названия для науки об обществе тогда не существовало, Конт ввел в научный оборот термин социология — лат. «социум», т.е. общность, сообщество, коллектив, общество, и греч. «логос» — учение, наука, знание. Если оба входящих в название новой науки слова заменить на русские, то мы получим обществознание или обществоведение. Слова «знание» и «ведение» — синонимы. Поэтому изучаемый в школе курс обществознания означает то же, что социология.

Вначале О. Конт мыслил социологию как всеохватывающую сферу знания, изучающую историю, политику, экономику, культуру и развитие общества. Он даже пытался на основе всемирно-исторических законов сформулировать идею о том, что общество якобы развивается с древнейших времен, проходя теологическую, метафизическую и позитивную стадии. Но контровский закон оказался чрезмерно абстрактным и вскоре был забыт. И вообще многое из задуманного им казалось утопическим.

Однако социология, как и все другие науки, пошла по пути дифференциации знания. Экономическую сферу общества стала изучать самостоятельная наука экономика, политическую — политология, внутренний (душевный) мир человека — психология, традиции и обычаи народов — этнография, а динамику народонаселения — демография. И социология выделилась в специальную дисциплину, которая сосредоточилась на изучении социальной сферы.

Возникшая позже некоторых других наук, социология вбирает в себя их понятия и конкретные результаты, статистику, табличные данные, графики и понятийные схемы, теоретические категории. Так всегда происходит с вновь возникающими науками. Молодым наукам свойственно постоянно обновляться и обогащаться за счет тех дисциплин, которые сформировались раньше. Так происходило раньше и происходит сейчас. Философия древнее физики, и последняя взяла у нее многие фундаментальные понятия: материя, вещество, атом, причина, сила и др.

Заимствование — это еще и показатель преемственности развития научного знания. Понятия, перенесенные в иную сферу, обогащаются новым содержанием. Расширяются объяснительные возможности науки. Старые понятия получают новую жизнь, их генеалогия удлиняется. Некоторые понятия имеют очень древнюю родословную, наиболее общие понятия именуют уже категориями с это особая честь.

Из философии в социологию пришли такие категории, как «общество», «ценности», «индивиду», «прогресс», «развитие» и др., из юриспруденции — «статус», из экономической отрасли знания — понятия «капитал», «деньги», «прибыль», «рента», «товар» и др. Социологи разработали и собственные понятия — «социализация», «девиантность», «делинквентное поведение», «интеракция» и т.д.

Специалисты в области методологии по-разному оценивают заимствование понятийного аппарата: одни считают это позитивным процессом, ведущим к взаимному сплочению и пониманию наук, другие относятся к заимствованию понятий отрицательно.

Так, немецкий социолог Э. Шойх утверждает: в течение более чем 100 со дня своего рождения социология заимствовала из других наук, в частности из экономики, культурной антропологии, биологии и социальной истории, различные понятия, концепции, модели. И что получилось? Социология является в интеллектуальном плане скорее реципиентом, нежели донором. В настоящее время социология колонизирована микроэкономикой, следуя интеллектуальной моде, которая ошибочно называет себя «рациональным выбором»⁴.

Вряд ли стоит так драматизировать ситуацию, так как заимствование — это вечный про-

цесс «обмена веществ» в природе науки, активно происходящего обмена знаниями и опытом. Утверждают, что главным донором является философия — самая древняя система знания. Из нее возникли все прочие науки, которые по отношению к ней являются реципиентами. Но сколько она «наворовала» из мифологии и обыденного сознания? Трудно даже сосчитать! Кто в таком случае колонизатор, а кто — колонизируемый?

Язык науки, т.е. совокупность применяемых понятий и терминов, — это не только средство общения ученых, но и основной инструмент познания. Каждая наука имеет специфический язык общения и познания: услышав слова «дифференциал» или «умножение», вы отдаете себе отчет, что речь идет о математике, а слова «электрон» или «закон тяготения» вы безошибочно относите к физике, и т.д.

В области обществоведения ситуация сложнее. Многие термины — «функция», «группа» или «сила» социология и психология заимствовали из естествознания, другие — «общество», «власть», «личность» пришли из философии и т.д. А термин «роль», имеющий в поведенческих науках важнейшее значение, скорее всего позаимствован из сферы театрального искусства. В латинском языке слово «роль» имеет другой эквивалент — «персона». Первоначально этот термин обозначал маску актера. «Персона» буквально означает «говорить сквозь маску», а латинский глагол «персоно» переводится как «громко звучать», «оглашать звуками, шумом» и даже «играть на инструменте». Но постепенно понятие приобрело иное, привычное нам значение — роль, лицо, личность, положение.

Несмотря на терминологические заимствования, социальные науки обладают такими же строгими законами, методами исследования и эмпирическими данными, как и отрасли естествознания. «Социальная апатия», «статус», «лидерство», «рестрикционизм», «инновации», «социальные роли», «мозговая атака», «обогащение труда», «нормы», «ценности», «барьеры общения», «каналы коммуникации» — эти и многие другие понятия используются в языке поведенческих наук.

Границы социологии и других наук

Социология видит общество в единстве всех его сторон. Она не углубляется в тонкости по-

литических процессов или детали экономических отношений. Социология изучает психологические проблемы, рыночные отношения, государство или культуру, любой фрагмент реальности, любое явление или элемент только с позиций его связи с обществом, его влияние на развитие или построение общества, его общественных функций. Религия интересует социологию не как система верований и специальных обрядов, а как общественный институт, оказывающий воздействие на большие массы людей. Культуру социология рассматривает также под специфическим углом — как образ жизни больших масс людей.

Так появляется ключевое выражение — большие массы людей. Именно они представляют повседневную жизнь общества. Они ее творцы, и они ее жертвы. Стало быть, социологию интересуют не только структура и динамика общества в целом, устройство государства или политической системы.

Социология исследует не только общество в целом, его крупные подразделения, но и повседневное поведение больших масс людей, их верования, состояние сознания, менталитет, ценности, мнения, взаимоотношения.

Сделаем вывод: социологию не в меньшей степени интересуют повседневное поведение людей, чем проблемы глобализации и кризис социальных институтов.

Поведение людей изучают все социальные науки. Их так и называют — поведенческие дисциплины.

Если коротко охарактеризовать каждую науку, сравнить их, выделить общее, то обнаружится следующее. Все они отвечают по существу на три вопроса: что? как? кто? Экономика изучает:

- 1) что надо производить, т.е. какие товары и услуги должны быть предложены потребителям?
- 2) как надо производить, т.е. какой из способов изготовления следует применить?
- 3) кто будет потреблять созданные товары и услуги, кто должен владеть собственностью и т.д.?

Экономика Швеции, как и экономика США, является капиталистической. В середине 80-х гг. более чем 90% шведской промышленности находилось в собственности частных лиц, которые и управляли ею. Иначе говоря, в Швеции

решение о производстве и распределении товаров принимал рынок. Именно он отвечал на вопросы: что, как и кто?

В середине 80-х гг. экономика СССР была социалистической, т.е. практически все 100% советской промышленности находились в собственности государства, которое и управляло ею. Это означало, что в СССР решение о производстве и распределении товаров принимал Госплан. Именно он отвечал на вопросы: что, как и кто?

Социология изучает:

1) что такое социальное неравенство, расслоение, социальная структура, мобильность и т.п.;

2) как надо на них воздействовать, чтобы сделать общество стабильным и процветающим;

3) кто входит в большие социальные группы (пенсионеры, малоимущие и т.д.), которых касаются вопросы социального расслоения или неравенства и кто вынесет основной груз общественных перемен.

Политология то же строит предмет своего исследования, отвечая на те же вопросы:

1) что такое государство, политические партии и власть?

2) как группы людей борются за получение власти, как устраняют соперников и завоевывают симпатии населения, как удерживают власть?

3) кто составляет избирательную базу партии или движущую силу революции, кто является противником, а кто сторонником в борьбе?

Культурологию интересует прежде всего мир искусства — живопись, архитектура, скульптура, танцы, формы развлечения и массовые зрелища, институты образования и науки. Субъектами культурного творчества являются: а) индивиды, б) малые группы, в) большие группы. В этом смысле культурология охватывает все типы объединения людей, но только в той степени, в какой это касается создания культурных ценностей. И вновь мы сталкиваемся с тремя вопросами:

1) что за культурные ценности создаются: картины, здания, одежда, идеи и теории, традиции и обряды, танцы, стихи, романы, песни и т.д.?

2) как создаются и распространяются культурные произведения?

3) кто является создателем произведений искусства, потребителем, критиком, ценителем, меценатом и т.п.?

А теперь более пристально присмотримся к объекту исследования поведенческих дисциплин. Что за людей они изучают, в каких ситуациях и условиях эти люди строят свои отношения?

Психология изучает индивида и его внутренний мир; социальная психология — малую группу (семью, компанию друзей, спортивную команду), а социология — большие группы, т.е. миллионы пенсионеров, детей, малоимущих, врачей, православных и т.п., причем независимо от их социальной принадлежности, вероисповедания, рода занятий, национальности, пола, возраста.

Изучая внутренний мир человека, психология прибегает к эксперименту и наблюдению, используя специальные, часто очень сложные приборы. Дальше нее проникает вглубь человека только физиология, изучающая его рефлексы, и медицина, препарирующая его тело. Психологи останавливаются на уровне души. Тело их не интересует.

Социальная психология — это пограничная дисциплина. Она сформировалась на стыке социологии и психологии, взяв на себя задачи, которые возникли, когда выяснилось, что общество не прямо воздействует на индивида, а через посредника — малые группы. Этот ближайший к человеку мир друзей, знакомых и родных играет исключительную роль в нашей жизни. Мы вообще живем в малых, а не в больших мирах — в конкретном доме, конкретной семье, конкретной фирме и т.п. Малый мир влияет на нас порой даже сильнее, чем большой. Вот почему появилась наука, которая вплотную и очень серьезно им занялась.

В XIX в. психологи полагали, будто все, что люди чувствуют, думают и делают в группе, может быть объяснено с точки зрения индивидуального поведения. Индивидуального, значит независимого ни от других людей, ни от более широкого окружения, в том числе общества, если индивида брать за объект исследования. Но в 30–40-е гг. XX в. опытным путем был установлен феномен группового давления, оказываемого на отдельного человека. Речь идет о ставших теперь уже классическими экспериментах С. Аша, Р. Крачфилда, М. Шерифа, Л. Фестингера, М. Дойча, К. Левина, Э. Мэйо. С тех пор изучение малых групп, особенно в сфере промышленности, стало преобладающим направлением в зарубежной психологии.

Сегодня по числу экспериментов социальная психология опережает даже общую психологию. Проблематика исследований все больше смещается с индивида на группу, с индивидуально-психологического поведения на социально-психологическое. Социальная психология в качестве экспериментальной науки активно развивается с 30-х гг. XX в., но ее теоретические положения сформировались в XIX в. Социологи восприняли социальную психологию как составную часть своей науки практически сразу. Родоначальники социологии Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Г. Тард и М. Вебер рассматривали группу как форму и процесс взаимодействия людей. Особенно широкое развитие социальная психология приобрела в США, где в 1908 г. появился первый учебник Макдоугалла «Введение в социальную психологию»

Социология не оперирует таким тонким инструментом, как эксперимент, не использует приборы. Она имеет дело с большими массами людей, мнение которых изучает с помощью анкет. Данные, которые она получает, называются статистическими и годятся только для всевозможных усреднений. Поэтому в отличие от психолога социолог имеет дело не с конкретным, а с усредненным человеком — обобщенным схематичным типом, чьи особенности характеризуют всех сразу и никого в отдельности. Однако производители не могут пустить в продажу свои товары, политики — начать избирательную кампанию, не выяснив хотя бы приблизительно, что думает, чем живет, как ведет себя большинство населения. Социология способна выявить те же мысли, чувства, настроения, которыми вплотную интересуется психология, но в более грубом приближении.

Изучает большие массы людей также и демография, которая рассматривается либо как самостоятельная наука, либо как раздел социологии. Вовсе не случайно поэтому в ведущем у нас в стране журнале «Социологические исследования» (Социс) постоянно появляется рубрика демографии и публикуются известные ученые.

Демография (от греч. *dēmos* — народ + ...графия) — наука о народонаселении, изучающая изменение численности населения, рождаемость и смертность, миграцию, половозрастную структуру, национальный состав, географическое распределение и их зависимость от

социально-экономических, исторических и других факторов. Социология постоянно обращается к социально-демографическим данным. По существу ни одна анкета не может обойтись без них. Обработав все анкеты, социолог получает распределение населения (в данном случае представленном выборочной совокупностью) по полу, возрасту, занятиям, семейному положению.

Впервые попытки «народописания» на энциклопедическом уровне были сделаны Дени Дидро в конце XVIII в. — 1774 г. выходит 34-й том его трудов под названием «Population». Впервые термин «демография» для обозначения науки о воспроизводстве населения применил французский ученый А. Гийяр в работе «Элементы статистики человека, или Сравнительная демография» (1855 г.).

Как самостоятельная наука демография оформилась во второй половине XIX в., хотя зачатки ее появились гораздо раньше. «Отцом» демографии традиционно принято считать Дж. Граунта: после выхода его книги «Естественные и политические наблюдения, сделанные над бюллетенями смертности» (Лондон, 1662) изучение населения было выделено в отдельную отрасль, а данные его переписей всерьез заинтересовали как ученых, так и политиков.

В Европе заметный вклад в развитие демографии в XIX в. внесли А. Кетле (Бельгия), А. Гийяр (Франция), Г. Майр (Германия), У. Фарр (Англия) и другие ученые, в России К. Герман, П.П. - Семенов-Тянь-Шанский, А.И. Чупров, Ю.А. Янсон и др. В конце XIX в. выдающийся русский социолог М. Ковалевский утверждал, что главным фактором изменения общества, особенно его экономического строя, является рост населения. Огромное значение этому фактору придавал Э. Дюркгейм, связывавший рост народонаселения с урбанизацией, качественным и количественным изменением социальных связей в обществе и даже успехами в развитии личности.

У демографии настолько близкие родственные отношения с другими социальными науками, что нередко специалисты вообще не видят надобности в ее самостоятельном существовании. Право на жизнь чаще других отнимают у нее статистики, географы и социологи. Они заявляют, что демография есть ничто иное как география населения, статистика населения и даже социология народонаселения. Мнение о

том, что демография не существует, потому что любой вопрос, ею исследуемый, изучается другими науками, сегодня никто всерьез не принимает.

Демография – современная, прогрессивно развивающаяся дисциплина, которая имеет во всем мире множество научных центров, журналов и альманахов, изучается в вузах и т.д. Обширная область знания начинает расчленяться внутри себя на множество направлений, отраслей и дисциплин. Взаимодействие с родственными социальными науками породило целый спектр пограничных дисциплин: так, на пересечении интересов демографии и истории образовалась историческая демография, цель которой – изучение закономерностей воспроизводства населения в разные исторические периоды; на пересечении демографии и этнологии – этническая демография: на пересечении экономики и демографии – экономическая демография, анализирующая взаимосвязи экономического развития и воспроизводства населения.

Социолога же интересуют следующие весьма важные проблемы:

- в каком направлении и каким образом общество (его структура и институты) влияет на поведение людей;
- как на основании опроса отдельных людей получить социальный портрет типичного представителя той или иной группы.

Перед профессиональным социологом стоит множество разных задач, но именно эти две задачи определяют характер социологии как самостоятельной дисциплины. Социолог имеет дело с респондентом – человеком как источником нужной информации. Получив от 100 или 1000 респондентов сведения об их поле, возрасте, образовании, электоральном поведении, ценностных ориентациях и доходах, социолог отвлекается от них – они растворяются в статистических рядах, таблицах и графиках. В своей анкете социолог заранее предупреждает людей об анонимности опроса и о том, что данные будут усреднены и в таком виде предстанут в научном отчете. Вместо конкретных, живых людей перед социологом возникает обобщенный образ – «средний человек»: типичный студент, типичный демократ, типичный коммунист, типичный верующий, типичный «новый русский» и т.д. В понятии «средний человек», введенном в науку А. Кетле (конец XIX в.), снимаются ин-

дивидуальные личностные различия между людьми.

Различие трех очень похожих наук (социологии, социальной психологии и психологии), предметные области которых студенты часто смешивают, можно сформулировать следующим образом. Социология изучает социальные отношения, существующие независимо от нас. Социальная психология изучает социально-психологические отношения, которые зависят от человека, т.е. от его восприятия и оценки этих отношений. Психология не изучает социальные отношения напрямую, но так или иначе учитывает их в ходе анализа внутреннего мира человека.

Очевидно, что социология, психология и социальная психология тесно переплетаются и дополняют друг друга. А другие науки?

Экономика изучает поведение больших масс людей в рыночной ситуации. В малом и большом – в общественной и частной жизни – люди вступают в экономические отношения: договариваясь о работе, покупая товары на рынке, считая свои доходы и затраты, требуя выплаты зарплаты и даже собираясь в гости, мы – прямо или косвенно – учитываем принципы экономии.

Как и социология, экономика имеет дело с большими массами. Мировой рынок охватывает 6 млрд людей. Кризис в России или Индонезии тут же отражается на биржах Японии, Америки и Европы. Когда производители готовят к продаже очередную партию новой продукции, их интересует мнение не отдельного Петрова или Васечкина, даже не малой группы, а больших масс людей. Это и понятно – ведь закон прибыли требует производить больше и по меньшей цене, получая максимальную выручку с оборота, а не с единицы продукции. Сложное понятие «сегментирование рынка» подразумевает простейшую вещь: каждая социальная группа – пенсионеры, миллионеры и т.д. – ориентирована на разный тип товаров, обитает в разных местах, ходит в разные магазины, имеет различную покупательную способность, по-разному реагирует на экономические кризисы и т.д. Без исследования поведения людей в рыночной ситуации экономика рискует остаться просто техникой счета – прибыли, капитала, процентов, связанных между собой абстрактными построениями теории.

Так же обстоит дело с политологией и культурологией. Политология, в отличие от социоло-

логии, которая описывает реальность, касающуюся 95% населения, затрагивает только вершину айсберга — тех, кто реально обладает властью, участвует в борьбе за нее, манипулирует общественным мнением, участвует в переделе общественной собственности, лоббирует в парламенте принятие выгодных решений, организует политические партии и т.п. Массы для политиков — нечто вроде хвоста для костра: чем его больше, тем ярче костер.

У мира власти свои законы. Суть их в том, что политик обращается к массам, составляет программы, обещает всевозможные блага только на этапе борьбы за власть и только при таком политическом режиме, где мнение народа хоть как-то учитывается. Когда он достигает власти, его поведение начинает подчиняться иным законам, факторам и расстановке сил, а обманутые массы продолжают требовать и надеяться. Ими воспользовались и их забыли до очередных выборов. Но ведь и в экономике производят товар, употребляют его и выбрасывают. Политика и экономика ориентированы на выгоду, которую, правда, понимают по-разному. И сцены действия у них похожи: согласиться, что рынок и парламент или правительство имеют много общего: везде торгуются, галдят, принимают поспешные решения, не слушают друг друга, выгадывают, продают и т.д.

Таким образом, социология тесно связана со всем блоком социальных наук, основным предметом которых является поведение людей.

Однако, как мы уже выяснили, социология входит также в систему наук, которые в строгом смысле называются гуманитарными. Если социальные науки — это науки о поведении людей, то гуманитарные — это науки о духовном. Можно сказать иначе: предметом социальных наук является общество, предметом гуманитарных дисциплин — культура. Хотя социология относится и к социальным, и к гуманитарным наукам, обществом она интересуется несколько больше, чем культурой. Дело в том, что культура — это способ жизнедеятельности общества, и мимо нее социология никак не может пройти. Сегодня социологию именуют социокультурной дисциплиной.

У социологии много общего с антропологией, которую нередко именуют социологией древних обществ. Антропология изучает происхождение (тогда она именуется физической

антропологией), либо историческую эволюцию человека (антропогенез), строение его черепа, скелета, изменение функций руки, формирование мышления, либо историческую эволюцию малой группы — племени, изменение традиций и обычаев, норм поведения, образа жизни, хозяйственной жизни и типов власти, формы родства и семьи. Антропологов интересует историческое прошлое человечества, а социологов — его настоящее.

Замечена любопытная особенность: в США общую социологию в университетах преподают с сильным креном в область социальной психологии, а в Англии социологию традиционно увязывали родственными связями с антропологией. Причины кроются в самой истории. В Америке первой половины XX в. преобладал символический интеракционизм и интерес к социальному взаимодействию; в Великобритании, начиная со Спенсера, доминировала тенденция к кросс-культурному и сравнительному анализу.

Социология и антропология исследуют разные типы общества. Изначально социологи исследовали западное индустриальное, а антропологи — доиндустриальное общество. Но сегодня социология расширяет сферу своей компетенции и активно вторгается в страны третьего мира — туда, где до сих пор нераздельно царствовали антропологи. Антропологи же изучают не только традиционные общества, но и, если речь идет о прикладной антропологии, процессы индустриализации и урбанизации, которыми сегодня охвачены отстающие в своем развитии страны. Таким образом, социологи и антропологи сегодня используют сходные методы, и сходные объекты исследования.

Вынужденные исследовать крупномасштабные сложные объединения людей, социологи активно использовали анкетные опросы. Вот почему долгие годы статистика оставалась отличительной чертой социологии. Однако с переходом антропологов к изучению современных обществ все чаще в их подготовку входят знания социальной статистики.

Для антропологии традиционным методом познания является полевое исследование, предполагающее долгое проживание в поселении аборигенов. Метод, которым при этом пользуется ученый, называется участвующим наблюдением: ученый принимает участие в тех событиях, кото-

Таблица 1
Междисциплинарная матрица социологии

Уровни и типы знания	Социальные и гуманитарные науки								
	Социология	Социальная психология	Психология	Экономика	Политология	Антропология	Философия	Культурология	Другие науки
Картина мира									
Общая теория									
Частная теория									
Эмпирическое исследование									
Прикладное исследование									
Методология									
Методика и техника									

рые он регистрирует, наблюдает и описывает. Группа ученых, составляющая научную экспедицию, отправляется в заброшенные регионы, чтобы наблюдать за обычаями, нормами поведения, ритуалами и церемониями примитивных племен.

Как правило, объектом исследования антрополога является одна деревня, которая изучается как можно глубже и интенсивнее. Такой тип исследования называется монографическим. Поскольку селения обычно невелики, ученый со временем хорошо узнает каждого жителя. Такую деревню в период первой мировой войны изучал Б. Малиновский. Описанная им деревня не являлась племенным объединением, а была частью крупного национального образования. Тробаринские острова были невелики и позволяли этнографу посетить все расположенные на них деревушки. Малиновский мог переговорить с каждым жителем. Но лишь одну основательно изученную деревню он выбрал в качестве полигона, обобщил сделанные им выводы. Однако другие антропологи противятся распространению данных исследования, проведенного в одной общине, на всю местную культуру. Особенно если речь идет о сложном обществе. Поэтому антропологи прибегают к методу исследования группы общин, расположенных в разных концах одной страны, о культуре которой они собираются делать выводы.

Таким образом, антропология ограничена прошлым человеческого общества, а социология – его настоящим. Только объединение наук позволяет создать целостный образ человеческой культуры.

На стыке антропологии и социологии возникла самостоятельная область – социология культуры. Она изучает весь спектр культурных явлений прежде всего благодаря опросам общественного мнения. Социология культуры – отрасль социологического знания, изучающая закономерности развития культуры и формы их проявления; при этом человек рассматривается и как субъект (творец), и как объект.

Кроме того, у социологии много общего с социальной работой. Долгое время социология в Англии и США ассоциировалась с социальной работой. К 1940 г. большинство крупных факультетов социологии в США прекратили подготовку по социальной работе. Тем не менее вплоть до конца 60-х гг. в ведущих американских университетах продолжали существовать несколько докторских программ «Социология и социальная работа». Но к этому моменту тесной связи между двумя профессиями – социологией и социальной работой – уже не было. А вот в России тесная связь социологии и социальной работы в начале 90-х гг. XX века еще только оформилась. Во многих вузах до сих пор

существуют и успешно развиваются совместные кафедры. Объяснение надо искать, видимо, в запоздалом появлении в нашей стране социальной работы как разновидности профессиональной и научной деятельности.

Система взаимоотношений социологии с рассмотренными выше социальными науками может быть представлена в матричной форме. Матрица — это прямоугольная таблица каких-либо элементов, состоящая из m строк и n столбцов (табл. 1.). Образовавшаяся на пересечении строк и столбцов, имеющая двойное подчинение, она заполняется цифрами или символами. Понятие «матричная организация» пришло в социологию из математики через экономику. Матричный анализ использовался также в экономике для выявления экономических взаимосвязей между объектами (матричное моделирование). В социологии с помощью матрицы описывается новейшая форма корпораций, основанная на временных рабочих группах. Матрица строится на пересечении столбцов (линейные подразделения, цехи) и строк (функциональные службы).

Предлагаемая матрица должна быть заполнена студентами в ходе самостоятельной работы. С помощью справочной литературы им предстоит внести в соответствующие ячейки таблицы описание научной картины, общей теории и т.д. по каждой социальной науке.

Первый столбец таблицы, как нетрудно заметить, заполнен теми же методологическими единицами, что и первый столбец внутридисциплинарной матрицы социологии. Это объясняется тем, что картина мира, общая и частные теории, эмпирические и прикладные исследования, методология и методика как обязательные компоненты присутствуют во всех социальных науках. Скажем, картина мира в социальной психологии, экономике, политологии, антропологии и социологии построена вокруг поведения групп людей в социальной среде, но в одном случае под этой средой понимается рынок, в другом — сообщество знакомых людей («значимых «других»»), в третьем — примитивная община. Картина мира как совокупность философских воззрений на устройство, сущность и природу изучаемого данной наукой фрагмента общества (или социальной реальности) похожа в разных науках, поскольку во многом похож объект изучения — люди. Кроме того,

в экономике, политологии, антропологии, социальной психологии, социологии применяются близкие методы эмпирического исследования. Разумеется, много общего у них и в плане методологии.

В табл. 1.1 представлены не только социальные науки, но и гуманитарные дисциплины. Между ними, несмотря на видимое сходство, множество различий, особенно касающихся методов и способов познания социальной реальности. Социальные науки ориентированы преимущественно на количественные, а гуманитарные — на качественные показатели.

Не только общество, но и культуру изучает не одна, а множество наук и дисциплин. Поэтому и культурология, подобно социологии, может быть представлена свойственной ей междисциплинарной матрицей.

Под разным углом зрения культуру в целом либо ее отдельные стороны изучают философия культуры, эстетика, этика, педагогика, искусствоведение, литературоведение, архитектура, музыка, социология, социология культуры, социология труда, социология города, социальная психология, культурология, культурная антропология, социальная антропология, психологическая антропология, археология, этнография, этнология.

Борьба социологии со своими «родственницами»

На протяжении долгого времени как европейским, так (позже) и американским социологам приходилось бороться за самостоятельность своей науки, размежевание с родственными гуманитарными дисциплинами, с которыми постоянно смешивали социологию. Две «кузины» социологии — психология и экономика, а также одна «дальняя родственница» — биология — выступали одновременно непримиримыми врагами юной социологии. На заре своего существования ей пришлось вести с ними жесткую борьбу — как на теоретическом, так и на практическом поприще.

Такую борьбу вели на исходе XIX в. предшественники первого поколения американских социологов. Так, Л. Уорд (1841–1913) активно отстаивал автономный статус социологии, ее независимость от биологии. «Если мы признаем биологические процессы естественными, то должны признать социальные процессы искус-

ственными (artificial). Фундаментальный принцип биологии — естественный отбор, а социологии — искусственный отбор... Если природа эволюционирует благодаря устранению слабых, то человеческий прогресс совершается благодаря защите слабых». Историческая заслуга Л. - Уорда состоит в том, что он одним из первых в США попытался освободить социологию от биологических пут. Социологию он считал прикладной, ориентированной на социальные реформы дисциплину.

Л. Уорд прожил яркую и интересную жизнь. Научную деятельность начинал в качестве геолога и палеонтолога, был одним из основателей палеоботаники. Большую часть жизни он провел в государственных органах, занимаясь самой разной научной работой. Социологию ему пришлось преподавать только в течение семи лет. Но и здесь он достиг немало, успев стать первым президентом Американского социологического общества.

Л. Уорда можно назвать величайшим защитником социократического типа демократии. При социократии, или идеальной демократии, индивидуализм и конкуренция должны исчезнуть, хотя индивидуальные желания и интересы останутся, как останутся и индивидуальные свободы. Но это уже будут цивилизованные желания, которые, реализуясь, не нарушают общей гармонии и не вредят общему благу. Л. Уорд поддерживал профсоюзное движение, симпатизировал пролетариату и выступал за равенство классов. Однако всеобщее равенство, по его мнению, означает равенство стартовых возможностей, одинаковый доступ к образованию всех, но не равенство конечных результатов, оборачивающееся на деле государственным социализмом и уравниловкой.

Как считал Л. Уорд, раздвоено не только человеческое существо, разрывающееся между миром природного и миром социального, но и человеческое общество. В нем одновременно царствуют слепые законы естественного отбора, заставляющие людей не щадить друг друга в конкурентной борьбе, и разумные законы добра, основанные на высоких гуманистических ценностях. По оценкам Л. Козера, Л. Уорд заложил основы дуалистического подхода в социологии².

Размежевание социологии с психологией происходило особенно трудно, очень долго и

не всегда последовательно. Ранние американские социологи, хотя и выступали за самостоятельность социологии, не всегда точно могли представить ее предмет, поэтому социология у них наполовину перемешана с психологией.

Так, Ф. Гиддингс (1855–1931) представлял социологию как специальную науку, опирающуюся на достижения естествознания. Он не мыслил ее вне широкого применения статистических методов. Но этим научная социология, по его мнению, не должна ограничиваться. Она прибегает также к психологической и даже физиологической интерпретации данных. Поэтому общество у Ф. Гиддингса не только и не столько социальный феномен, сколько физико-психологический организм — результат одновременно бессознательной эволюции и сознательного развития (усилий интеллигенции и всех мыслящих людей).

Социологическое учение Ф. Гиддингса базируется на двух центральных понятиях — понятиях сходства и возбуждения. Он считал, что «многообразие форм поведения — это предмет психологии общества, которую иначе называют социологией. Эта наука, статистическая по своим методам, стремится, во-первых, факторизировать множественность поведения, во-вторых, объяснить генезис форм поведения, их интеграцию, дифференциацию и функционирование в терминах 1) возбуждения и 2) сходства (большого или меньшего) частей реагирующего механизма».

По мнению А. Гоулднера, социология возникла в начале XIX в. как резидуальная дисциплина: она изучала то, что «выпало в осадок» из других наук, что ими игнорировалось, т.е. взаимоотношения больших социальных групп, функционирование социальных институтов, взаимодействие классов и слоев, отклоняющееся поведение и т.п. Возникновение социологии произошло в тот исторический момент, когда внимание общественности сместилось с естественных наук, изучавших природу, на социальные науки, изучавшие человека и общество. Именно в это время формируются экономика, этнография, психология.

Фронтальное наступление на биологию и экономику провел в 20–30-е гг. XX в. Толкотт Парсонс. Собственно первая и самая крупная его работа, посвященная социальной действительности, на 2/3 представляет отчет об институ-

циональном дискурсе со своими оппонентами. Парсонс подробно описывает, почему они не правы, чем социология отличается от биологии, почему они изучают разные законы и вообще находятся в разных научных измерениях, почему не следует социологию путать с экономикой и т.п. Страницы огромного фолианта пестрят датами, именами, ссылками на работы, которые сегодня не представляют никакой научной ценности, поскольку и биология, и экономика ушли далеко вперед, а нужны (да и то весьма сомнительно) небольшому кругу историков науки. За напряженной научной полемикой скрывалось вполне земное желание Парсонса сформировать факультет социологии и стать его деканом.

Ссылки:

1 Батыгин Г.С., Градосельская Г.В. Сетевые взаимосвязи в профессиональном сообществе социологов: методика контент-аналитического исследования биографий // <http://www.nir.ru/Socio/scipubl/sj/sj1-01grad.html>

2 Там же

3 Веб-адрес: <http://ppl.ptt.ru/komitet/zakon/>

4 Култыгин В.П. Социальное знание и реальность; противоречия в познании и развитии современного мира // Социол. исслед. 1999. № 12. С. 10.

5 Coser L. American trends // A history of sociological analysis. L., 1979. P. 299.

Лексический и логический анализ понятий «эклექтика», «эклექтизм» и «эклექтицизм»

Качулин А.Г.

В статье предпринята попытка найти и исследовать ядро лексического значения терминов «эклექтика», «эклექтицизм» и «эклექтизм». В исследовании показано, что ядро лексического значения терминов устойчиво включает в себя следующий смысл: явление эклექтики наблюдается, когда имеет место соединение несколько (два или более) качественно разных мировоззренческих структур. Ядро лексического значения терминов не содержит качественных характеристик процесса соединения и объектов соединения в рамках эклექтической системы. В работе показано, что смысловая бедность ядра термина приводит к логической проблеме. Показано, что философские или научные положения детерминируют понятия «эклექтика», «эклექтицизм» и «эклექтизм» несмотря на то, что их относят к области философии науки или теории философии. Ключевые слова: Эклექтика, эклექтизм, эклექтицизм, ядро лексического значения, дефиниция, определение.

The lexical and logical analysis of the concepts of «eclecticism», «eclectic» and «eclecticism»

Kachulin A.G.

Moscow State University

The article attempts to find and explore the core of the lexical meaning of «eclecticism», «eclectic» and «eclecticism». The study shows that the core value of the lexical terms consistently includes the following meanings: eclectic phenomenon occurs when there is a connection multiple (two or more) is qualitatively different philosophical structures. The core of the lexical meaning of the terms does not contain qualitative characteristics and compounds the objects of the process in the framework of an eclectic system. The article shows that the poverty of the term semantic kernel leads to a logical problem. It is shown that the philosophical or scientific principles dictate the concept of «eclectic», «eclecticism» and «eclecticism» in spite of the fact that they belong to the field of philosophy of science or theory of philosophy.

Keywords: eclecticism, eclectic, eclecticism, the lexical meaning of the core definition, a definition.

Термины «эклექтицизм», «эклექтизм» и «эклექтика» широко применялись и применяются в научной и философской литературе. Однако далеко не всегда этим терминам придается одно и то же значение. Лексическое значение этих терминов связано с некоторой структурной характеристикой научной, философской или мировоззренческой системы. Однако в работах ученых и философов эти термины зачастую приобретает как отрицательные, так и положительные коннотации.

«При подделке марксизма под оппортунизм подделка эклექтизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, <... > на деле не дает никакого цельного понимания процесса общественного развития», - пишет В.И. Ленин [1, 21].

«Эклექтик – это философ, который, попирая предрассудок, традицию, древность, всеобщее согласие, авторитет, одним словом, все, что порабощает множество умов, осмеливается мыслить самостоятельно, восходить к наиболее ясному общим началам, анализировать их, обсуждать, не принимать ничего, что не находит подтверждения со стороны его опыта и разума», - пишет Д. Дидро [2, 36].

Неопределенность значения термина может приводить к серьезным теоретическим разногласиям, как одна из неявных предпосылок того или иного философского или научного метода, от которых предостерегал Н.О. Лосский в своем «Обосновании интуитивизма» [3, 22]. Такие предпосылки оказывают неявное влияние на весь характер научных и философских систем.

Чтобы показать, насколько сильно различаются определения понятия «эклექтицизм» мы воспользуемся семасиологическим методом выделения лексического ядра слова. С точки зрения современной семасиологии, значение каждого слова состоит из ядра и периферии. Сравнивая варианты употребления одного и того

же слова можно выделить семантическое ядро слова и отделить его от периферийных значений [4].

Попробуем выделить семантическое ядро термина «эклетицизм». Прежде чем продолжить, отметим, что понятия «эклетика», «эклетицизм» и «эклетицизм» употребляются во всех нижеприведенных словарях как взаимозаменяемые синонимы.

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона дается следующее определение эклетики: направление философии, старающееся построить систему путем сочетания различных признаваемых истинными положений, заимствованных из разнообразных философских систем. [5, 452].

Философский словарь под ред. И.Т. Фролова дает такое определение эклетицизма: смешение различных, зачастую противоположных точек зрения, философских взглядов, теоретических посылок, политических оценок и т. п. Основным методологическим пороком эклетицизма является неумение выделить из суммы связей и отношений объективного мира главнее связи предмета, явления в их конкретно-исторической обусловленности, механическое объединение различных сторон и свойств [6, 679].

В толковом словаре Ожегова мы находим другое определение эклетицизм. Под этим термином понимается «механическое соединение разнородных взглядов, точек зрения, в изложении чего-либо и исследовании чего-либо» [7, 889].

Кроме того, существуют определения термина «эклетицизм» с точки зрения искусствоведения (как определенного художественного стиля) и истории философии (как характеристики определенного этапа в истории философии). Эти определения не имеют для нас значения, поскольку слово «эклетицизм» в качестве обозначения художественного стиля или исторического этапа является омонимом к понятию «эклетицизм» из области структурной характеристики научных и философских систем. Это видно из того факта, что в отличие от приведенных выше определений, две последние дефиниции являются номинальными, а не реальными.

Чтобы выделить устойчивое семантическое ядро термина, попытаемся скомпоновать устойчивые и более-менее близкие по значению элементы определения в табл. 1.

Таблица 1

Словари	Характеристика эклетического метода	Объекты воздействия эклетического
Словарь Брокгауза и Ефрона	Сочетание	признаваемые истинными положения, заимствованные из разнообразных философских систем
Философский словарь под ред. И.Т. Фролова	Смешение	различные, зачастую противоположные точки зрения, философские взгляды, теоретические посылки, политические оценки
Толковый словарь Ожегова	Неорганическое, чисто внешнее соединение	несоединимые взгляды, точки зрения, методы в исследовании

Из таблицы мы видим, что приведенные выше определения расходятся в характеристике эклетического метода. Слова «сочетание», «смешение» и «механическое соединение» имеют принципиально разные лексические значения.

Слово «сочетание» имеет значение «разумное, гармоническое (соединение), объединение вещей подходящих друг другу». Слово имеет положительные коннотации. Когда говорят, что что-то сочетается с чем-то, имеют в виду, что что-то подходит к чему-то, образует с ним гармоническую комбинацию.

Слово «смешение» имеет значения «образование из различных частей чего-либо другого», «создание путаницы, беспорядка», «принятие одного за другое». Слово имеет негативные коннотации, но может употребляться и как нейтральное. Когда говорят, что что-то смешалось с чем-то, имеют в виду, что что-то в соединении с чем-то другим превратилось в некое неразделимое третье.

Словосочетание «неорганическое соединение» имеет значение «нетворческое «при помо-

щи грубой силы» соединение (скрепление) несочетающегося». Оно имеет исключительно негативные коннотации.

Очевидно, то «разумное сочетание» не может быть «созданием путаницы», а «неорганическое соединение» не может приводить к полному смешению, превращению в неразделимую третью субстанцию. Мы видим, что все три определения методов эклектического противоречат друг другу, когда речь заходит о качественной характеристике эклектического метода. Если попытаться выделить общие смыслы, единые для всех этих слов, то в сухом остатке мы будем иметь только то, что все они обозначают процесс, происходящий с несколькими (хотя бы с двумя) элементами и осуществляющий каким-то образом соединение этих элементов. Качественная характеристика этого соединения может быть очень широкой, начиная от «гармонического соединения» и заканчивая «соединением при помощи грубой силы» или «намеренным нарушением чистоты и ясности чего-либо».

Еще сильнее различается описание объектов эклектического метода. Когда речь идет о «признаваемых истинными положениях, заимствованных из разнообразных философских систем», ключевые характеристики объектов эклектического метода таковы: во-первых, они кем-то признаются истинными, во-вторых, они заимствованы из разных философских систем, в-третьих, речь идет исключительно о философских положениях (а не, например, о научных или политических доктринах).

Когда речь идет о «различных, зачастую противоположных точках зрения, философских взглядах, теоретических посылах, политических оценках», то ключевые характеристики объектов эклектического метода таковы: во-первых, они различны, во-вторых, они не обязательно относятся к философии (они могут относиться к политике, к теоретическим посылам и т.д.), в третьих, они представляют собой не только положения, но и оценки, точки зрения и т.д.

Когда речь идет о «несоединимых взглядах, точках зрения, методах в исследовании», то оказывается, что ключевые характеристики объектов эклектического метода таковы: во-первых, они несоединимы, во-вторых, они представляют собой взгляды, точки зрения или методы.

Единое представление об элементах эклектической системы, которое можно выделить из этих трех определений ограничивается только констатацией того, что объектов эклектического воздействия должно быть несколько, и они должны качественно отличаться друг от друга (между ними должна существовать качественная разность). Что это могут быть за объекты, где заканчиваются пределы их сочетаемости, в какой форме они могут существовать до своего объединения – все это не включается в пределы единого воспроизводимого смыслового ядра термина.

Таким образом, лексическое ядро слова «эклектизм» по сути, устойчиво включает в себя только следующий смысл: соединение нескольких (от двух и выше) качественно разных мировоззренческих структур. Словосочетание «мировоззренческая структура» используется здесь для того, чтобы не давать качественную характеристику тем объектам, которые соединяются в рамках эклектической системы. В этом же значении употребляют это словосочетание П.В.Алексеев и А.В. Панин, когда говорят что, под мировоззрением понимается «совокупность взглядов на мир в целом и на отношение человека к этому миру» [8, 4]. Все остальные элементы лексического значения термина и его коннотации входят в область лексической периферии слова и воспроизводятся лишь время от времени.

Теперь становится понятно, что понятия «эклектика», «эклектицизм» и «эклектизм» имеют очень бедное лексическое ядро, которое компенсируется привнесением многочисленных значений из области лексического поля. Поэтому их значения так сильно различаются. Термин наполняется тем или другим смыслом от случая к случаю. Область этого наполнения широка: от качественной характеристики метода соединения до описания объектов соединения в рамках эклектической системы.

Логический анализ терминов «эклектика», «эклектизм» и «эклектицизм»

То, что термин может наполняться различными значениями и детерминироваться исходя из той или другой философской или научной системы, не является логической проблемой, если этот термин не относится к области более высокого порядка по отношению к системе, ко-

торая его детерминирует. Но если происходит наоборот, то мы сталкиваемся с парадоксом: элемент более низкого порядка детерминирует систему более высокого порядка.

Большинство авторов относит понятия «эклетицизм», «эклетика» и «эклетицизм» к области метафилософии [8, 28-61] или философии науки. С помощью этих понятий описывают нестройные философские и научные концепции, указывают на то, что они содержат неоригинальные элементы, противоречащие друг другу. То есть «эклетицизм» рассматривается как внешняя характеристика систем, связанная с их структурой, но не с их конкретным содержанием. То, что этот термин относят к области метафилософии (теории философии) или философии науки не случайно.

Когда философы и ученые говорят об эклектике, под этим словом понимают некоторое явление, которое может быть констатировано только с высоты уровня метафилософии. Ведь для того, чтобы понимать, что философская или научная система «смешивает», «механически соединяет» или «сочетает», ряд «качественно разных мировоззренческих структур» нужно находиться над этими мировоззренческими структурами и с этой высоты оценивать рассматривать эти структуры как качественно разные неэклетические единства.

Для того чтобы обнаружить «качественную разность» некоторых мировоззренческих структур и отличить эту «разность» от «количественной разности» (например, от такой, какую можно наблюдать при сравнении одной и той же системы на разных этапах развития, в связи с уточнением некоторых формулировок), необходимо сначала найти и констатировать те качественные однородности, из которых были изъяты эти мировоззренческие структуры. А обнаружить наличие двух качественно разных цельных и непротиворечивых философских систем можно только с высоты метафилософии. Альтернативный подход был бы проблематичен, что будет показано ниже.

Во-первых, констатировать единство (однородность) каждой из нескольких (каждой по отдельности) философских или научных систем, положения которых включены в систему, названную эклектической, нельзя изнутри одной из этих систем. Ведь если у наших двух систем разные основания, то сформированный

в рамках нашей системы механизм оценки цельности будет детерминирован этими основаниями, и будет неприменим к системе с другими основаниями. Система, базирующаяся на других основаниях, из первой системы будет всегда пониматься как нецельная, незавершенная или противоречивая. Если предположить обратное, то мы, либо должны будем утверждать, что в системах, выведенных из определенных оснований, есть нечто, не детерминированное этими основаниями. Либо должны будем искать такие две системы, которые выведены из одних и тех же оснований, но при этом формируют какие-то качественно разные (то есть в некоторых случаях противоречащие друг другу) представления об одних и тех же предметах. Получится, что одно может быть двумя. И то, и другое явно проблематично.

Во-вторых, невозможно находится внутри нескольких философских или научных систем и изнутри обнаружить единство каждой из них. Предположить, что возможна такая система, которая позволит находиться внутри нескольких систем и расстраивать эти системы как единства, значит предположить возможность существования эклектической системы до того как она обоснована.

В-третьих, нельзя обнаружить единство каждой из двух или более философских или научных систем, положения которых включены в систему, названную эклектической находясь вне этих систем. В этом случае мы будем находиться либо в пределах другой (третьей) системы, которая и позволит нам констатировать единство (однородность) каждой из двух первых. Тогда для нашей третьей системы нам придется искать такое основание, которое позволит создать инструмент, позволяющий показать однородность двух других систем, вытекающих из других оснований, что проблематично по аналогии с первым случаем.

Если же допустить, что можно находиться вообще вне систем, но не над ними (не на метафилософском уровне или уровне философии науки), то проблема поиска единства не будет снята, потому что критерий для определения единства в этом случае нам придется искать в чем-то таком, что само по себе единства не образует.

Нельзя также предположить, что для обнаружения эклектического не нужно рассматри-

вать два или более единства, а достаточно обнаружить одно единство, а затем обнаружить в рамках эклектической системы элементы не входящие в это единство, что будет показано ниже.

Если бы это было возможно, то проблема обнаружения разнородности двух философских единств на уровне, ниже метафилософского была бы снята. Единство одной философской или научной системы можно было бы определить из нее самой, а все что явно находится за пределами этого единства воспринимать как отличное (разное по сравнению с тем, что входит в единство). В лексическое ядро термина «эклектизм» входит не разнородность сама по себе, а вообще некоторая качественная разность элементов. Причем, что это за разность, опираясь на определение сказать затруднительно. Единственное, что, по всей видимости, можно утверждать, так это то, что эта разность – качественная. Одним словом, если бы это было бы возможно не потребовалось бы привлечение метафилософского уровня и уровня философии науки для характеристики системы как эклектической.

Предположим, что такой метод возможен. Представим, что существует единая система А, а вокруг нее существует неопределенное поле разного рода положений В. Позаимствовав из единства А положение а, затем из поля В положение b и соединив эти положения, мы получим простейшую систему ab, которую при можно будет назвать эклектической. Возникает вопрос: будет ли полученная система представлять собой некое единство (С) или же она останется просто случайным соприкосновением положений а и b, не образующим никакой системы.

Если мы допустим, что полученная эклектическая система представляет собой некое единство (С), то мы тем самым мы заявим, что эклектической может быть названа любая система, полученная в результате соединения элементов явно входящих в одну систему А с элементами, явно в нее не входящими. Механизм образования эклектических текстов в этом случае будет включать в себя, в том числе и метод индукции, связанный с переходом от частного к общему. Ведь в некотором количестве частных фактов никогда не содержится обобщение этих фактов. И все философские и научные системы, которые пользовались этим инструментом познания, окажутся эклектическими.

Вообще, в этом случае эклектическими можно будет при назвать абсолютно все системы, за исключением только самой первой системы, потому что любая система, так или иначе, заимствовала хотя бы самые незначительные элементы какой-нибудь другой системы, а потом присоединяла к ним элементы, не входившие в первую систему.

Если же предположить, что эклектическая система ab не будет представлять собой никакого единства, то из соединения двух частей системы не будет возникать никакого единства, а значит и самостоятельного смысла. По всей видимости, примитивная система ab, не представляющая собой никакого единства, должна без всяких потерь для содержания распасться на части а и b. Существование системы, состоящей только из элементов а и b, но не образующих никакого единства – очень проблематичная вещь. Во-первых, нужно представить систему, которая будет представлять соединение положений а и b безо всякой связи, поскольку любая связь этих элементов будет организовывать их в определенное единство, что противоречит нашему условию. Значит, нам нужно будет создавать систему из элементов, между которыми нет никакой связи. Во-вторых, эта система не может быть создана целенаправленно. Ведь любое осмысленное целенаправленное соединение элементов а и b принесет некоторый смысл в это соединение. Ведь даже если кто-то просто расположит положения а и b рядом, между ними уже возникнет отдельная новая смысловая связь (связь по расположению), которой не было в изначальных системах, что противоречит показанному выше. Значит, чтобы получить такую эклектическую систему нам нужно будет добиться того, чтобы соединение двух элементов не несло никакого самостоятельного смысла и не имело никакой цели. В-третьих, запланированная случайность не сможет создать эклектическую систему. Потому что получившаяся в результате целенаправленного случайного соединения система все-таки будет нести в себе самостоятельный смысл, как результат целенаправленного эксперимента со случайным исходом. Выходит, что соединение а и b должно быть не просто математически случайным, но абсолютно случайным.

Однозначно сказать, что какие-то случайности в мире точно не несут никакого смысла,

что они абсолютно случайны, значит допустить некоторую метафизическую предпосылку эклектического, не входящую в состав эклектической системы. Кроме того, даже если предположить, что во вселенной существует некая случайность, которая не несет никакого смысла и абсолютно случайна, то это не решит вопроса, как с ее помощью можно создать эклектическую систему. Потому что желание целенаправленно воспользоваться элементом случайности уничтожит необходимый нам эффект действия безо всякой цели, который именно и необходим нам для абсолютной случайности. Нужно ожидать того, что случайность подействует сама. И эклектическая система просто так возникла из соединения двух или более элементов, безо всяких на то причин и оснований. Что проблематично.

Таким образом, мы видим, что «эклектическое» в системах может быть обнаружено без нарушения логики научного и философского исследования только на уровнях философии науки и метафилософии.

На метафилософском уровне и уровне философии науки мы можем выделить две системы как два структурных единства не находясь внутри одной из этих систем. Инструментарий метафилософии позволяет инкапсулировать особенности философских систем и рассматривать их безотносительно их содержания как структурные единства. То же самое касается и уровня философии науки.

На этих уровнях указанные выше проблемы снимаются сами собой. На уровне метафилософии или философии науки мы сможем сказать, что если существует единая система А, а также единая система В, то позаимствовав из единства А положение а и из единства В положение б и соединив эти положения, мы получим простейшую систему аb, которая может быть названа эклектической. Будет ли эта система единой? Если мы ответим, что она не будет единой, то столкнемся с теми же проблемами, о которых говорилось выше. Мы не сможем доказать возможность существования таких систем, а также обосновать возможность ее создания.

Но если мы ответим, что эта система будет единой, то мы не столкнемся с теми проблемами, о которых говорилось ранее. Если из явно существующей системы А мы возьмем элемент и соединим его с элементом явно существую-

щей системы В, не прибавляя ничего от себя, то этот механизм образования уже не будет индуктивным по форме. Кроме того, на основании такого смыслового ядра понятия «эклектическое» мы уже сможем четко отделить системы, которые могут быть названы эклектически от систем, которые эклектическим названы быть не могут, вне зависимости от обстоятельств.

Итак, эклектическими мы сможем называть такие системы, про которые можно сказать, что они возникли исключительно из соединения элементов уже существующих качественно разных систем.

Однако метафилософский уровень и уровень философии науки порождает новые проблемы, связанные с понятиями «эклектика», «эклектизм» и «эклектицизм». Дело в том, что на этом уровне существует значительное количество критериев, для классификации философских систем и обнаружения философских единств и разницы между элементами этих единств.

Например, онтологические системы можно делить по количеству первоначал, которые они допускают, а можно, например, в зависимости от вида этих первоначал. И та, и другая группа систем будет образовывать некоторое единство. Заимствуя элементы из двух несопадающих групп, мы сможем получить систему, которую можно будет назвать эклектической.

Вопрос состоит в том, как нам выбрать некое конкретное основание для определения «единств и разностей» в конкретном случае, когда нам нужно констатировать эклектическое? Ведь единства с точки зрения одного основания, с точки зрения другого основания единствами назвать будет нельзя. Поэтому, когда мы захотим констатировать эклектичность некоторой системы, мы должны будем выбрать конкретное основание для определения единств и разностей, по отношению к которому система и будет эклектичной.

Но в этом случае получается, что наше понимание эклектичности (которое возможно только на метафилософском уровне) даже в самом обобщенном виде (в виде смыслового ядра этого термина) оказывается детерминировано нашим выбором основания. То есть философская позиция будет детерминировать метафилософскую характеристику. А научная позиция будет детерминировать характеристику из

области философии науки.

Проблема выбора основания для поиска эклектического может сниматься посредством случайности. Но тогда нам придется сказать, что одна и та же система может быть в одном случае будет эклектической, а в другом неэклектической. Мы вынуждены будем заявить, что эклектика случайна.

Второй вариант: выбрать основания, руководствуясь некоторой доктриной, неким пониманием философии и философского процесса. Но тогда получится, что явление, которое может быть констатировано на метафилософском уровне, на самом деле детерминировано явлениями более низкого порядка. Значит, не может претендовать ни на объективность, ни на самостоятельность, ни даже на положение над конкретными стилями философствования. Мы не сможем сказать, что какая-то система является эклектической, не заявив предварительно, каких взглядов мы придерживаемся, потому что без этого комментария наше заявление не будет иметь никакого содержания.

Лексический и логический анализ понятий «эклектика», «эклектицизм» и «эклектизм» показывают, что внутри самого лексического ядра термина заключен логический парадокс, связанный с тем, что оно отсылает к необходимости поиска некоторых структурных научных и философских единств, в то же время, не давая никаких критериев для такого поиска. Это заставляет философов и ученых искать такие критерии самостоятельно или полагаться на случайность. «Бедность» лексического ядра термина приводит к сложной теоретической проблеме.

Литература

1. Ленин В.И., Полное собрание сочинений, 5 изд., М.: Издательство политической литературы, 1958-1965. Т. 33.
2. Diderot D. Oeuvres completes. Paris: Hermann., 1975–1989. V. 7.
3. Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма. В кн: Избранное. М.: Правда, 1991.
4. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля. Филологические науки, 1972, 1, 57 - 68.
5. Андреевский И.Е., Арсеньев К.К., Петрушевский Ф.Ф. (Ред.) Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (ЭСБЕ). Спб: АО Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1890- 1907. Т.40 (79).
6. Фролова И.Т. (Ред.) Философский словарь. М.: Политиздат, 1981.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка М.: Советская Энциклопедия, 1970.
8. Алексеев П.В. и Панин А.В. Философия. М.: Проспект, 2013.

АВТОРЫ

Батуренко Светлана Алексеевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. level_s@rambler.ru

Восканян Эвелина Самсоновна - социологический факультет, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова. evelina.voskanyan@mail.ru

Галкин Константин Александрович - аспирант Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» НИУ ВШЭ (СПб), Kgalin1989@mail.ru

Добреньков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой истории и теории социологии, социологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

Качулин Антон Геннадьевич, аспирант, философский факультет МГУ им. М.В.Ломоносова

Корнилович Владимир Адамович - кандидат социологических наук, докторант Института социологии РАН, kornilovich69@mail.ru

Кравченко Альберт Иванович – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ. kravchenkoai@mail.ru

Лядова Анна Васильевна - кандидат исторических наук, социологический факультет, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова. annasm@mail.ru

Лядова Мария Васильевна - кандидат медицинских наук, врач высшей категории, травматолог-ортопед, городская клиническая. mariadoc1@mail.ru

Мелешко Галина Александровна - доцент кафедры истории и культуры, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия». dombrovskayagina1946@mail.ru

Михайлова Мария Алексеевна - магистрант кафедры социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. socorgmen@yandex.ru

Насобин Олег Брониславович - член Международного Союза Журналистов, Член Союза

писателей, РГГУ, кафедра Музеологии. Oleg.N.egr@mail.ru

Ненашев Михаил Иванович - доктор философских наук, профессор кафедры социологии и рекламы факультета социальных технологий Вятского государственного гуманитарного университета, г. Киров. mnenashev@inbox.ru

Новоселова Елена Николаевна - кандидат социологических наук, доцент, зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе, социологический факультет, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова. alena_n_@mail.ru

Павлова Елена Игоревна аспирант ФГБУ ВО МЭИ, masolei@yandex.ru

Рахманов Азат Борисович - доктор философских наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. azrakhmanov@mail.ru

Решетова Светлана Геннадьевна - аспирант кафедры политологии, социологии и связи с общественностью, ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный нефтяной технический университет»

Рогатко Сергей Александрович - кандидат исторических наук, член Российского Комитета по истории и философии науки и техники РАН. roгатко1@yandex.ru

Синельников Александр Борисович - доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. sinelka@mail.ru.

Тавадова Анжелика Вячеславовна – старший преподаватель кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. atavadova@gmail.com

У Яао - аспирант кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. abri510@mail.ru

Шимановская Светлана Владимировна - соискатель кафедры педагогики и педагогической психологии, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск). sv_shimanovskaya@mail.ru

